

уральский

следопыт

№6 *** 1975

А БЫЛ ЛИ «КОНДОР»?

Однажды мне понадобилось посмотреть список русских военных судов, находившихся в Порт-Артуре в 1904 году. Список этот был хорошо знаком мне, и я знал его почти наизусть. Но в данном экземпляре списка я сразу увидел незнакомое название: миноносец «Кондор». Разве был такой в Порт-Артуре? Обычно в каждом списке судов флота указывается и их судьба, причины гибели и т. д. Но у «Кондора» вместо всех этих сведений стоял вопросительный знак.

Тогда я решил узнать о боевой деятельности «Кондора» в Порт-Артуре. Начал с просмотра «Боевой летописи русского флота». Но в этой солидной книге, перечислявшей даже самые мелкие боевые действия на море, о «Кондоре» не упоминалось ни разу. Неужели миноносец никогда не выходил в море? Или его вообще не существовало? В пожелтевшей от времени «Иллюстрированной летописи русско-японской войны 1904—1905 годов» и в других старых книгах я нашел изображения всех боевых судов русского флота. Не было только изображения «Кондора». Зато я нашел изображение «Сокола». Если был миноносец «Сокол», то, очевидно, мог быть и «Кондор». Надо искать. Я прочитал множество книг и архивных документов о русско-японской войне, но о «Кондоре» нигде не упоминалось. В списках же судов русской Тихоокеанской эскадры — в одних «Кондор» значился, в других — отсутствовал. Получалось так: прибыл миноносец в Порт-Артур перед войной и исчез, словно в бездну провалился.

Миноносец — не иголка в стог сена. Обратился за помощью к старым морякам — участникам обороны Порт-Артура. Все они дружно утверждали: не было в Порт-Артуре «Кондора». Тогда я показывал им списки кораблей русского флота, в которых «Кондор» значился в числе судов, находившихся в Порт-Артуре.

Одни из моряков смущались, ссылались на ослабшую память, другие упорствовали: не было «Кондора» в Порт-Артуре, а в списках просто опечатка.

Но «Кондор» есть не в одном списке. Неужели во всех списках — опечатки, и почему именно с «Кондором»?!

Архивы, музеи, справочные учреждения в ответах на мои запросы не радовали и сообщали одно и то же: о судьбе «Кондора» и вообще о таком миноносце им ничего неизвестно.

В голову приходят самые нелепые предположения. Миноносец шел в Порт-Артур, но утонул, не добравшись до порта; или в списке его внесли, но не построили? Уж не подводной ли лодкой был «Кондор»? Подводные лодки в те годы заносились в списки кораблей как миноносцы второго класса. Но нет — подводным лодкам давали не птички, а рыбы имена — «Кефаль», «Щука», «Налим» да и не было подводных лодок в Порт-Артуре.

Тогда я решил найти по спискам офицеров старого флота, кто из них плавал на «Кондоре» или командовал им. Это была кропотливая работа. Одних только лейтенантов в царском флоте оказалось 843! Часто попадались «титулованные» фамилии: князь Черкасский, граф Гейден, барон Черкасов, князь Голицын и т. д. Состав офицеров флота был особенно аристократическим. Были здесь и барон Дандре, и маркиз Курвуазье, и другие потомки бежавших из Франции в годы революции дворян. А некоторые фамилии звучали, словно пушечные салюты: Паттон-Фантон-де-Верайон или Моннерот-дю-Мэн или О'Бриен-де-Ласси или Жирар-де-Сукантон и даже — Де-Помпильяно-дон-де-Кастро-де-Монте-Рик!

Всякие попадались имена... Не было только фамилий офицеров, служивших на «Кондоре». Но не мог же миноносец плавать без командира и без офицеров?! Но вот — находка! Капитан 1-го ранга Гузевич. В 1891—1893 годах он командовал «Кондором». По спискам кораблей русского флота год спустя «Кондора» на воду — 1902-й. Значит, в 1891—1893 годах «Кондора» еще не могло быть. Или это был другой «Кондор»? Проверяю, сравниваю и нахожу: Гузевич командовал «Кодо-ром» — небольшим военным пароходиком, а не «Кондором». На этот раз опечатка в справочнике беспорна.

Неужели и «Кондор» — не миноносец с таким гордым и звучным именем, а всего лишь — досадная опечатка?!

В номере:

Л. Большаков ОТЕЧЕСТВУ ДРАГИЕ ИМЕНА	2
УРАЛЬСКИЙ «АЛФАВИТ» ДЕКАБРИСТОВ	4
ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА	12
А. Нагибин, Л. Чирков К ЦИОЛКОВСКОМУ В ГОСТИ	17
Л. Квин ТРИ ЖИЗНИ НИКОЛАЯ СТРУКОВА. Документальная повесть. Окончание.	20
Э. Дубровина БЕЛОЗОРЬЕ. Стихи	36
З. Танина ЛЕТЕТЬ К СОЛНЦУ	38
Ю. Липатников СТАРТЫ В МИКРОКОСМ	40
А. Мосолов АЖУРНЫЕ БЕРЕЗЫ	41
Д. Сергеев ПРЕРВАННАЯ ИГРА. Повесть	42
КАЛЕЙДОСКОП. Мой друг фантастика.	61
И. Алебастров А БЫЛ ЛИ «КОНДОР»?	64
СЛЕДОПЫТСКАЯ ХРОНИКА	65
А. Матвеев ПО ПОДОБИЮ И ОБРАЗУ	66
С. Мешавкин НА СЕМИ ВЕТРАХ	68
И. Исаев МЕДВЕЖИЙ РУЧЕЙ. Стихи	73
В. Рябицев ЗООЛОГИЧЕСКОЕ ЛЕТО	74
МИР НА ЛАДОНИ	78
САТИРА ДАВНИХ ЛЕТ	80

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь),
Владимир ТРУСОВ.

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА,
Технический редактор
Элла МАКСИМОВА,
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:
Индекс 620219
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефон 51-22-40

Рукописи не возвращаются.
Сдано в набор 28/II 1975 г.
НС 21116
Подписано к печати 11/IV 1975 г.
Бумага 84×108¹/₁₆.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 11
Тираж 275 000
Заказ 127
Цена 30 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

1-я стр. обложки — рис.
З. БАЖЕНОВОЙ

© «Уральский следопыт», 1975

№6 * 1975

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

Несколько страниц истории

Леонид
БОЛЬШАКОВ

Художник
В. Бубенищев

В нынешнем году исполняется 150 лет со дня восстания декабристов — первого в России открытого вооруженного выступления с целью свержения самодержавия и ликвидации крепостного права. Оно потерпело поражение — «дворянские революционеры», как назвал их В. И. Ленин, были далеки от народа. Но, как отметил он же, «...дело их не пропало». И память о декабристах, пошедших против своего класса ради будущего своей страны, в защиту народа, мы благоговейно храним. «Это какие-то богатыри, — страстно писал Герцен, — кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на верную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раблепия».

Оренбургский писатель и литературовед Л. Н. Большаков много лет собирает материалы по теме «Декабристы и Урал». В Челябинском издательстве к юбилейным дням выходит его книга-триптих «Отечеству дорогие имена». В очерке, сделанном для «Уральского следопыта», Леонид Большаков рассказывает о некоторых интересных находках, связанных с Оренбуржьем.

Урал... Лишь для немногих из декабристов был он прежде чем-то большим, чем понятие географическое.

На пермской земле, в Обвинске, или Обве, родился Штейнгель, в Перми жила его мать, там появилась на свет дочь Юленька; родная

сестра давно уже обитала с семьей в Златоусте, где бывал и он.

Оренбург вспоминали у Волконских: отец Сергея, князь Григорий Семенович, не один год служил тамошним военным губернатором; декабристу отчетливо виделись и степи без конца-края, и уходящие вдаль невысокие горные кряжи, и чистый полноводный Урал в зеленом венце.

Лейтенанту Гвардейского экипажа Епафродиту Мусину-Пушкину навсегда запомнился и полюбился его родной маленький Мензелинск; там прошло детство, там получил первые уроки жизни.

Не раз бывал в этих местах Гавриил Степанович Батеньков. И в юные годы — он родился неподалеку, в Тобольске. И в годы зрелые — во время службы своей со Сперанским, по заданиям которого объездил земли сибирские, земли уральские, близко узнав и богатства их, и нужды насущные...

ДРАГИЕ ИМЕНА

Думали, однако, об Урале не только они.

Ясно представлял себе этот обширный край сроду здесь не бывавший Пестель. В его «Русской Правде или Заповедной Государственной Грамоте Великого Народа Российского...», особенно в главе первой — «О земельном пространстве государства», всяк найдет и «Область Уральскую», и «округи Пермской... Уфимской», и «уезды... Шадринской, Ирбитской, Алапаевской, Челябинской, Троицкой». Причем не только округа и уезды как нечто законченное, но и определенные части их. Например, от «Пермского округа», по Пестелю, могла отойти к смежному «большая восточная часть Екатеринбургского уезда» и вообще «вся часть, лежащая за Уралом». Так и видишь вождя декабристов у карты России, со взглядом, прикованным к местам отдаленным, необжитым.

Часто переносился в мыслях своих на Урал и за Урал штабс-капитан Гвардейского Генерального штаба Корнилович. Его страстью была история. Прикомандированный к Д. П. Бутурлину, который занимался изучением походов Петра I и Отечественной войны 1812 года, он собрал великое множество материалов исторического характера, которые печатал в «Северном Архиве»; значительная часть их, правда, увидела свет гораздо позднее. Читая «Известия об успехах промышленности в России и в особенности при царе Алексее Михайловиче», мы находим в этих записках похвальные слова в адрес соляных варниц «Перми Великой». В заметках о торговле со Средней Азией упоминаются и города по Уралу, и экспедиции-караваны, которые проложили путь из Оренбурга в Бухару. В других сохранившихся материалах есть раздумья над жизнью крестьян за Уралом. Все это можно найти в книге его сочинений и писем, изданной уже в наше время — в 1957 году.

В тех походах в Хиву, в Бухару, о которых так заинтересованно писал Александр Корнилович, участво-

вал — непосредственно и весьма активно — декабрист Вальховский, лицейский приятель А. С. Пушкина. Едва вернувшись в Оренбург после экспедиции бухарской, он был назначен квартирмейстером экспедиции к Устиурту, которая дала первые основательные представления о совершенно не исследованной прежде территории между Каспийским и Аральским морями. А сразу по возвращении в Сарайчиковскую крепость Владимир Дмитриевич был арестован как член Союза благоденствия и отправлен в Кавказскую армию.

Для большинства других участников восстания на Сенатской площади Урал перестал быть понятием только географическим лишь тогда, когда по царскому приговору перешли они из рук тюремщиков крепостных во власть фельдъегерей и жандармов, получивших «предписание «благополучно» доставить «государственных преступников» к местам каторги, поселения, службы.

Архив в Оренбурге одна из тех чудесных сокровищниц, которые пока еще только приоткрыты. Века складывали исторические богатства, и когда их раскроют до конца, многие архивные страницы станут страницами печатных трудов, в том числе и о декабристах.

Заглянем в этот архив, чтобы «глотнуть воздух истории».

...14 декабря 1825 года из канцелярии Оренбургского военного губернатора вышло официальное предписание за номером 3339-м. Оно содержало наказ «о приведении киргизов к присяге на верность подданства его Императорскому Величеству Государю Императору Константину Павловичу».

Пространный план, который незамедлительно надлежало осуществить, излагался на нескольких листах большеформатной гербовой бумаги. Согласно этому плану, переводчики должны были тотчас перевести текст присяги на татарский язык. Готовились-снаряжались в трудный путь курьеры. Фельдъегерю Петрову надлежало, например, развезти «куверты» в десяток крепостей: Красногорскую, Верхнеозерную, Ильинскую и другие, вплоть до Звериноголовской, что не в одной сотне верст от Оренбурга. Комендантам крепостей, в свою очередь, предстояло разослать присяжные листы дальше — султанам, старшинам, баям и тоже «без малейшего замедления».

Того же, 14 декабря делу был дан самый полный ход, и бумажный вихрь завертелся-закружился по губернии.

И не знали, не ведали в далеком от столицы Оренбурге, что еще накануне утром давно рвавшийся к трону другой брат «почившего в бозе» Александра I — грубый, жестокий, деспотичный Николай Павлович подписал Манифест о своем восшествии на престол, что именно в этот день, четырнадцатого декабря, по велению нового монарха рано утром, в семь часов, сенат присягнул Николаю I, а несколькими часами позднее прогремели ружейные и орудийные залпы, снег обагрила кровь, и десятки убитых, раненых покрыли своими телами Сенатскую площадь.

Весть об этом дошла до здешних мест дней через девять-десять, не раньше.

24 декабря из управления военного губернатора вышла новая бумага, предписывавшая совсем иное, чем та, предыдущая: к присяге

«ордынцев» не приводить, а ждать «другого по сему предмету распоряжения». Фельдъегерей следовало «не пускать», «задержать», либо, на худой конец, «воротить».

Но они уже свое сделали. И ничего другого у них не оставалось, как те же маршруты повторить, развозя по крепостям листы клятв о верности властителю новому. Этим был заполнен весь январь следующего, 1826 года.

В Петербурге шла расправа над «оставшими», сам царь командовал ею, и не одному из декабристов довелось в непродолжительное время узнать места оренбургские, места дальние, где тем временем «...по сему листу присягали и в том печати руки и тамги приложили...»

Лист за листом, на каждом десятке фамилий и — тут же, рядом, вместо подписей то крестик, то галочка, то черточка.

Разосланные «в градские и земские полиции, во все присутственные места и к лицам, в должностях состоящим», клятвенные обещания предназначались для подписания всеми, «кроме казенных и крепостных помещичьих крестьян, и людей прочих всяких чинов и звания».

В делах «о приведении к присяге киргизов, начатым производством в декабре 1825 года, последние документы датированы 1835-м»¹. Десять, или почти десять, лет длилась переписка по поводу церемонии, которую должно было осуществить «незамедлительно!»

Листая пухлые тома рапортов-донесений, поначалу думаешь: экий в крае покой, какое плавное и незамутненное течение жизни.

А не оттого ли мысль такая рождается, что к ней стремились подвести присяге губернатора Эссена? Под-

¹ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), фонд 6, опись 10, дело 3283.

вести всем монотонным строем докладных, самой канцелярской невозмутимостью архивных подшивков?

Но, полноте, так ли они спокойны? Чем дальше следуешь за листами дел, тем явственнее прорисовывается то, чего правителям губернии видеть бы не хотелось, но не признавать было нельзя.

А вот и признание, так сказать, официальное.

Архивное дело «О кончине Императора Александра Павловича и о восшествии на престол всероссийский Николая Павловича»¹ содержит предписание военного губернатора Эссена Оренбургскому губернскому правлению, датированное 19 января 1826 года.

Бумага в состоянии ветшаем — время над этим документом поработало основательно, многого уже не разобрать, не прочесть. И все же попытаемся...

«Из высочайшего манифеста, состоявшегося 20 декабря 1825 года», констатировал Эссен, «губернскому правлению известно печальное происшествие, случившееся в 14 день того декабря» и что «по принятым со стороны правительства мерам... злоумышленники подвергнуты следствию и суду».

После этого, излагал губернатор далее, в губернии «был получен от г. военного министра экземпляр объявления, где вышеуказанное происшествие описано подробно и поминованы все начинщики мятежа»; копии «объявления» рассылались всем и вся.

«Со времени начальствования моего здешним краем... всегда видел я от дворянства, чиновников и со стороны прочих сословий усердие к российскому престолу и повиновение к постановлениям властей,— читаем мы там же,— следовательно нет сомнения, что всякий благомыслящий, верный сын отечества и христо-

¹ ГАОО, ф. 6, оп. 18, д. 24-а.

ва с ужасом прочтет оное происшествие и имена мятежников запечатлеет в неизгладимом презрении».

Но обольщаться не приходится. И он рассуждает вполне здраво: «Однако же, как пространство Оренбургской губернии вмещает в себе много таких людей, которые будучи тунеядцами, позволяют себе от праздности... нелепые и прочие против правительства слухи, то... полициям предписать, чтобы имели бдительное наблюдение дабы никто никаких толков противу правительства не имел, а если таковые возмутители окажутся, схватывая оных, представляли ко мне за караулом, с полным описанием, где что они говорили, несообразное порядку, тишине и спокойствию для применения к ним по предоставленному мне высочайшему волею праву...»

Да, это не только угроза, но и признание. Того, прежде всего, что от «толков противу правительства» губерния не застрахована. Что много в ней «тунеядцев», способных на любые «неблагонамеренные» действия. «Много таких людей...» Много?

Кого же имел в виду генерал Эссен?

...Едва ли не с начала века стала Оренбургская губерния местом ссылки для «инакомыслящих».

Всем изучающим движение декабристов хорошо известен документ под названием «Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу, произведенному высочайше учрежденною 17 декабря 1825 г. Следственною Комиссиею». С тех пор, как он был издан (свершилось это к столетию восстания, в 1925 году), обозначение «Алфавит декабристов» приобрело силу термина, понятного без дополнительных пояснений.

По примеру этого «Алфавита» и был составлен настоящий перечень участников движения, которые в разные годы и в разной степени были связаны с Уралом (в его нынешних географических границах). Одни родились здесь, жили или бывали до событий 1825-го, другие находились в ссылке, на поселении, несли тут опаль-

Прокатились волнения крестьян и военных поселенцев в Слободско-Украинской, Харьковской, некоторых других губерниях. Чиновники, офицеры и прочие, в бунтах замешанные, были отправлены по этапу в степи оренбургские.

Восстал в 1820-м Семеновский полк. Инициатором мятежа явилась первая гренадерская рота, командиром которой считался сам Александр I. Сто шестьдесят семеновцев разослали по отдаленным гарнизонам Отдельного Оренбургского корпуса. (Потом говорили, что таким путем самим царем была «заражена» вся армия).

В 1821 году тайная патриотическая организация «Филики Этерия» разожгла пламя борьбы за освобождение Греции от многовекового турецкого ига. Некоторые этеристы (или, как писали тогда, гетеристы), после разгрома восстания попросившие убежища у России, оказались среди «назначенных на жительство в Оренбургскую губернию». Ставя губернатора Эссена в известность о скорой доставке штабс-капитанов Башковича и Солтановича, капитана Иванова, Петровича и Миловановича, наместник Бессарабии генерал-лейтенант Инзов уведомлял: «Государю императору благоугодно, чтобы... по доставлении в Оренбург упомянутых лиц разослали... по разным уездным городам, ...для жительства под надзором полиции». Ссылка на «высочайшую волю» какие-либо послабления исключала.

В 1824 году попали в эти места молодые студенты Виленского университета, мечтавшие о свободе и лучшем будущем родной и Польши.

...Не мог не знать Эссен о сочувствии, которое выказывало политическим ссыльным местное население.

Со середины декабря двадцать первого года до начала февраля двадцать второго продолжался путь из Кишинева в Оренбург шести этеристов. Полицейский надзиратель

Сергеев доставил их к месту назначения в «беднейшем положении». Невелики грамотен сидели в канцелярии полиции, но уже из первого рапорта становится понятным: «Жители города Оренбурга из единственного человеколюбия снабдили их по числу своих состоянийв малейшим воздаянием...» Уместно сказать, что в том же архиве нашлось и солидное по объему дело «Об открытии подписки в пользу обитателей Греции», листы которого поведали о широкой и бескорыстной помощи вольнолюбивым сыновьям Эллады со стороны офицеров армейских и казачьих, чиновников всех степеней, юртовых и прочих старшин, отставных солдат, крестьян, мещан — обитателей городов и аулов, кантонов и деревень, русских, башкир, татар, казахов...¹

А уж если таким образом воспринимается горе народа иноязычного, то каков и каким быть может отклик людской на дела и судьбы более близкие!

* * *

Еще одно дело, начатое в 1822-м. С упомянутыми событиями не связанное и — связанное.

«Господину Оренбургскому военному губернатору.

Рескриптом на имя мое, в 1-й день сего августа данным, его императорскому величеству угодно было возложить на меня сделать распоряжение о закрытии и недопущении существования впредь масонских лож и всех тайных обществ... К приведению сих распоряжений в действие, его императорское величество указать мне изволил сообщить всем господам главноуправляющим в губерниях и гражданским губернаторам к исполнению их следующее:

1-е. Все масонские ложи и другие тайные общества закрыть и учреждения их впредь не допускать.

2-е. Объявить о сем всем членам сих обществ и обязать их подписка-

ми, что они впредь ни под каким видом ни масонских, ни других тайных обществ, под каким бы благовидным названием они не были предпологаемы, ни внутри империи, ни вне ее составлять не будут.

3-е. Как несвойственно чиновникам, в службе находящимся, обязывать себя какою-либо присягою, кроме той, которая законом определена, то каждый раз при вступлении чиновников в службу или при определении к должности требовать от них подписки по форме, при сем под № 3-м приложенной, что они ни к каким масонским ложам или тайным обществам в империи или вне оной не принадлежат.

4-е. Подписки сии хранить при списках о службе чиновников, или при просьбах об определении к должностям, ими подаваемых.

Все распоряжения сии не относятся до чиновников, в действительной военной службе находящихся, об их начальство военное получает надлежащее предписание.

О таковой высочайшей воле я честь имею вашему высокопревосходительству сообщить.

Подписали: управляющий министерством внутренних дел граф В. Кочубей и директор Ф. Фокс.

«Подписки по форме» такие:

«Я, нижеподписавшийся, сии объявляю, что я ни к какой масонской ложе и ни к какому тайному обществу, ни внутри империи, ни вне ее, не принадлежу верно».

Чиновники канцелярии губернатора и главной конторы Златоустовских заводов, Пограничной комиссии и всех других «присутствий» расписались: «не принадлежу».

Ставили подписи, видя вокруг все больше тех, кто принадлежал к этим самым обществам и ложам, а теперь оказался на положении лишенных всех прав арестантов и ссыльных.

Хотя... не для всех подписки означали отказ от идей и дел вольнолюбцев. Не случайно, что в те же

¹ ГАОО, ф. 6, оп. 4, д. 8060.

ную службу — военную и гражданскую. Третьи, следуя в Сибирь или, годы спустя, обратно, отразили свои впечатления от Урала в воспоминаниях и письмах.

Многие были связаны с Уралом заочно, переписываясь с друзьями, оказавшимися в Кургане, Оренбурге, Туринске и иных местах обширнейшей территории.

Даже краткий, сообщающий лишь самые основные сведения, «Алфавит» поможет читателю понять многообразие связей декабристов с Уралом, а пытливым даст ключ к поискам нового. «Алфавит» публикуется с продолжением.

АВЕНАРИУС, Александр Андреевич — полковник, командир 41-го егерского полка. Член Союза благоденствия. После восстания декабристов был переведен на Кавказ. Уроженец Уфы (из семьи штаб-лекаря).

АННЕНКОВ, Иван Александрович (1802—1878) — поручик Кавалергардского полка. Член Южного общества, осужден по второму разряду¹. Через Урал следовал в декабре 1826 г., направляясь к месту каторги, в Чернышские рудники. Обреченный на поселение, в 1838—1841 гг. служил в Туринске. Из Тобольска, где жил в 1841—1857 гг., выезжал в различные места Урала. В июле 1857 г. через Урал возвращался из ссылки.

АННЕНКОВА, Праксовья (Полина) Егоровна, урожд. Гельб (1800—1876) — жена декабриста И. А. Анненкова.

¹ По степени «виновности» обвиняемые по делу о декабрьском восстании были разделены на разряды — от 1-го (бессрочная каторга) до 11-го (разжалование в солдаты).

дни, когда Эссен писал о лицах, которые позволяют себе «от праздности» распускать «нелепые и прочие против правительства слухи», возникли новые дела «О масонских ложах» и пошли в Оренбург донесения о лицах, некогда принадлежавших к разным логам, в том числе о титулярном советнике Соколовиче, вошедшем «с целью пособлять страждущему человечеству» в петербургскую ложу «Петра»...

В эти же годы и месяцы действовало Оренбургское тайное общество. Словом, циркуляр 1822 года существенных результатов не принес.

В списках не поименованные

Ретивые служаки-фельдъегери мчали декабристов в Сибирь.

«Из боязни привлечь внимание населения, политические преступники были отправлены в разные сроки и различными путями,— вспоминал А. М. Муравьев.— Никому не позволялось приближаться к нам. В окопах мы сделали эти 6050 верст за 24 дня. Величайшая скорость была предписана, не принимая во внимание плачевное состояние нашего здоровья...»

Через Урал лежал путь всех осужденных на каторгу или ссылку, большинства разжалованных в солдаты или переведенных в дальние линейные батальоны.

Через Урал. В Сибирь. Далеко-далеко — в самые глухие ее места...

Только для некоторых маршрутов заканчивался еще до Уральского хребта, в его предгорьях и степях.

В Оренбург были доставлены Нил Кожевников, Петр Бестужев, Епафродит Мусин-Пушкин, Демьян Искрицкий, Алексей Веденяпин: их назначили на службу в Отдельный Оренбургский корпус. Одних — солдатами, других — в чине прежнем.

Отправка сюда являлась суровой карой сама по себе.

Следовали на Урал и через Урал также те, кто ни в первый, ни в одиннадцатый разряды не вошли, но к событиям 14 декабря отношение имели прямое.

...Когда говорят и пишут о декабристах, называют, как правило, имена членов тайных обществ и очень редко — солдат и матросов. А ведь им в восстании была определена (и принадлежала) роль поистине героическая.

Постепенно этот пробел восполняется, но — медленно. Документальные материалы о «книжных чинах» опубликованы пока в самой незначительной степени.

Тем не менее есть у нас основания заявить, что многие десятки их проследовали к местам каторги через Урал. А перед тем большинство было пропущено через строй шпицрутенов — сквозь тысячу человек по три... шесть... двенадцать раз! И Маркар Пересеткин, солдат первой роты Саратовского полка, и Даниил Соловьев, рядовой лейб-гвардии Гренадерского полка, и унтер-офицер того же полка Трофим Федотов... Можно назвать Федора Трофимова, Пантелея Долгова, Данилу Соколова, Семена Рытова, но перечислишь ли всех, на кого руководители, организаторы восстания в планах и делах своих опирались? ¹

¹ Сергей Гессен. Солдаты и матросы в восстании декабристов. М., 1930.

По пути в Сибирь бывшие рядовые Черниговского полка Шутов, Никитин и Борисов встретились со своими офицерами-декабристами Сухиновым, Соловьевым, Быстрыцким и Мозалевским — их след один из этапов.

«Это нечаянное свидание было величайшей радостью для всех,— вспоминал декабрист И. Горбачевский.— Дело, за которое они погибли, уничтожило между ними различие чинов и сословий; общее несчастье сделало нас искренними друзьями...»

...Они следовали через Урал.

Были среди этих людей, наверное, уральцы по рождению; документальные материалы о декабристах-солдатах скупы, но, поискав в местных архивах, мы такие подтверждения найдем.

Достоверно известно, что часть нижних чинов, участвовавших в восстании, была отправлена для прохождения дальнейшей своей — уже «штрафной» — службы в Отдельный Оренбургский корпус, гарнизоны которого находились едва ли не по всей территории Урала.

В связи с этим назовем два имени — только теперь моряков, матросов.

Сидор Зайцев был канониром 1-й статьи артиллерийской команды Гвардейского экипажа. Службу матросскую он начинал еще в 1816-м и ко дню восстания слыл бывалым, опытным моряком. На Сенатской площади его тяжело ранило — картечь попала в грудь и руку. В госпитале Финляндского полка, куда Зайцева доставили прямо с площади, правую руку отняли. Но еще не оправившись он от тяжелой раны, как был посажен в Петропавловскую крепость, а затем отправлен в инвалидную команду Оренбургского корпуса.

Служил там долго — следы его теряются в лабиринтах лет.

Осип Кононов значился в списках Гвардейского экипажа матросом 2-й статьи. Раненый картечью, прав²

В январе 1828 г., молодая француженка проследовала через Урал, направляясь в Петровский Завод, к жениху, с которым там обвенчалась, разделив затем долгие годы каторги и поселения. В Туринске родила сына Николая, в Тобольске — дочь Наталью. В июле 1857 г. проехала через Урал в центральные губернии России. Переезды описаны в «Воспоминаниях Полины Анненковой».

БАРЯТИНСКИЙ, Александр Петрович (1798—1844) — штаб-ротмистр, адъютант главнокомандующего 2-й армией. Член Южного общества. Осужден по первому разряду. Через Урал следовал в октябре 1827 г., направляясь на каторжные работы в Нерчинские рудники. Последние годы жизни (1839—1844) находился на поселении в Тобольске, где и умер.

БАСАРГИН, Николай Васильевич (1799—1861) — поручик, старший адъютант 2-й армии. Член Южного общества. Осужден по второму разряду. Проследовал через Урал в конце января — начале февраля 1827 г., направляясь на каторгу в Нерчинские рудники. После нескольких лет каторжных работ был обращен на поселение — в Туринск, куда прибыл 17 сентября 1836 г., а затем в Курган, где находился с 15 марта 1842 г. по 7 января 1846 г. В 1848—1857 г. жил в Ялуторовске. С ним вместе проживали жена — дочь подпоручика Туринской инвалидной команды Мария Елисеевна Маврина и сын Александр (родился в Туринске, в 1840 г.). В обратный путь проехал через Урал в марте 1857 г., после амнистии. О переездах, о жизни на каторге и в ссылке рассказано в его «Записках».

да не так тяжело, потерял он много крови — в госпитале пролежал не один месяц. Его также перевели отсюда в Петропавловскую крепость. И ему — как «неспособному к окончательному излечению» — определен был для бессрочной службы Оренбург. Кононова отослала в ту же команду, что и Зайцева¹.

Сколько их прошло через инвазивные команды, арестантские роты и линейные батальоны Отдельного Оренбургского корпуса — места солдатской каторги многих бойцов за лучшую долю! Но и такой список будет составлен, и мы увидим, прочтем в нем многие простые русские имена.

И будем их помнить!

В декабре 1830 года дежурный генерал Главного штаба уведомил шефа жандармов Бенкендорфа о получении от командира Отдельного Оренбургского корпуса графа Сухтелена донесения о декабристе Горожанском.

Из официального уведомления явствовало, что поведением своим бывший поручик Кавалергардского полка, а ныне Кизильского гарнизонного батальона оренбургское началь-

¹ С. Я. Штрайх. Моряки-декабристы. М.—Л., 1946.

ство не радуется. Он, как писал Сухтелен, не только не смирился, но и гласно выражает недовольство действиями властей и существующими порядками, обнаруживает «особенное против всего ожесточение», одним словом — «буйствует».

Несколько примеров подтверждали основательность вывода. Горожанский, оказывается, заявил подпоручику Янчевскому, адъютанту батальона, что категорически не признает над собой власти царя и тут же произнес «разные дерзкие слова на особу его величества». Представ пред очами батальонного командира и комманданта крепости, он не только не стал опираться от обвинения в поношении монарха, но и «дерзнул повторить» то, что говорил ранее.

Бенкендорф о донесении из Оренбурга не замедлил доложить Николаю I. Царь этого офицера помнил: после восстания Горожанский явился к нему по собственной воле и самолично выразил тогда раскаяние — как казалось, искреннее.

В ходе дознания следственная комиссия тогда установила:

«...Он вступил в Северное общество полтора года назад; принял в члены двух и еще вместе с конретом Муравьевым трех человек. По его словам цель Общества, ему известная, состояла в введении конституции монархической. Но Свистунов уличал его, что в июне 1824 года открыл ему намерение Южного общества о введении республиканского правления и что... для истребления священных особ императорской фамилии можно было воспользоваться большим балом в Белой зале...» В день восстания Горожанский особой активности не проявил, но все же «посылал унтер-офицера уговаривать нижних чинов, чтоб они не выезжали» присягать Николаю.

Тогда, сразу, душитель декабристов, «всемилостивейше снисходя к молодости и неопытности Горожанского», повелел, «не предавая суду, наказать исправительной мерою».

Еще четыре года держали его в Петропавловской крепости, а потом перевели в Отдельный Оренбургский корпус с предписанием «ежемесячно доносить о поведении».

И вот теперь...

Новый царский приговор был категоричен и беспощаден: Горожанского — в Соловецкий монастырь, притом без срока. Еще бы: поносил самого царя!..

В начале зимы 1830 года Александра Семеновича из Оренбурга отравили. В Соловецкий монастырь он был привезен в мае следующего, 1831-го.

Тут пятнадцать лет спустя и закончилась его жизнь.

Пятнадцать лет провел Горожанский в диких, нечеловеческих условиях, в том числе не один год — в одиночке земляной тюрьмы. Узника довели до крайнего психического расстройства — это было результатом непрерывных над ним издевательств.

Но до конца жизни он продолжал сражаться за свой права, и в Соловках так же громко звучала его ненависть к душителям свободы.

Когда в госпиталь привезли слугителя градской полиции Филиппа Данилова и рядового второго линейного батальона Кондратия Сукошни-

БАТЕНЬКОВ, Гавриил Степанович (1793—1863) — полковник Корпуса инженеров путей сообщения. Член Северного общества. Осужден по третьему разряду. Урал был ему близок с детства, так как он родился в Тобольске, в период службы в Сибири бывал и на Урале.

БАШМАКОВ, Флегонт Миронович (ок. 1775—1859) — разжалованный из полковников артиллерии рядовой Черниговского пехотного полка. В связи с восстанием этого полка, по приговору военного суда, был сослан на поселение в Западную Сибирь (через Урал проследовал по этапу в июле — августе 1828 г.). После десяти лет жительства в Тарском округе, в 1838 г. получил перевод в Курган, где находился около 15 лет. Затем в 1853—1859 гг. жил в Тобольске. Там он и умер.

БЕЛЯЕВ, Александр Петрович (1803—1885) — мичман Гвардейского экипажа. За участие в восстании был осужден по четвертому разряду. Вместе с братом Петром, тоже декабристом, дважды проследовал через Урал: в феврале 1827 г. — при переезде к месту каторги, в Нерчинские рудники, и в апреле 1840 г. — по пути на Кавказ. Уволенный в 1846 г. по болезни от военной службы, некоторое время заведывал делами тайного советника А. Е. Жадовского в Оренбургской губернии. Уральские впечатления, в том числе о пребывании в Екатеринбурге, нашли отражение в «Воспоминаниях декабриста о пережитом и пережитом».

БЕСТУЖЕВ, Михаил Александрович (1800—1871) — штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка. Член Се-

«Ковя, старший лекарь при тщательном осмотре высказал тревожную мысль: в город пожаловала холера. В последующие дни предположение подтвердилось. Началась эпидемия, которая буйствовала затем в Оренбурге целых четыре года, сея тысячи жертв и страдания всем жителям.

«В Оренбурге было в это время всего 5 врачей — 4 военных в госпитале и один гражданский...» — пишет историк и краевед А. В. Попов в статье «Холера 1829—1833 годов в Оренбургском крае»¹.

На многих страницах его труда называется имя Николая Галактионовича Смирнова. Того самого военного лекаря, который и первым высказал подозрение, и первым пришел к выводу о грозившей городу эпидемической болезни.

Оренбургские медики — хотя их можно считать на пальцах одной руки — совершили в те годы истинный врачебный и гражданский подвиг.

Смирнов выделялся даже среди тех, кто действовал безупречно. Он бросался в самые опасные очаги заболевания, готов был прийти на помощь любому пострадавшему.

Дни и ночи мужественный лекарь проводил в холерных бараках, испытывая всевозможные способы лечения. Его занимало исследование различных форм смертоносной болезни — только зная ее особенности и повадки, можно было преградить холере путь дальше.

Читая историческое исследование Попова, знакомясь в Оренбургском архиве с пухлыми папками документов об этих годах, мы шаг за шагом прослеживаем дела старшего лекаря военного госпиталя, не щадившего себя ради цели своей: избавить людей от беды.

...Имя Смирнова значится и в «Делах Следственной комиссии о злоумышленных обществах».

¹ Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XXI. 1910.

Николай Галактионович служил штаб-лекарем лейб-гвардии Финляндского полка и сразу после восстания на Сенатской площади был арестован «по подозрению в участии в мятеже». Непосредственным поводом к аресту явилось то обстоятельство, что «поручик Цебриков у него в казармах занимал квартиру, после рассеяния толпы мятежников» — иными словами, скрывался от охотившихся за декабристом жандармов. Но ни Цебриков, ни другие участники восстания, никто из офицеров Финляндского полка не назвали Смирнова среди участников заговора, заявляя, что он «о существовании Общества и о намерениях на 14 декабря не знал».

Только поэтому и не вошел штаб-лекарь в разряды, по которым судили — и осудили — многих его товарищей.

Но царская кара не обошла и его: «По докладу Комиссии, 22 февраля высочайше повелено: перевести в Оренбург или куда подалее».

В Оренбурге переправлять Смирнова «подалее» не стали: опытных лекарей в военном госпитале не было, а прибывший из столицы закончил в 1819 году с золотой медалью Петербургскую медико-хирургическую академию и в течение шести лет служил в полку лейб-гвардии. В 1826—1828 годах выполнял он обязанности ординатора, а потом был произведен в старшие лекари. В эту пору и отличился поднадзорный медик в борьбе против холеры.

Думается, что именно заслуги в одолении тяжелой инфекции открыли Смирнову путь к выезду из сурового, неласкового края ссылки. На восьмом году пребывания здесь пришла возможность переехать в Гродно — на такую же должность старшего лекаря военного госпиталя, а далее — в Бобруйск, где продолжал военно-медицинскую службу. В эти годы он обдумывал уроки оренбургской эпидемии; результатом раздумий

стали научные статьи, опубликованные в печати.

Следы Н. Г. Смирнова обрываются где-то в середине тридцатых годов, когда он ушел со службы военной и принял должность инспектора Пермской врачебной управы. Судьба снова занесла его на Урал...

...Военному госпиталю в Оренбурге далеко за двести. Много хороших людей перебивало здесь — служило, лечилось. И будет справедливо, если со временем появится на стене старого здания мемориальная доска в память о том, что в госпитале работал — и работал героически — причастный к восстанию декабристов лекарь Смирнов.

«О лицах, состоящих под надзором полиции...»

Да, эти списки велись в высшей степени исправно! Каждые полгода — новый. Или обновленный — так точнее. Точнее потому, что многие имена повторяются на протяжении длинного ряда лет.

Имя Фока как раз среди таких. «Отставной подпоручик Александр Александрович Фок» значится в перечне поднадзорных в течение всей второй половины тридцатых годов и всюду подчеркивается: «За

верного общества. Осужден по второму разряду. На Урале был дважды: в октябре 1827 г. — во время следования в Нерчинские рудники — и в июне-июле 1867 г. — при возвращении в Москву.

БОБРИЦЕВ-ПУШКИН, Павел Сергеевич (1802—1865) — поручик квартирмейстерской части. Член Южного общества. Осужден по четвертому разряду. Через Урал проезжал дважды: в феврале 1827 г. — при следовании в Нерчинские рудники — и в марте 1856 г. — возвращаясь в центральную часть России. С 1839 г. жил в Тобольске, где брат его, тоже декабрист, Николай Сергеевич, находился в доме умалишенных. Братья бывали также в Ялуторовске и Екатеринбурге.

БРИГГЕН, Александр Федорович (1792—1859) — отставной полковник. Член Союза благоденствия. Осужден по седьмому разряду. В конце февраля 1827 г. последовал через Урал, направляясь на каторгу в Нерчинские рудники. В 1828 г. вышел на поселение в Пельым. В 1836 г. состоялся перевод его в Курган, где Бригген был определен канцелярским служителем в Курганский окружной суд. После столкновения с генерал-губернатором П. Д. Горчаковым в 1850 году Бриггена перевели в Туринск, откуда он в марте 1855 г. вернулся на прежнюю должность в Курган. После амнистии, в июне 1857 г., выехал в центральную часть России.

ВАЛЬХОВСКИЙ, Владимир Дмитриевич (1798—1841) — капитан Гвардейского Генерального штаба. Член

прикосновенность к происшествиям 14 декабря 1825 года».¹

Ему, Фоку, посвящено, кроме того, и дело «персональное»².

Оно открывается письмом, посланным министром внутренних дел 8 января 1835 года и содержащим... Впрочем, сию канцелярскую эпистолю полезно не пересказывать, а подавать нетронутой — в ней дух того времени, дух эпохи Николая I.

Итак —

Господину Оренбургскому военному губернатору.

Г. военный министр сообщил мне, что государь император высочайшим приказом 2 сего января, уволив поручика оренбургского линейного № 10 батальона Фока от службы, за ранами, подпоручику, повелеть соизволил: офицеру сему, как бывшему в прикосновенности к происшествию 14 декабря 1825 года, воспретить въезд в обе столицы, учредив за ним секретный надзор там, где проживать будет.

Генерал-адъютант граф Чернышев присовокупил, что помянутый подпоручик Фок при отставке объявил, что он будет жить в Оренбургской губернии в г. Уфе.

Объявив изъясненное высочайшее повеление к надлежащему исполнению гг. С.-Петербургскому и Московскому военным губернаторам, я имею честь уведомить об оном и ваше превосходительство, покорнейше прося вас, милостивый государь, учинить зависящее от вас распоряжение об учреждении бдительного секретного надзора за подпоручиком Фоком по жительству его в Оренбургской губернии и не благоугодно ли будет вам сообщать мне по временам о пребывании его и образе жизни...

¹ ГАОО, ф. 6, оп. 18, д. 127.

² ГАОО, ф. 6, оп. 18, д. 103.

«Зависящее распоряжение» было сделано незамедлительно. От военного губернатора оно пошло к гражданскому. От гражданского губернатора — к полицмейстеру.

Секретный надзор вступил в силу...

Фок числился «вполне свободным» человеком, жителем «Бирского уезда в имении помещика Торпориана», получающим «высочайше пожалованного пенсiona 220 рублей в год», имеющим жену и сына, «которые находятся при нем». А на самом деле каждый его шаг и каждый день находились под самым тщательным контролем.

Гражданский губернатор запрашивал: «может ли г. Фок свободно без разрешения начальства отлучаться в другие губернии и переменять место жительства?»

Военный губернатор Перовский налагал резолюцию: «отвечать, что при отбытии г. Фока в другие губернии должны быть о том извещены начальники тех губерний».

«Состоявший под секретным надзором отставной подпоручик Фок рапортом донес мне, что он по собственным делам его отправляется в Вятскую, Казанскую и Нижегородскую губернии...»

Донесение вызвало целых четыре депеши. Они полетели и к вятскому, и к нижегородскому, и к казанскому губернаторам, а заодно —

к самому министру внутренних дел. ...Надзор тяготил.

«Вот уже прошло с лишком четыре года, как я нахожусь в сем стесненном во всех отношениях для меня положении. Будучи уверен, что в продолжение сего времени полиция не имела поводу сказать что-нибудь невыгодное касательно моего поведения, я осмеливаюсь беспокоить ваше превосходительство моею покорнейшею просьбою: исходатайствовать для меня всемилостивейшее разрешение как об выезде в столицы, так и о снятии с меня полицейского надзора...»

Даже губернатор подтвердил: «Фок ни разу не подавал повода к какому-либо замечанию». Даже он поддержал «ходатайства об освобождении ...от нравственно-отяготительного для него надзора».

Письма ушли в Петербург. Но ответ порадовать не мог.

«Государь император по всеподданнейшему докладу не изволил изъяснить высочайшего соизволения на освобождение уволенного из оренбургского линейного № 10 батальона подпоручика Фока от полицейского надзора».

Но одним из первых дел полицейского надзора, которые касались определенных участников восстания на Сенатской площади, было, пожа-

Союза благоденствия. За причастность к событиям 14 декабря 1825 г. получил перевод на Кавказ. Ранее, будучи поручиком, участвовал в походах из Оренбурга в Хиву (1819), Бухару (1824), Устьюрт (1825—1826), став, таким образом, одним из первых исследователей уральских и среднеазиатских земель.

ВЕДЕНЯПИН, Алексей Васильевич (1803—1847) — прапорщик 9-й артиллерийской бригады. Член Общества соединенных славян. Осужденный по одиннадцатому разряду, был приговорен к лишению чинов с отправкой в солдаты. Первым местом его солдатской службы явился Верхнеуральский гарнизонный батальон (1826), откуда Веденяпин был отправлен на Кавказ.

ВИШНЕВСКИЙ, Федор Гаврилович (ок. 1797—1863) — лейтенант Гвардейского экипажа. Член Северного общества. Осужден по одиннадцатому разряду — к лишению чинов, с определением в солдаты с выслугой. В 1826 г. был отправлен в Троицкий гарнизонный батальон. В 1838—1842 гг., после увольнения с военной службы, Вишневецкий состоял чиновником по особым поручениям при главном начальнике Уральских горных заводов В. А. Глинке, своем родственнике; все эти годы он жил в Екатеринбурге, ездил по Уралу.

ВОЛЬФ, Фердинанд (Христиан) Богданович (ок. 1800—1854) — штаб-лекарь при Главной квартире 2-й армии. Член Южного общества. Осужден по второму разряду. Через Урал проезжал в конце января — начале фев-

луй, то, которое возникло по поводу приезда в Оренбург Антона Жемчужникова.¹

Член Северного общества П. П. Титов на следствии показал, что он вовлек Жемчужникова в число заговорщиков и сообщил ему «некоторые артикулы Общества», в том числе такие: «доставить государству конституцию, подобную Американским штатам... освободить крестьян от рабства, ...с подчиненными обходиться сколь можно человеколюбивее... итти с своею командою туда, куда будет приказано... Но Никита Муравьев, Евгений Оболенский, Михаил Нарышкин заявили твердо: к Союзу благоденствия Жемчужников принадлежал короткое время и от участия в нем «отказался сам». Обвиняемый причастность к восстанию отрицал категорически.

Закончилось тем, что его оставили под подозрением и уволили от службы. Он тотчас объявил, что отправится в Саранск, к родственнику своему — генерал-майору Тучкову.

Но полицейские чины, несмотря на предупреждение, приезд Жемчужникова проглядели. И забили тревогу: как же, личность, которая должна быть «в неослабном секретном наблюдении», исчезла, словно растворилась.

«Доселе не прибыл!» Что делать? Однако выход нашли. Рассудив, что определенный под строгий надзор мог отправиться к отцу своему, командовавшему дивизией в Оренбурге, пензенский гражданский губернатор направил оренбургскому военному.

Отставного офицера отыскали без труда. И на самом деле он оказался у родителей.

Оренбургскому полицмейстеру Соколову хлопот прибавилось: за Жемчужниковым нужно было наблюдать и каждый месяц о его поведении доносить. Но ретивый служака привык вести свое дело исправно и

донесения в Петербург шли с положенной частотой.

7 августа 1828 года опальный штабс-капитан в отставке выехал из Оренбурга в Саранск. Майор Соколов вздохнул свободнее. Ну, а саранские, пензенские полицейские чины на этот раз, наверное, уже не прозевали...

...Еще одно дело возникло почти через два десятка лет после этого. И позже, чем то, «фоковское». Касалось оно декабриста Александра Беляева, в прошлом мичмана Гвардейского экипажа, который за участие в восстании провел более пяти лет в Нерчинских рудниках, потом жил на поселении в Иркутском округе и Минусинске, оттуда был отправлен рядовым на Кавказ, отличился в боях, надел погоны прапорщика и — благодаря этому — получил возможность выйти в отставку, с дозволением проживать в Самаре.

С этого и начнем чтение документа, который подшит в деле, что лежит предо мною¹.

«В 1846 году, — писал министр внутренних дел С. Ланской, — был отправлен на жительство в г. Самару, под секретный надзор полиции, отставной подпоручик Александр Беляев, прикосновенный к происшествию 14 декабря 1825 года, в 1848 году ему высочайше разрешено было переселиться в Оренбургскую губернию, для управления частными делами тайного советника Жадовского; вслед за тем ему дозволено было пребывание во всех местах Российской империи, кроме С.-Петербурга; но в 1849 году это было у Беляева отнято, на основании последовавшего по высочайшему повелению воспреещения выдавать паспорта, для выезда в другие губернии, лицам, состоящим под полицейским надзором.

Ныне государь император по всеподданнейшему докладу ходатайства опекунов над именем умер-

шего действительного статского советника Нарышкина, коим заведует Беляев, высочайше соизволил разрешить последнему прибыть на короткое время в С.-Петербург, с тем, чтобы за ним учреждено было здесь строгое секретное наблюдение...»

Решение пришло после долгой — и нудной — переписки, под новый, 1856 год, на пороге амнистии, случившейся по смерти Николая I. В конце пятидесят пятого речи о ней еще не шло.

Впечатления декабристов об Урале когда-нибудь образуют внушительную антологию. Меньшую, конечно, чем та, что может быть о Сибири, а все же солидную.

Ее составят курганские главы мемуаров Лорера, Розена и Бриттена, страницы из воспоминаний Басаргина, Якушкина, Раевского, из дневника Кюхельбекера. В нее войдут письма Анненковых, Ивашевых, Нарышкиных, письма Пущина, Свищунова и многих других, посланные из Кургана, Туринска и иных мест земли уральской.

Немало страниц займут заметки путевого характера. Иные из них дадут нам две-три строки. А некоторые — целые описания.

...Александр Розен после пяти лет жизни в Кургане был «всемилоостивейше» определен рядовым в Кав-

¹ ГАОО, ф. 6, оп. 18, д. 30.

¹ ГАОО, ф. 6, оп. 6, д. 13420.

раля 1827 г., когда направлялся на каторгу в Нерчинские рудники. С 1845 г. жил на поселении в Тобольске (там он и скончался), поддерживал тесные связи с декабристами и многими жителями ближайших уральских городов.

ВРАНИЦКИЙ, Василий Иванович (ок. 1780—1832) — полковник квартирмейстерской части. Член Южного общества. Осужден по восьмому разряду. В 1826—1830 гг. жил в Польме. Переведен в Ялуторовск, там и скончался.

ГЛИНКА, Владимир Андреевич (1790—1862) — полковник артиллерии. Член Союза благоденствия. В связи с отходом от деятельности Союза с 1821 года, к ответственности привлечен не был и продолжал службу, выслужившись до чина генерал-лейтенанта. В 1837—1856 гг.

Глинка являлся главным начальником горных заводов на Урале; он оказывал постоянную помощь декабристам Кюхельбекеру, Повало-Швейковскому и другим.

ГОРБАЧЕВСКИЙ, Иван Иванович (1800—1869) — подпоручик 8-й артиллерийской бригады. Член Общества соединенных славян и Южного общества. Осужден по первому разряду. Направляясь к Нерчинским рудникам, в октябре 1827 г. проезжал через Урал. Упоминания об этом есть в его «Записках».

ГОРОЖАНСКИЙ, Александр Семенович (ок. 1800—1846) — поручик Кавалергардского полка. Член Северного общества. В 1826—1830 гг. служил в 7-м линейном Оренбургском батальоне, дислоцированном в Кизильском управ-

казский Отдельный корпус. В начале сентября 1837 года начался его путь на запад. С большой ногой, не дававшей возможности передвигаться иначе как на костылях, он сидел в открытом низком тарантасе, на кожаной подушке, а лошади бежали по уральским дорогам, направляемые проводником — кварталным надзирателем Тимофеевым.

«Близ города Челябинска переехали мы границу Сибири и въехали в Оренбургскую губернию. Беспредельные дожди не позволяли жнецам убирать и свозить снопы, на полях необозримых лежала рожь на корню и гнила, воздух заражен был гнилым запахом, как бывает в местах, где мочат коноплю и лен. Мы несколько станций все подымались на Урал, но не приметно, все плоскими возвышенностями; глаза тщетно искали длинного высокого хребта, темно-синей полосы на горизонте; все подымались глыбой, пока наконец достигли одной из главных уральских высот и приехали в Златоустовский завод, знаменитый оружейными фабриками. Кони стали в грязи, пока со станции не отправили навстречу других лошадей, кои повлекли нас в гору, по обширно застроенному селению, в опрятную, теплую гостиницу. Город стоит на высоком месте, обитаем одними только мастеровыми и рабочими. Стук молота в железодельных заводах не умолкает ни днем, ни ночью. Уральские горы наружно не привлекательны ни высотой, ни скалами, ни лесом, зато во внутренности своей хранят они множество драгоценных камней, а от Златоуста до Миасского завода щедро дарят металлами от железа до золота. Поселяне на большой дороге мало различествуют от сибиряков; они большею частью также переселенцы, но деревни и жилища их гораздо беднее. Тут же показались помещичьи усадьбы, чего в Сибири не видеть. Губернский город Уфа, на прелестном местоположении при стечении двух рек, обстроен хорошо и

правильно. Проехав еще два города Оренбургской губернии, Бугульму и Бугуруслан, мы въехали в губернию Симбирскую...»¹

О чем думалось ему, Розену, прошедшему через Нерчинские рудники, поселения в дальних и ближних местах азиатской части России, исколесившему тысячи и тысячи верст? Над чем размышлял, следуя из Кургана, дорогами уральскими?

И об этом пусть скажет он сам — строками из тех же «Записок декабриста».

«Расставаясь с страной изгнания, с грустью вспоминал любимых товарищей-соузников и, благословляя их, благословлял страну, обещающую со временем быть не пугливым, не местом и средством наказания, но местелищем благоденствия в высшем значении слова. Провидение, быть может, назначило многих из моих сонзгнанников и многих поляков ссыльных быть основателями или устроителями лучшей будущности Сибири, которая, кроме золота и холодного металла и камня, кроме богатства вещественного, предоставит со временем драгоценнейшие сокровища для благоустроенной гражданственности... Залогом хорошей будущности Сибири служат уже ныне три обстоятельства: она не имеет сословий привилегированных, нет в ней дворян-владельцев, нет крепостных...»²

Раздумья о будущем, мечты о завтрашнем дне.

Их можно найти в воспоминаниях и письмах многих декабристов, оказавшихся за Уралом, заброшенных туда на долгие-долгие годы.

Гавриил Батеньков в статье своей «О дорогах Сибири», написанной в пятидесятые годы, ратовал за проведение железной дороги, которая соединила бы главные, узловые центры края. Впрочем, речь шла о целой си-

¹ А. Е. Розин. Записки декабриста. СПб. 1907, с. 214—215.

² Там же, с. 212—213.

стеме дорог, в том числе о шоссе, от Перми до Тобольска. В этом — прежде всего, в этом — видел декабрист источник подъема промышленности и торговли в местах не освоенных, не обжитых.

«Есть уже частные люди, помышляющие об осуществлении этой мысли», — писал Владимир Штейнгель, делясь с другом, Пушциным, перспективами «блестящей будущности» зауральских земель после устройства надежных и выгодных дорог. «Когда это будет? — Мудрено отвечать, а будет».

Они хотели, они стремились участвовать в развитии края — и промышленности его, и земледелия. Лично участвовать... Делами своими...

В письмах Александра Беляева за сороковые годы можно найти упоминания о том, что он предложил свои услуги моряка-капитана Пермской паровой компании и охотно согласился бы там служить. Позднее Беляев подрядился строить подчалки на реке Белой, «что и исполнил».

Управляя имениями оренбургского помещика Жадовского, он занялся некоторыми улучшениями землепользования в губернии. Со временем его опыт углублялся. «На этот предмет, — читаем в письме 1858 года, — я составляю свой проект, основанный на опыте или успехе устройства, введенного мною во все имения, которыми я заведываю».

Речь шла о переменах небольших, отнюдь не коренных. «Улучшения... в хозяйстве все же будут лежать на помещике, как на образованном человеке, и без их содействия наше русское хозяйство не пойдет вперед», — писал он в письме к И. И. Пушкину.

Хочется думать, что появится у нас, наконец, книга-антология, которая соберет и представит «уралку» декабристов, вместит в себя все написанное ими об Урале тогдашнем и Урале будущем.

лени, однако «за проступки, совершенные в Оренбурге», был отправлен в Соловецкий монастырь, где в результате невыносимых мучений сошел с ума и умер.

ГОРСКИЙ, Осип-Юлиан Викентьевич (1766—1849) — отставной статский советник. После восстания декабристов был посажен в Петропавловскую крепость, а оттуда в 1827 г. выслан на поселение в Сибирь. Часть срока жил в Березове.

ЕНТАЛЬЦЕВ, Андрей Васильевич (1788—1845) — подполковник, командир конно-артиллерийской роты. Член Южного общества. Осужден по седьмому разряду. Про-

следовал через Урал в Сибирь в феврале 1827 г., после года каторжных работ получил разрешение поселиться в Тобольской губернии. Жил в Березове (1828—1829), Ялуторовске (1829—1842), Тобольске (1842—1845). В Тобольске он и умер.

ЖЕМЧУЖНИКОВ, Антон Аполлонович — поручик квартирмейстерской части. Уволенный после восстания декабристов от службы, выехал в Оренбург, к отцу, командовавшему пехотной дивизией; здесь он находился под секретным надзором.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА

ОТ СЛОВ К ДЕЛУ

Раз мечта, два мечта...

Мечты прошлых годов выпускников вступили в контакт с жизнью гораздо раньше, чем можно было предполагать. Еще, как говорится, не высохли чернила в школьных сочинениях Наташи Залукиной и Гали Диндял (собирались поступать в строительный техникум), Любы Булыгиной (хотела быть закройщицей) и Гали Целовальниковой (думала стать медсестрой), а девушки уже изменили свои первоначальные намерения: выбрали другую профессию — все четверо одну и ту же: решили стать крановщицами и работать на Новотрубном заводе.

Какие же события повлияли на это коллективное решение?

Вот что рассказала нам Наташа Залукина:

— Незадолго до окончания школы я встретила с Ритой Холкиной, которая как раз заканчивала наше Первоуральское ГПТУ-6. Расхвалила она мне и училище, и профессию крановщицы, и, в особенности, своего мастера Любовь Ивановну Токареву. А когда я рассказала об этом разговоре родителям, то папа — он работает на Новотрубном заводе — сразу же одобрилительно закивал: «Хорошая профессия. Крановщица в цехе — что королева...» Ну, я подумала: захочу выучиться на строителя — всегда ведь можно будет поступить в вечерний техникум.

Галя Диндял:

— Все в нашей семье на заводе работают — отец, брат...

Люба Булыгина:

— У нас соседка — крановщицей на Новотрубном. Как-то мама говорит: «Почему бы и тебе не пойти на завод?..» Мама моя тоже на заводе работает, резчицей труб.

Галя Целовальникова:

— Я свое решение изменила после того, как к нам в класс пришла мастер из ГПТУ-6 Любовь Ивановна Токарева и рассказала о работе крановщицы. Вы послушали бы ее, Любовь Ивановну...

И тут выясняется вот какая интересная подробность: из двух первоуральских школ, 3-й и 6-й, в группу крановщиц шестого профтехучилища поступило восемь девушек, а в группу термистов — пятнадцать ребят. В сочинениях же только однажды упоминается профессия крановщицы и трижды — термиста. Оказывается, почти все выпускники, поступившие в профтехучилище, по-настоящему, всерьез задумались о выборе профессии лишь после того, как в школах побывали мастера из профтехучилища, непосредственно обучающие этим профессиям.

Видимо, беседы мастеров с десятиклассниками и послужили первым толчком, после которого началась цепная реакция разговоров с родными, друзьями и знакомыми, размышлений, основанных не на одной только мечте, но и на знании предмета выбора.

Вот, например, Александр Лактионов мечтал о профессии сталевара (смотрите выдержку из его сочинения в первом номере «Уральского следопыта»). Мечтал вообще. А когда пришло время принимать конкретное решение, чисто житейские причины заставили Александра «переквалифицироваться»: во-первых, на первоуральских заводах нет мартеповских печей, а, во-вторых, Александру не хотелось уезжать из родного дома. «Ну что ж, — говорит он теперь, — профессия термиста сродни профессии сталевара, она тоже огненная».

В ГПТУ-6, в одной группе с Александром Лактионовым, оказался и Рифкат Латыпов, который собирался стать киномехаником.

— Ну, а ты почему изменил своей мечте? — спросили мы.

Он удивился:

— Кто сказал, что я ей изменил? И не думал даже.

Оказывается, Рифкат, еще учась в школе, ходил стажироваться на киномеханика в детский кинотеатр «Искорка» и нынче продолжает туда ходить в свободное время. Ему уже доверяют самостоятельно вести целые сеансы.

— Весной поеду в Свердловск, в ГПТУ-20, сдавать экзамены на киномеханика, получу свидетельство, все честь честью...

— Выходит, ты одновременно кончишь два ГПТУ?

— Выходит, так!..

Леонид Малых тоже не думал изменять мечте («Большое наслаждение — чувствовать, как тебе послушна машина», — так написал он в сочинении). Сразу же по окончании школы он побывал в отделе кадров Первоуральского автотранспортного предприятия, но там ему сказали, что на курсы шоферов он «не проходит» по возрасту: «Если бы хоть одного-двух месяцев не хватало, а то — целых полгода...»

Ребята пошли в ГПТУ, в группу термистов, и Леонид решил с ними, за компанию. Но своего давнего намерения учиться на шофера он не оставил — он это сделает после того, как ему исполнится восемнадцать лет. Значит, и у Леонида Малых, как и у Латыпова, через год будет две профессии, а главное — осуществится его заветная мечта.

Но если Леониду Малых не позволили уже сейчас стать шофером хотя и досадные, но все-таки объективные обстоятельства, то Вадим Елькин сам виноват в том, что жизненный путь его пока пролег не по тем рельсам, о которых думалось аж с восьмого класса. С восьмого класса Вадим с завидным постоянством мечтал стать машинистом магистрального электровоза. И за все три года не удосужился узнать, где можно приобрести эту профессию. О том, что в Свердловске есть ГПТУ, в котором готовят машинистов, ему стало известно лишь в августе, когда очередной набор в училище был уже закончен.

Время отправляться в путь

Для того, чтобы осуществилась твоя заветная мечта, недостаточно только мечтать, недостаточно только видеть свою жизненную цель. Сколько бы ты ни смотрел на вершину горы, она не приблизится к тебе, пока ты сам не двинешься с места.

Наверное нелегко было Сергею Власову поступить в Московское высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана. Но он поступил туда, на специальность, о которой и мечтал: двигатели внутреннего сгорания. Успешно сдали вступительные экзамены Ирина Михалькова — на химико-технологический, а Сергей Цедилкин — на энергетический факультеты Уральского политехни-

ческого института, Лев Соколовский — в медицинский, а Татьяна Винокурова — в педагогический институты.

Хоть не прошла по конкурсу в юридический Оля Загвоздкина, однако работать она пошла не куда-нибудь, а по «своей» специальности — архивариусом в юридическую консультацию.

Хорошо написал в своем сочинении Саша Никулин: «Мы должны не только пожинать богатства природы, но и изучать их. Я хотел бы стать ихтиологом... Аквариумы были его самым большим увлечением, пока он учился в школе».

Но вот школа кончена, пришло время отправляться в путь. И тут Саша, листая справочник для поступающих в вузы, не на шутку задумался: в стране всего три вуза, где готовят ихтиологов: в Астрахани, Калининграде и Владивостоке. Но будь их даже сто, это вряд ли бы что-нибудь изменило, все равно они находились бы далеко от дома — возле морей, крупных рек и озер, все равно пришлось бы навсегда уехать из «сухопутного» Первоуральска.

Может, Саша и поехал бы в Астрахань, но этому решительно воспротивились родители. Особенно мать: «Мало тебе, что ли, в Свердловске институт? Поступай в любой».

— С восьмого класса мы с ней спорили, — признался нам Саша. — Бойтся она за меня. Далеко все же Астрахань. Некому, говорит, за тобой присмотреть там.

— Ну, и ты уступил?

— А что делать? Все-таки мать... Вообще-то я уже собрался ехать, несмотря ни на что. Да как раз в это время брат надумал жениться. Свадьба. Поездка моя задержалась. Ну, тут мать и сказала решительное слово...

— И что ты собираешься дальше делать?

— Вот готовлюсь на вечернее отделение политехнического института. На днях взял в школе комсомольскую путевку, пойду работать на завод технологического оборудования.

Разговор наш происходил в последних числах августа прошлого года.

— А почему именно на этот завод?

— Мне кажется, — ответил Саша, — там будет интересно работать: на этом заводе изготавливаются контрольно-измерительные приборы, радиолампы. Это мне немного знакомо.

— Каким образом?

— Так ведь я кое-что мастерил для своих аквариумов. Когда мы еще в своем доме жили и не было у нас центрального отопления, я сам сделал нагреватели. Это не такой простой прибор, хотя и состоит он из пробирки с соевым раствором: ведь температура воды в аквариуме должна быть всегда постоянной... Компрессор тоже сам делал — и катушку с сердечником, и якорь с двумя магнитиками, и насосик.

А еще Саша в десятом классе вместе с Рифкатом Латыповым ходил в «Искорку» — стажировался на киномеханика.

Так может быть дело вовсе не в том, что у Саши не хватало решительности и воли, может быть одновременно с увлечением аквариумным рыбоводством в его душе подспудно, не выходя до поры до времени на поверхность, росло другое увлечение — техникой? Кто знает, возможно Саша найдет себя именно здесь, в приборостроении? Пока что он еще сам этого не знает. Не без желания он идет работать на завод, не без желания готовится к вступительным экзаменам на вечерний факультет политехнического института, но все же... Все же наш разговор закончился довольно неожиданно.

— А тот-то институт я так или иначе кончу, — сказал Саша.

— Какой — тот? В Астрахани?

— Конечно. Пускай через пять или десять лет, а все равно кончу!

Ну что ж, Саша, если хватит у тебя на это сил и упорства, — значит, на роду тебе написано быть ихтиологом.

Без нас не сможет работать завод

Признаться, вот уж за кого мы были уверены, так это за Таню. Такая солидная у нее была подготовка к профессии: многолетняя практика в дворцовом клубе «Вымпел», работа пионервожатой и беспредельная тяга к детям. Помните: «Я твердо знаю, что буду учителем... Я очень люблю детей и с сожалением думаю о том, что моей младшей сестре уже шестнадцать лет. Я завидую своей подруге Лиде Польшгаловой, у которой брат — младшеклассник...»

И вот мы встречаемся минувшей осенью с Таней и узнаем, что она даже не пыталась поступать в педагогическое училище, пошла работать на завод.

— Таня, что произошло в твоей жизни с того дня, как ты написала сочинение и до момента, когда окончательно решила пойти на завод?

— Вообще-то всерьез я стала думать о будущей профессии лишь в десятом классе, как только начались занятия. Однажды после уроков мы разговорились с классным руководителем Антониной Филипповной, и я ей сказала о своем желании стать преподавателем начальных классов. Антонина Филипповна одобрила мое намерение. «У тебя явные способности к преподавательской работе», — сказала она. Но вот весной, уже после того сочинения, я случайно встретила на улице со своей первой учительницей Марией Васильевной, которая уже много лет преподает в младших классах. Конечно же, я стала расспрашивать ее о работе. Она сказала: «Работа хорошая, интересная и очень нужная. Но тебе я не советовала бы идти в педучилище. Я знаю твой характер — мягкий, уступчивый, — тебе будет очень трудно с малышами. Пока еще есть время — подумай». Ну вот, я подумала, поговорила с родными и решила не торопиться. Отец у меня электрик на Хромпиковом заводе. Он и посоветовал мне пойти работать обмотчицей в цех электроснабжения, рассказал, что это за профессия. «Поработай, — говорит, — пока, а там будет видно».

— С каким же настроением ты шла первый раз на завод? — спросили мы у Тани.

— Знаете, это было первое августа. В это утро многие мои школьные товарищи поехали в Свердловск сдавать приемные экзамены — кто в вуз, кто в техникум. Я шла на завод как раз мимо вокзала и видела, как они стояли кучкой на платформе в ожидании электрички... В эту минуту мне было очень тяжело. Я остановилась на мосту, помахала рукой и мысленно сказала им всем: «Ни пуха вам, ни пера!» И потом, когда переступила порог цеха, увидела незнакомых людей, мне показалось, что я одна-одинешенька на всем белом свете. Даже как-то зябко сделалось — подумала, что это в цехе сыро и холодно.

— И долго было у тебя такое чувство?

— Да нет... Сперва я, конечно, побывала у начальника цеха. Он меня встретил очень приветливо, сказал: «Теперь вы, Таня, наш новый товарищ, полноценный член цехового коллектива!» А потом мастер привел меня в обмоточное отделение к Зинаиде Павловне Кандалицевой. И когда она поставила передо мной на рабочий стол сгоревший двигатель и стала показывать и рассказывать, как освободить его от обмотки, как надо чистить, промывать и как потом наматывать новые секции — вот тут я почувствовала, что я здесь совсем не чужая, что мы с Зинаидой Павловной отныне будем неразлучны.

Я хотела в первый же день начать наматывать первую секцию. Но когда я прочитала и промыла свой двигатель, уже было четыре часа, и Зинаида Павловна велела мне идти домой. «Завтра, — сказала она, — мы с тобой вместе начнем». По дороге домой я все жалела: эх, думала, надо было мне собрать первую секцию!

И утром, когда проснулась — первая мысль: «Сегодня двигатель начну собирать!»

Но этот второй день начался у меня с неудачи. Намотала я первую секцию — получилось плохо, надо было все переделывать заново. «Не спеши, — сказала мне Зинаида Павловна, — потихоньку мотай. Ну, посмотри еще, как я это делаю». Я восхищалась, глядя на ее руки, и очень остро чувствовала свою беспомощность. «Вы так хорошо укладываете...» — чуть не со слезами говорила я ей. А Зинаида Павловна отвечала: «Ты в первый класс пошла — тоже ведь не умела писать. Научилась? И этому научишься».

Но через три дня она ушла в отпуск, и я осталась одна. Надо было сварить провод: присоединить угольный стержень к проволоке и пропустить ток. При этом происходит вспышка. А я ужасно боялась этой вспышки. Мастер, видя такое дело, перевел меня на подсобные работы. Временно, конечно.

Однажды прихожу в цех, а возле моего двигателя стоит веселая молодая женщина. Увидела меня и говорит: «Здравствуй! А тебя зовут Таня, я знаю. И ты не умеешь сваривать провод. Сейчас я тебе покажу, как это делается».

Это была Люда Демина. Она только что вернулась из отпуска и первым делом стала мне помогать. Сначала она научила меня наматывать катушку. Одну сама намотала, другую я — с ее помощью. А сейчас я любые катушки могу наматывать.

Так вот, после катушек она стала учить меня сварке. Не прошло и часа, как я освоила это дело. Оказалось, что это совсем не страшно. И дальше все пошло как по маслу. В прошедшую пятницу я закончила свой первый двигатель. Вдвоем с Людой подключили его к низкому напряжению, и как раз в это время в наше отделение зашли из другого цеха электрики и стали ругаться: «Не успели включить двигатель — сгорел!»

Конечно, я разволновалась: вдруг и мой двигатель окажется негодным! А до испытания остались считанные секунды. Люда положила внутрь статора металлический шарик и говорит: «Вот сейчас ты его толкни легонько. Если он побежит, значит не зря ты работала этот месяц». Я толкнула шарик, и он «побежал», стал крутиться там, внутри статора. Люда засмеялась и обняла меня. Я тоже засмеялась, и домой шла — по дороге все улыбалась от радости. И думала: ну теперь я за любую работу могу взяться — не страшно...

— Таня, а как же с педучилищем? Не жалеешь, что не поехала поступать?

— Да ведь я на днях подаю заявление в вечерний металлургический техникум! На отделение электрооборудования. Знаете, сейчас я ни о чем не могу думать, кроме своей специальности...

Тут подала реплику присутствовавшая при разговоре Танина сестра Галя:

— Каждый день вот так приходит домой с завода, рассказывает — мне даже интересно.

Галя — десятиклассница. Воспользовавшись случаем, мы спросили у нее, кем она сама думает стать после окончания школы.

— Пока я еще ничего не решила, — ответила Галя.

«Мое ли дело — театр?»

Лиде Польшгалова тоже написала в сочинении: «Просто затрудняюсь ответить, кем бы я хотела стать... Записалась в драмкружок при Народном театре... но последнее время чаще и чаще стала задумываться, а мое ли это дело — театр?..»

Хотя Лиде и не определилась в своем призвании, но еще до окончания школы она решила поработать на Хромпиковом заводе в лаборатории контрольно-измерительных приборов. Об этом она тоже написала в сочинении (смотрите второй номер «Уральского следопыта»).

И она действительно отправилась летом на Хромпиковый завод в лабораторию КИП. И тут узнала, что к специалистам по контрольно-измерительным приборам предъявляется одно непереносимое требование: у них должна быть склонность к точным наукам.

— А в школе я как раз математику-то и не любила. Наша преподавательница математики Валентина Алексеевна часто мне говорила: «Ты, Лида, как меня увидишь, так у тебя, наверное, зубы начинают болеть...»

Пошла Лида в электроцех — поздно, там все места уже были заняты. Что делать? Знакомая посоветовала идти на Новотрубный: «У меня там муж работает. Хочешь — поговорю с ним? Может, даже крановщицей тебя устроят».

И вот Лида «по протекции» поступает на Новотрубный. Крановщицей. И снова неудача: медкомиссия забрала ее по зрению. Крановщица должна видеть шесть строк, а Лида увидела только две. В отделе кадров предложили ей пойти контролером ОТК: «Там можно и в очках работать».

— Вот я и стала контролером, — сказала нам Лида. — Только очки не надеваю: так все видно.

— Ну, а работа-то нравится? — спросили мы.

— Не жалую. Хотя пока не могу сказать, чем именно она мне нравится. Первые три дня чувствовала себя не в своей тарелке. Мне сказали: «Ты пока только стой и смотри». Я стояла возле стола, по которому с грохотом и звоном прокатывались готовые трубы, смотрела, как трое контролеров проверяли их, и мне казалось, будто я бездельничаю. Очень неприятное ощущение. На четвертый день старший контролер предложила мне пройтись по цеху. Думала — смеется надо мной. Пошли. Она показала мне весь процесс изготовления труб — от начала и до конца. Как замороженная стояла я возле обкатного и калибровочного станков. Раскаленные трубы, одна за другой пронеслись мимо, как ракеты, выбрасывая из себя языки зеленоватого пламени, с каждым разом становясь все длиннее и тоньше. Ни с чем не сравнимое зрелище! После этой «прогулки» я как-то совсем по-новому стала смотреть на свою будущую работу: какие бы чудо-машины ни стояли в цехе, а в конечном-то счете главное слово остается за мной, контролером, живым человеком.

— Лида, а дальше ты собираешься где-нибудь учиться?

— Пока не знаю. Еще не осмотрелась как следует.

— Твои интересы помимо основной работы?..

— Может быть это покажется вам не совсем серьезным... У нас в смене есть одна девушка-татарка, Гузалия Талапова, так вот я у нее беру уроки татарского языка. Прихожу специально для этого к ней домой, а когда вместе возвращаемся со смены, то по дороге говорим с ней только по-татарски. Очень интересно. В школе я с увлечением занималась немецким и теперь все чаще подумываю: а не это ли мое настоящее призвание — языки?..

Да, пока еще, разумеется, рано говорить о том, нашли ли свое жизненное призвание Саша Никулин и Рифкат Латыпов, Галя Диндял и Люба Булыгина, Таня Зянкина и Лида Польшгалова, Вера Кузнецова, которая мечтала о хореографическом училище, а сейчас, как и Лида Польшгалова, работает на Новотрубном заводе контролером ОТК, или Ирина Михалькова, которая поступила в Уральский политехнический институт. Через некоторое время мы с ними снова встретимся. И не только с ними, но и со многими другими прошлогодними выпускниками, кто написал по нашей просьбе сочинения о выборе жизненного пути. Встретимся и продолжим разговор о их дальнейшей судьбе.

Сюжет для... жизни

Работаю инженером. Учусь на пятом курсе Полтавского инженерно-строительного института заочно, в свободное время пишу юмористические рассказы. Есть у меня рассказик, имеющий отношение к теме вашего разговора; ребятам, выбирающим себе дорогу в жизни, полезно его прочитать.

...Некоторым, видишь ли, подавай мечту крылатую. Чтобы с горьковатой романтикой, с этим, как его, вдохновением обязательно, с призванием. А что это такое — призвание? Семен Всяков, к примеру, в свое время не задумывался, кем быть. Пошел со школьной скамьи, куда глаза глядят, и начал свой трудовой марафон с препятствиями. Кое-чему научился на заводе. Перешел в СМУ — там платят больше, а ему магнитофон надо было. Время жениться настало — устроился в КБ, где большая половина работников — прекрасная половина человечества; познакомился с кульманом и будущей женой. Потом квартиру надо было — на строительство переметнулся. Получил квартиру. Семья большая стала, все есть хотят. Устроился в торговлю. И так из всякой работы выгоду извлекал. И только последнюю работу нашел такую, чтоб тихо-спокойно было. А спокойно не получилось... Начали Семена Ивановича одолевать тяжелые мысли. Все у него есть, а чего-то не хватает. И осенило его: ведь призвания не хватает-то! Начал он думать, в чем же его призвание. Крепко думал... И додумался бы, да директор вдруг вызвал: «Поздравляю, — говорит, — Семен Иванович! Праздник у вас сегодня — так сказать, последний день, последний звонок. Поздравляю с выходом на пенсию и заслуженным отдыхом!»

Я этот сюжет выпускникам не зря пересказал. Не уподобляйтесь Семену Всякову. Ищите себя, а не удобства в жизни. Ищите призвание свое. И сейчас тому — самое время.

Анатолий МАШИР

Рисунок Н. Брезгулевской

И не жалею..

Нелегкий это труд — выбирать свой жизненный путь, свое дело на земле. Столько интересных профессий — глаза разбегаются, но времени очень и очень мало, чтобы все изведать и узнать... Мне, наверно, просто повезло: у меня не было этой проблемы выбора. Жили мы — я и девочки моего детства — в рабочем поселке, и все наши заботы и помыслы были связаны с заводом, на котором работали наши отцы и матери. Единственным моим идеалом была «женщина в красной косынке», стоящая у станка. Такой я видела себя наяву и во сне, и ничего другого мне в жизни не хотелось.

Пришла я на завод в военное время. В цехах — одни бабы да мальчишки... Взрослые мужики все на фронт ушли. Поначалу женщины в цехах парнишек выгоняли: все думали — без дела шастанут. Потом уж попривыкли — оказывается, парнишки в слесарях ходили...

Прошло много лет. Наш гидролизный завод сейчас не узнать, не сравнить с тем, военным. В нашем дрожжевом цехе впервые в Союзе проведены испытания новой схемы выращивания дрожжей на отдельных потоках. Очень важный и интересный эксперимент, мы им гордимся. Наша скромная работа очень нужна людям. Она тоже может дать счастье человеку, если он относится с заинтересованностью и к делу, и к большим и маленьким событиям в жизни заводского коллектива.

Никогда мне не приходило в голову жалеть о том, что пошла на завод.

Т. С. ФОМИНЫХ,
оператор Тавдинского
гидролизного завода,
Герой Социалистического Труда.

Сколько можно выбирать?

Недавно у нас был спор вот о чем. Немало людей меняют профессии. Учитель идет работать корректором, парикмахер уходит в продавцы, педиатр переквалифицируется в рентгенолога... Что это — обстоятельства, корректировка жизни, последствия поспешного выбора? Расплата или зеврика?

В вашем журнале написано о том, как одна девушка ходила к отцу в больницу, на операции; другая — к матери, в химлабораторию, кто-то еще куда-то. Ребята, с которыми я спорила, возразили: «Не всех и не везде пустят. И вообще стоит ли заявлять в наши годы: «Это мое дело. Я для него создан. Подробно о профессии все равно не узнаешь, пока жизнь не проживешь».

Но так можно прийти к выводу, что призвание — вообще редкость, а «право выбора», как спасательный круг, будет выручать всю жизнь... Вы тоже предлагаете варианты с запасными профессиями.

Какая же польза государству, если все станут верить

в бесконечность выбора? Выходит, первую свою работу человек делал без интереса, без полной отдачи. А всем известно, что люди равнодушные и люди увлеченные за одно и то же время выполняют различную по объему и качеству работу.

Я считаю, что нет человека без призвания. Просто нельзя упустить тот период, когда чувствуешь тягу к какому-то делу. Каждый обязан серьезно думать о выборе жизненного пути. Лучше, если он будет единственным.

Светлана РОХЛИНА,
ученица 10-го класса

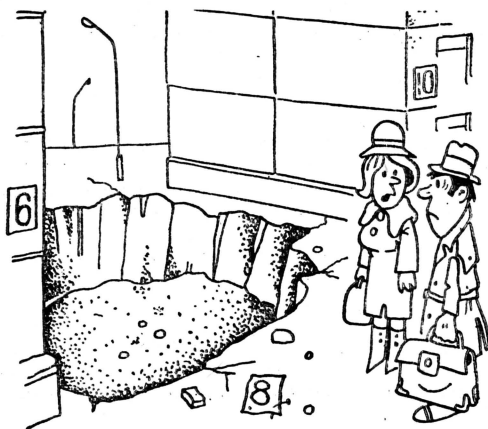
Кто захочет, узнает!

Выбираю профессию геолога. Выбор основан на влечении сердца, на примерах реальных людей и героев книг, на семейных традициях. Мне уже приходилось работать коллектором в институте геологии и геохимии при Уральском научном центре АН СССР. О будущей профессии представление имею. Знаю, что делают геологи в полевой сезон, в чем заключается «зимняя» камеральная обработка материалов; знаю, что у людей этой профессии большая физическая нагрузка, нелегкие условия.

В выборе профессии сомнений нет. Буду стремиться поступить в институт. Если постигнет неудача — найду другой путь. Но только к этой профессии — ни к какой другой. Мечтаю работать на Дальнем Востоке или в Сибири. Впрочем, куда пошлют — туда и поеду.

Странно читать сочинения некоторых ребят, создается впечатление, что они о своих профессиях, по сути, ничего не знают. Говорят: «Почетная, нужная людям работа». Так можно сказать о любом деле. А в своем — пора начинать разбираться. Согласен с теми, кто считает, что есть возможность у старшеклассников узнать побольше о профессии. Я, например, кроме того, что увидел сам, много говорил с выпускниками горного института. Кто захочет — узнает. Это не кому-то нужно — тебе самому.

Александр ДОЛГАНОВ

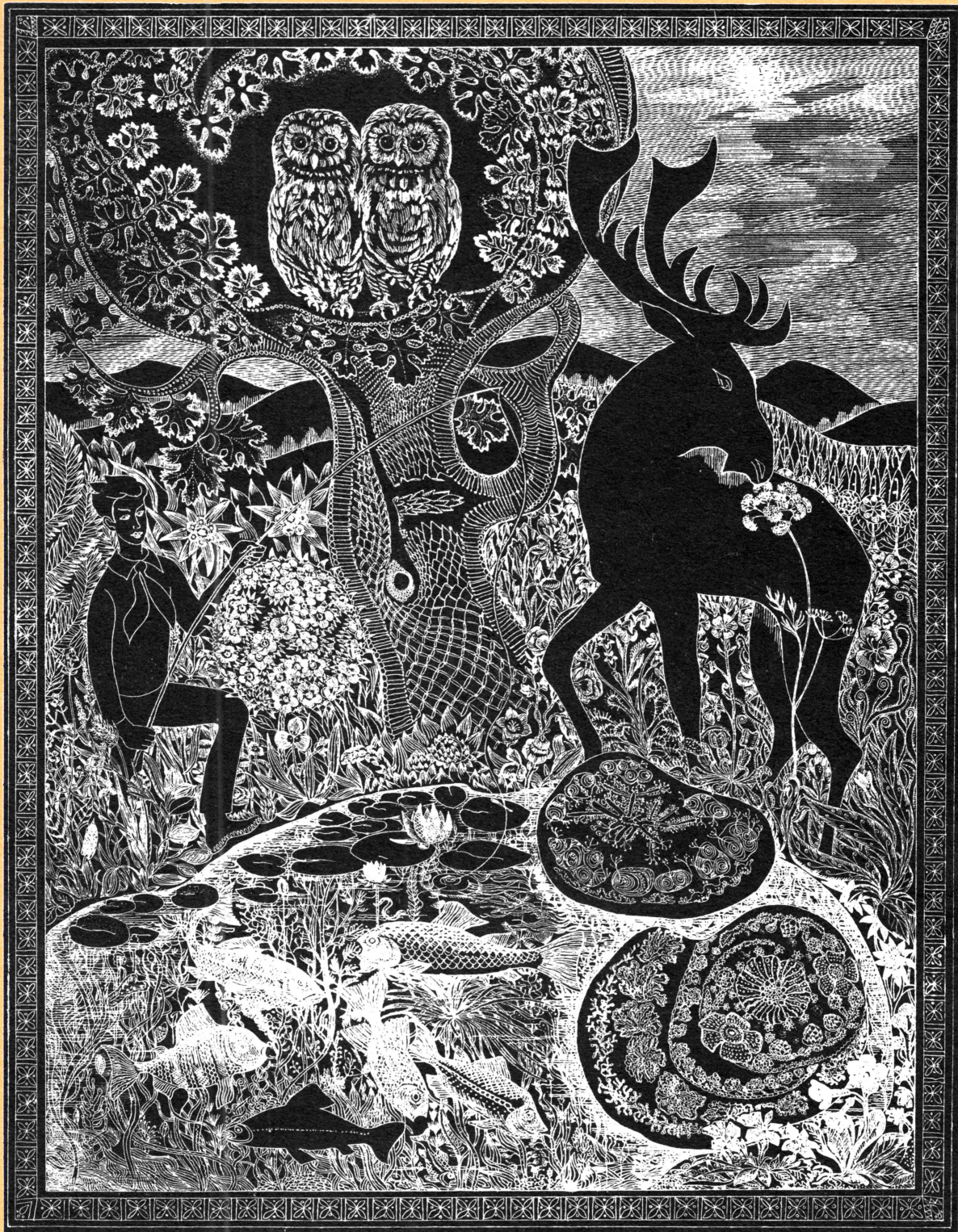
— Ты не помнишь, что задавали сыну вчера по химии?

Рисунок
С. Ашмарина

ЛЕТО

Фото В. Холостых (г. Свердловск)

Алексей КАЗАНЦЕВ (г. Свердловск)

Из серии автоцинокграфий
«ПИОНЕРСКОЕ ЛЕТО»

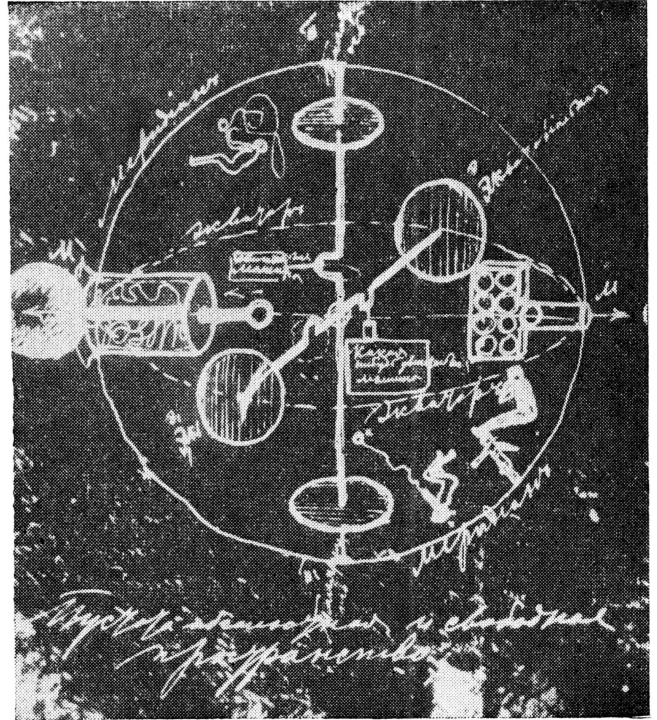
РЫБАК

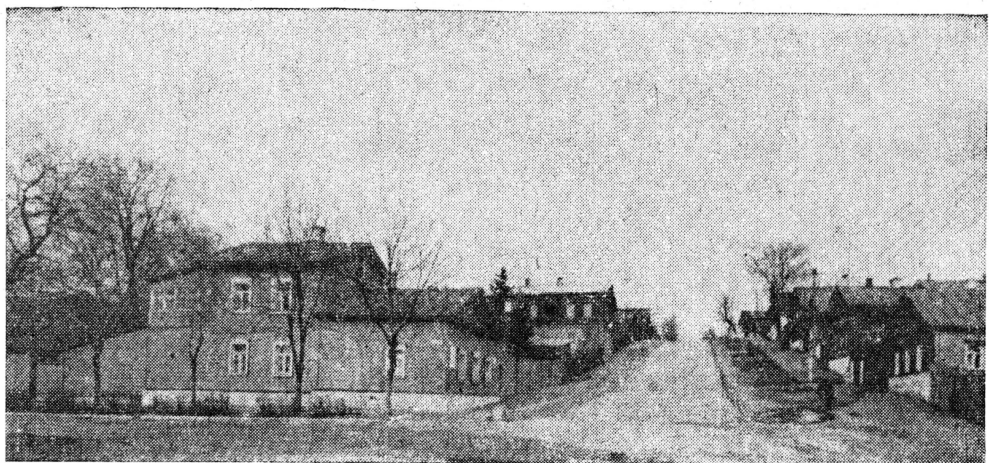
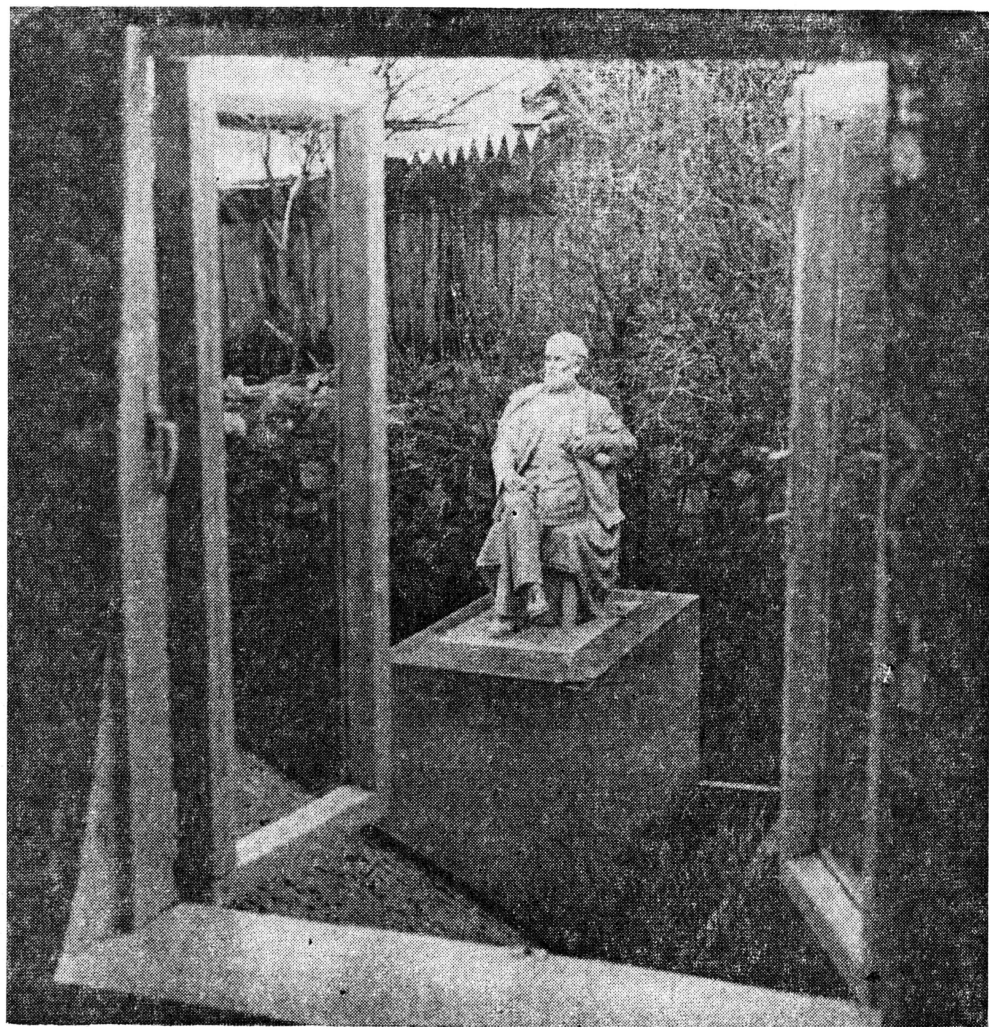
К ЦИОЛКОВСКОМУ В ГОСТИ

А. НАГИБИН
Л. ЧИРКОВ

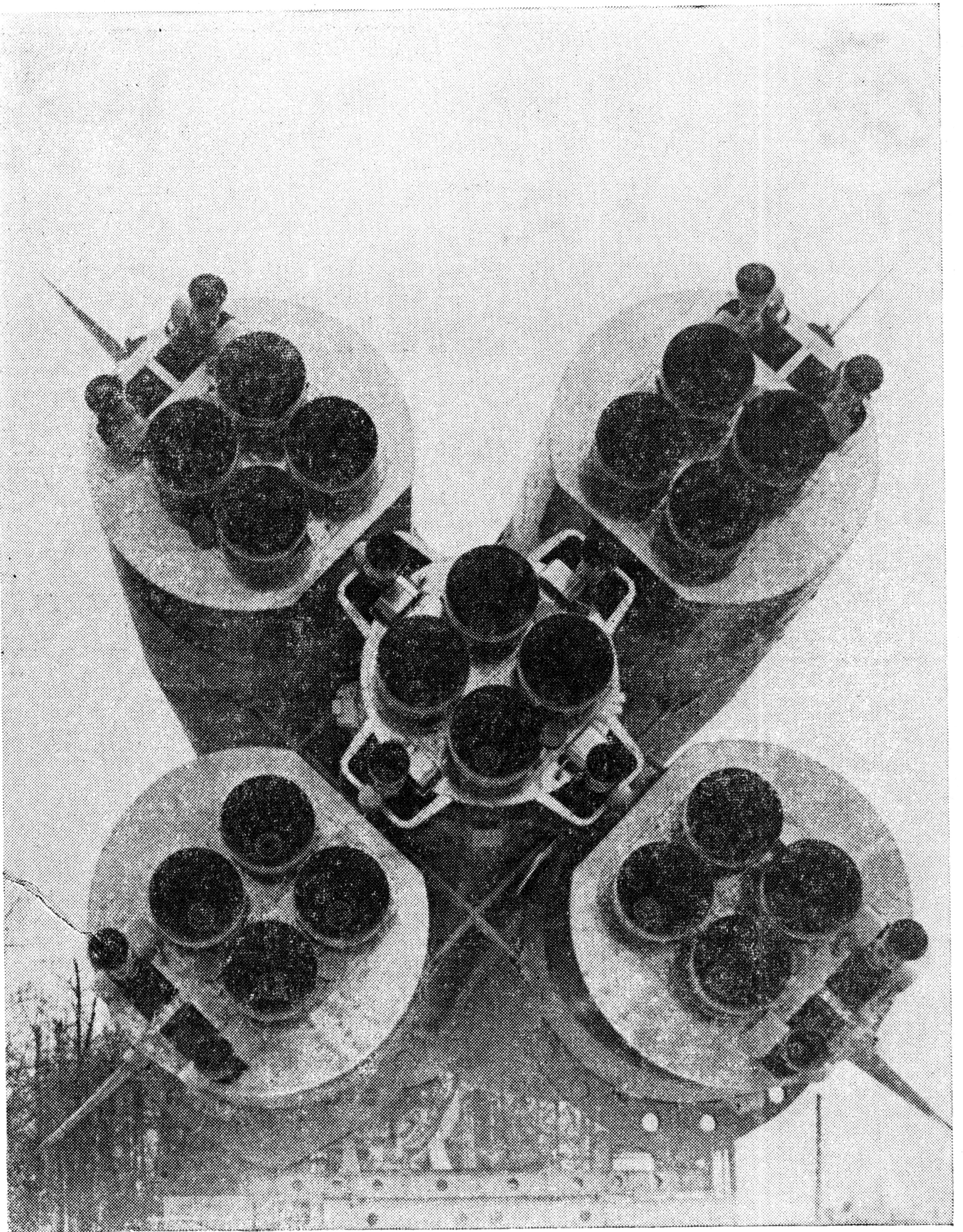
Юрий Гагарин первым из космонавтов побывал в Калуге, на родине космонавтики. Ему оказана была честь заложить здание музея имени великого ученого К. Э. Циолковского. С тех пор не один раз бывал в музее Юрий Алексеевич и всегда с интересом всматривался в чертежи и схемы основоположника нашей космонавтики.

Пришли на берега Оки поклониться памяти Константина Эдуардовича Циолковского и космонавты СССР, США, готовившиеся к совместным полетам в состыкованных орбитальных станциях. Начинает сбываться мечта Константина Эдуардовича о дружных усилиях всех народов в освоении безграничного пространства Вселенной!

С каждым годом все больше и больше экспонатов появляется в музее. Иные не помещаются в гигантском главном зале. Космической ракете, поднявшей в космос наших первых космонавтов, пришлось разместиться на окраине старинного парка, по аллеям которого так любил ходить, задумавшись, Константин Эдуардович.

И все же главная ценность музея — небольшой домик неподалеку от реки. Здесь Константином Эдуардовичем были написаны десятки работ, до сих пор не потерявших своей актуальности, здесь и были сделаны эти снимки.

ТРИ ЖИЗНИ Николая СТРУКОВА

Документальная повесть

**Лев
КВИН**

*Рисунки
Н. Мооса*

Комиссар

Это был человек особого склада, особой закалки. Старый большевик, член партии с семнадцатого года, он еще в гражданскую войну командовал легендарным партизанским отрядом, действовавшим в Аджимушкайских каменоломнях в районе Керчи.

Алексей Никифорович появился в Соколово во время войны. Здесь он начальствовал над лесозаготовительной конторой треста «Главкаракуль»; трест этот подчинялся Министерству внешней торговли СССР.

Многие в селе недоумевали: такой заслуженный человек и вдруг оказался на неприметной работе в глуши. Они ошибались. Дело, ради которого прислали Брагина в далекую сибирь.

Окончание. Начало см. в № 5.

скую деревню, было очень даже ответственным. Контора поставляла лес для строительства кошар в каракулеводческие совхозы Средней Азии. А каракуль в годы войны был равноценен золоту и помогал ковать победу на малоприметном, негромком, но исключительно важном фронте внешней торговли.

От работников своей конторы Брагин узнал о лихой судьбе молодого алтайского парня и проникся к нему участием. Встречал он Николая не раз и не два на улицах села. За внешней бесшабашностью и хмельной удалью угадывал Алексей Никифорович глубокий волевой характер. Ручей, заваленный камнями, меняет русло. Человек, придавленный тяжелыми жизненными обстоятельствами, тоже делается совсем не таким, какой он есть в действительности.

Их первый разговор поначалу не предвещал ничего хорошего.

Николай вошел в кабинет, стал у двери, бросил неуважительно:

— Привет!

— А, Струков! Здравствуй, здравствуй! — Брагин пропустил мимо ушей этот его задиристый тон, указал на стул. — Садись, пожалуйста.

Николай шагнул к письменному столу. Уселся, привалился по-хозяйски к спинке стула, усиленно демонстрируя свою независимость.

— Ну, сел.

— Меня звать — Алексей Никифорович.

— Знаю.

Брагин сцепил руки, оперся на них подбородком. Посмотрел на Николая долгим взглядом:

— Что ж мы с тобой делать будем?

Вот, начинается!.. Сейчас пойдут нравоучения, упреки. Как тебе, мол, не ай-йй-йй!.. Николай взвинулся:

— А что нам с вами делать? Ну, давайте в дурака сыграем! Только сдавать все время будете вы. Не я же напрашивался — сами позвали.

— Ты не ерепеняйся... — Брагин написал что-то. — На, читай.

Подал Николаю бумагу. Тот прочитал со все возрастающим удивлением. «В приказ. Назначить тов. Струкова Николая Терентьевича зав. лесоскладом». Такому-то сдать, перевести его туда-то... Все чин по чину.

— Как? Подходит?

— Так я же... Я ничего там не знаю.

— Освоишь. Кстати, у твоего предшественника грамотешки ровно один класс.

— Зато он писать может.

— И ты можешь, я знаю.

— А хоть видел, как?

— От тебя там каллиграфии и не потребуется. Разнес цифры по графам, расписался — и ладно. Мне на складе честный парень нужен — вот что основное. — И, не спрашивая больше ни о чем, добавил: — Завтра утром на работу.

Так началась для Струкова новая жизнь. Работа ладилась. Главное, за всем проследить самому, не запускать учет. А насчет дисциплины Николай с первого же дня и себе поблажек никаких не давал, и другим. Это все усвоили очень быстро: и возчики, и грузчики, и шофера.

Брагин на склад даже не заглядывал. Давал этим понять, что полностью доверяет Николаю. Такое доверие льстило, но и обязывало.

Проработал Николай неделю, Брагин к себе приглашает. Николай думал — по делу. Оказалось, совсем другое.

— Ты мне как-то предлагал в дурака с тобой сыграть, — напомнил Брагин, посмеиваясь. — Так вот, сегодня я непрочь.

— Что вы, это я так, — смутился Николай. — Для храбрости. Я ведь в этого дурака ни в зуб ногой!

— Тогда давай в шахматы. Словом, захватывай вечерком свою половину — и ко мне на чай... И никаких отговорок! Считаю — приказ!

Вечером, когда они с Машей заявили к Брагиным, выяснилось, что туда приглашены еще две молодые пары. Были и шахматы, был и чай, было и угощение, очень, правда, скромное, как и полагалось по военному времени. Но «гвоздем программы» оказался сам Брагин. Он был великолепным рассказчиком. А уж повидал и испытал на своем веку столько, что с лихвой хватило бы на троих.

Лишь позднее сообразил Николай, что рассказывал Брагин всякие занятные истории не просто так, а с тонким умыслом. Вроде бы вспомнил случайно про чью-либо судьбу или эпизод какой-нибудь из своей жизни — иногда смешной, а иногда и грустный. И незаметно подводит к мысли, что человек — это прежде всего воля, целеустремленность, умение стать выше жизненных обстоятельств...

Работа Николаю понравилась. Отношения в семье тоже быстро наладились. Исчезла у Николая раздражительность, чувство ущербности, какого-то мучительного и непонятного стыда перед людьми, особенно незнакомыми, словно он перед ними в чем-то виноват.

Заново утверждая себя, Николай ставил перед собой новые, все более сложные цели, и шел к ним, как от вехи к вехе. Научился писать — отлично! За обеденным столом может обходиться без посторонней помощи — замечательно! Значит, надо дальше, дальше!..

— Ивановна, не запрыгай Кошку в возок, — как-то попросил Николай на конюшне.

— Ты ж, однако, на перевалку хотел.

— Поеду верхом.

У Ивановны глаза на лоб:

— К-как?!

— А вот так!.. Помоги заскочить!

Кошка — смирнейший конек. Николай доехал

благополучно. С тех пор его часто видели едущим верхом. Удивлялись порядком. Но сам Николай был недоволен. Что Кошка! Поставь на нее стакан воды — не расплещет. Вот бы брагинского Скакуна!

Попросил как-то у Алексея Никифоровича: — Разрешите разок на вашем Скакуне.

Николай приготовился к недоуменным вопросам, но Брагин сразу сказал, ни о чем не спросив:

— Бери, пожалуйста, сделай одолжение. Он мне сейчас не нужен.

Сельчане теперь уже не просто удивлялись — поражались, даже беспокоились за Николая. Ходили наушничать Марию:

— Уйми ты своего, однако. Ишь, что над собой вытворяет! Конь-то ведь — огонь. Убьется, как пить дать!

— Ничего, обойдется, — спокойно отвечала Мария.

А он однажды и впрямь чуть не убили. На том же Скакуне. Вечер уже был, смеркалось. Попалась на пути неглубокая канавка. Мода тогда такая была, от вредителей свеклу окапывать. Будто червячок или там жучок канавы не переползет. Конь заметил препятствие в последний момент, шарахнулся в сторону. Николай вылетел из седла.

Ударился несильно. Кости целы. Но как опять на лошадь сесть? Если бы тихоня. Кошка — тогда запросто. Николай научился садиться на нее без посторонней помощи. А Скакун обычно секунды спокойно не простоят, вертится юлой.

Тут, однако, словно чуя свою вину, конь подошел, обнюхал сидящего на земле ездока. Николай осторожно поднялся. Скакун не шелохнулся. Стоял, как вкопанный, пока Николай, сильно оттолкнувшись, не заскочил в седло.

О том, что упал, Николай никому не проорол ни слова. И как только выдавалась возможность, пересаживался со своей смиренной Кошки на Скакуна. Выезжал за село и мчал во весь опор.

Легко ли быть руководителем?

Недолго побыл Николай заведующим лесоскладом. Когда работа там полностью наладилась, Брагин взял да и всем на удивление назначил его техноруком конторы, то есть своим заместителем по технической части.

Николай получил в полное свое владение крошечный кабинетик, стены и потолок которого были обшиты фанерой. При людях уничижительно называл его «мой фанерный ящик», а втайне любил и даже гордился. Каждое утро

Николай ходил вместе с другими ответственными работниками на летучку к Алексею Никифоровичу. Советовались, как лучше организовать работу на день, заслушивали указания Брагина.

Брагин относился к Николаю, как к младшему брату. Но отнюдь не баловал.

Шла уборка урожая. Райком партии назначил Брагина уполномоченным по всем трем колхозам Соколово. В одном из них ему помогал Николай, тогда уже кандидат в члены партии. А жатва была тяжелой. Дождь, слякоть, холод. Работающих, в основном женщин, приходилось подбадривать горячим призывом, добрым словом, шуткой.

К вечеру Николай решил поехать на дальний ток, проверить, как идет молотьба. Пришел в конюшню и, не спросив, взял брагинского Скакуна.

Домой прискакал лишь поздно ночью. Утром, к восьми, как всегда, заявился в контору. На доске объявлений — приказ. Четким крупным брагинским почерком выведено: «За нарушение порядка, выразившемся в самовольном взятии незакрепленной за ним лошади, техноруку Струкову Н. Т. объявить выговор».

Полагалось идти к Брагину, на летучку. Николай не пошел. Засел в своем «фанерном ящике». На столе наряды, бумаги, накладные. А он ничего не видит. Обида, злость все застилает.

Прибегает секретарша:

— К Алексею Никифоровичу!

Николай не шевелится. Через некоторое время она появляется снова:

— Идите же! Зовет!

Николай ни с места. И вдруг в двери его кабинетика вырастает сам Брагин.

— Тебе чего, поклониться? Дела-то ведь не ждут... Почему не идешь?

— А чего я к вам ходить буду? Что я, на гулянку вчера ездил? Отгрузка на току буксовала, в пятом часу утра вернулся, измучился весь. Мог бы и вообще на работу не являться. А вы мне выговор. Вот уж спасибо!

Он в запале, а Брагин спокоен, как всегда.

— Выговор тебе не за то, что на ток ездил. За то, что самовольно моего коня взял. Почему не спросил? Разве я бы не дал? А так я не знал ничего, думал, Скакун на месте, разрешил его Николаю Андреевичу взять. Он прибегает и докладывает: «Струков на нем без разрешения ускакал!» А люди знают, что ты к тебе хорошо относишься, знают, что ты с женой ко мне в гости ходишь. Могли ли я тебе — именно тебе! — самовольство, пусть самое малое, с рук спустить?

Николай молчал, опустив голову.

— Ясно теперь?.. Тогда завершай тут быстро с нарядами и сразу ко мне. Есть уйма вопросов...

Позднее Брагин посоветовал ему:

— Ты почаще ставь себя в угол.

— То есть? — не понял Николай.

— Очень просто! Поставь себя в угол, а сам отойди в сторонку и посмотри: кто там такой в углу стоит? Чем хорош? Чем плох? Что натворил? И пропесочь его как следует. Забудь о том, что это твой хороший знакомый, всыпь по десятое число!.. Я сам так делаю. Помогает!

Конец войны с нетерпением ждали с осени сорок четвертого. Знали — уже близок долгожданный день. И все равно, весть о победе ошеломила неожиданным счастьем. Только горький, очень горький привкус был у этого счастья. Слезы радости мешались со слезами горя — как их отделить друг от друга?

Люди стали задумываться над устройством мирной жизни. К тому времени Николай был уже депутатом сельского Совета.

— Ты все насчет грязи в селе разорялся, — посмеивалась Елена Михайловна Кулик. — Не спорю, грязновато. Только вот теперь ты депутат, сам и налаживай.

— А средства отпустите?

— Какие еще средства? Окстись, милый!

— Как же тогда?

— Вот вы с Папиным и подумайте. Вас ведь уже двое таких. Да и я душой с вами. Вот, только... Главное мое дело сейчас — больше хлеба и мяса стране!

Иван Иванович Папин, пилорамщик, тоже депутат сельсовета, и прежде донимал Елену Михайловну вопросами благоустройства. Она лишь отмахивалась, какое там благоустройство! Сев, заготовка сена, уборка, вспашка — и за все председатель сельсовета в ответе. Лишь успевай поворачиваться!

Неожиданно уехал из села, получив ответственное назначение по линии Министерства внешней торговли, Алексей Никифорович Брагин. Струковы проводили своего старшего друга до бийского вокзала. Мария плакала. Николай крепился, но и у него было скверно на душе. Почему нельзя всю жизнь прожить рядом с хорошими друзьями? Почему все время приходится терять что приобрел?

А чуть позже ликвидировали и лесозаготовительную контору. Она подчинялась управлению в Иркутске; Николай получил официальное предложение переехать туда. Ему гарантировали хорошую должность, квартиру.

Посоветовался с Марией, с родителями. Они все были против. Николай обрадовался такому единодушию в семье. Сам он давно и твердо решил: никуда из родного села не уезжать. Здесь он стал на ноги, снова ощутил себя полноценным человеком, здесь все его знают и верят ему.

Насчет работы беспокоиться не приходилось. Директор спиртзавода, узнав, что Николай

остается в селе, сам послал за ним. Предложил ему директорствовать в подсобном хозяйстве завода. Там все было завалено, все надо было начинать с нуля. А хозяйство немалое. Почти сто двадцать человек постоянных рабочих, триста гектаров земли. И большое неудобство — поля далеко, за двадцать километров от села.

Николай взялся. Хотелось ему себя именно на таком запущенном участке проверить. Привлекала и полная самостоятельность. Под крыльшком Брагина у него выходило неплохо. Ну, а если без всяких крыльшек?

Трудно приходилось. Иногда по неделям пропадал на полевом стане. Прискачет домой, худющий, запыленный, загорелый дочерна. Попарится в баньке, передохнет, с сынишкой поиграет — и обратно.

Сумел Николай найти правильный подход к рабочим. Впрочем, особенно искать и не пришлось. Люди сами видели, что он не жалеет себя. А давно уже известно, как влияет на подчиненных личный пример руководителя.

Выручало, конечно, и доброе отношение. В уборку все хозяйства напряженно работали. А техники почти никакой. Не то что комбайнов не было — одна-единственная молотилка на все три соколовских колхоза. Кто ее даст подсобному хозяйству в самый разгар страды?

Никому другому ни за что бы не дали. Николай получал. Не днем — только на ночь, когда колхозники отдыхали. Слово Николай держал твердо. Часов в десять, когда стемнеет, возьмет молотилку, а утром, в шесть, она опять на месте. Вот так и молотили по ночам. Но управлялись. И с картошкой управились, а ее было двадцать пять гектаров — все вручную! И с животноводством тоже ладилось...

Благодарности пошли, премии...

На полевом стане Николай впервые занялся цветами. Повсюду разбили клумбы, даже возле телятника. Летом, когда все зацвело, стало так красиво, что самые заядлые скептики и те приумолкли. Пристроили к полевому стану открытую веранду, тоже всю кругом обсадили цветами. Рабочие, особенно молодежь, охотно отдыхали здесь.

А в селе царствовала все та же непролазная грязь. Все так же бродили по улицам задумчивые коровы, блаженствовали в лужах хрюшки, чесались о заборы чумазные телята. Такими же унылыми оставались лишенные зелени дворы.

Осень на Алтае — пора ветров, иногда очень сильных. Кто-то из числа перестраховщиков, одаренных фантазией, зачастил в сельсовет со своими опасениями и страхами. Дескать, березы, которые сгрудились кучей в середине села, очень уж стары. Дунет посильнее, они завалятся и, не приведи господь, кого-нибудь придавят. Ходил, ходил и донял, наконец: из сель-

совета поступила команда срубить старые березы. А срубить — не растить, много времени не нужно.

Шум по селу пошел страшный. Шутка сказать — единственное зеленое пятнышко, отрада для глаз! Прибежали к березам возмущенные жители.

Спихватились и сами сельсоветчики. Но что делать? Восемь из двенадцати берез уже повержены. Обрато ведь их не поставишь.

И тогда все вместе решили: быть на этом месте парку. Стали производить посадки. Школьники пришли, рабочие спиртзавода, колхозники. Сажали тополя — хлыстиками, даже черенками. Не верилось, что уцелеют тонюсенькие веточки, когда-нибудь вырастут большими деревьями.

Елене Михайловне пришла в голову дельная мысль: разрешить тем, кто захочет, выращивать несколько лет на месте будущего парка картошку. Выделить им участки. Но с одним условием. Не за страх, а за совесть ухаживать за молодыми деревцами.

Желающих оказалось много. Очень удобно иметь картофельные гряды возле дома, под самым носом.

А через четыре года, когда деревца подросли и окрепли, эту зону объявили парковой.

Вскоре в районе начали объединять многочисленные мелкие колхозы. Дошла очередь и до хозяйства, которым руководил Струков. В Соколово организовывался новый совхоз животноводческого направления. Он и включил в свой состав земли и скот бывшего подсобного хозяйства завода.

— Прямо беда какая-то! — сокрушался Николай в кабинете директора спиртзавода. — Только налажу дело, только начну прибавлять обороты — и амба! Лесконтору ликвидировали. Теперь это хозяйство. На голом ведь месте начинал. Вроде неплохо пошло — и опять. Словно нарочно!

— А тебе никогда не приходило в голову, что у руководителей тоже бывают свои профили? — смеясь, заметил директор. — Есть руководитель-продолжатель. Вот я, к примеру. Страсть, как люблю прийти на готовенькое и продолжить уже начатое. Есть руководитель-разоритель. Этот любое налаженное дело угробит добротнo и скоро. А есть руководитель-наладчик... Кстати, у нас на заводе цех подработки сырья на грани развала. Не возьмешься ли наладить?

Николай улыбнулся:

— А не боитесь?

— Что из-за тебя цех ликвидируют? — сразу понял директор. — Ну уж нет! Если только вместе со всем заводом. К тому же это твое третье место. А ведь сам знаешь: бог троицу любит!

Неожиданный поворот

Странное дело: дни тянутся долгой нескончаемой вереницей, а вот годы — годы летят!

Давно ли Сережка, сладко причмокивая, лежал в своей качалке, крохотный, пухлый, забавный такой?

И вот уже в школу бегают. Первый класс, второй, третий... Пока все у него идет ладно. Учится охотно, пытливый паренек, любознательный.

Мария давно уже снова работает, оставив заботы о доме хлопотливой свекрови. Снова воспитателем в той же специальной школе для слепых детей.

Николай — нет, не Николай уже, так его теперь редко кто зовет, лишь родные да самые близкие, а Николай Терентьевич — по-прежнему начальником цеха на спиртзаводе. Прав оказался директор. Третья по счету должность оказалась долговечнее предыдущих.

Работа не требует бог весть какого напряжения. Все давно налажено, все организовано, как на конвейере.

Это хорошо. Но и плохо тоже. Характер ведь у Николая Терентьевича с годами не меняется. Все такой же беспокойный, напористый. Честно сказать, скучновато ему на заводе.

Добросовестно отработавшая долгий срок на нелегком посту Елена Михайловна Кулик уходила на пенсию. И в узком кругу руководителей сельских организаций своим преемником назвала Николая Терентьевича Струкова. Было видно, что это она продумала заранее.

— Лучше не найти человека, — твердо говорила Елена Михайловна. — Что я сделать не успела, он обязательно сделает.

— Что ж, можно, — согласился с ней директор совхоза «Соколовский» Степан Кузьмич Карев¹. — Фронтвик, коммунист, человек еще молодой, энергичный. Пусть нам помогает. И цветочками, я слышал, занимается, — тоже неплохо.

Если бы Карев знал тогда, на какую хлопотливую жизнь обрекает себя этим согласием!

Директор спиртзавода поерепенился малость — не хотелось ему терять доброго начальника цеха. Но что значили его возражения по сравнению с веским словом Карева! Совхоз огромный — чуть ли не в половину Бийского района, директор его — человек авторитетный, и не только в здешних местах. К тому же сам Струков без всяких колебаний согласился принять должность председателя сельсовета, чем вызвал в селе немалое удивление и всяческие

¹ По просьбе Н. Т. Струкова, автор, ничего не меняя в документальной достоверности событий, изменил в повести некоторые фамилии.

пересуды. Ведь зарплата на новом месте куда скромнее, чем на заводе, а хлопот не оберешься.

Но Николай Терентьевич знал, что делает.

Став председателем, он на другое же утро пришел к директору совхоза. Карев сильно удивился, застав в своей приемной Николая Терентьевича.

— Чего тебе, Струков?

— Так вот — пришел к вам посоветоваться, помощи попросить.

— Давай, попробуй...

В директорском кабинете Струков изложил свой план преобразования села. Карев снисходительно кивал головой и едва заметно улыбался — все звучало для него привычно и казалось нереальным. Насторожился он лишь тогда, когда новый председатель упомянул, с чего, по его мнению, следует начать.

— Пстой, пстой! Как это — не отвозить барду со спиртзавода на тракторных санях? А на чем ее к фермам доставлять прикажешь? На вертолете, что ли? Ведь по селу ни одна машина не пройдет.

— В том-то и дело, Степан Кузьмич! Эти

сани нам все улицы перепахали. Зимой — куда ни шло. Ну, а весной, летом? Летом на санях одни дураки ездят, да и то лишь в сказках.

Директор насупился.

— Что ты предлагаешь?

— Подремонтировать улочку до спиртзавода, отвозить по ней барду за село на машинах. А там, если нужно, перегружайте на тракторные сани — и к фермам.

Карев долго молчал.

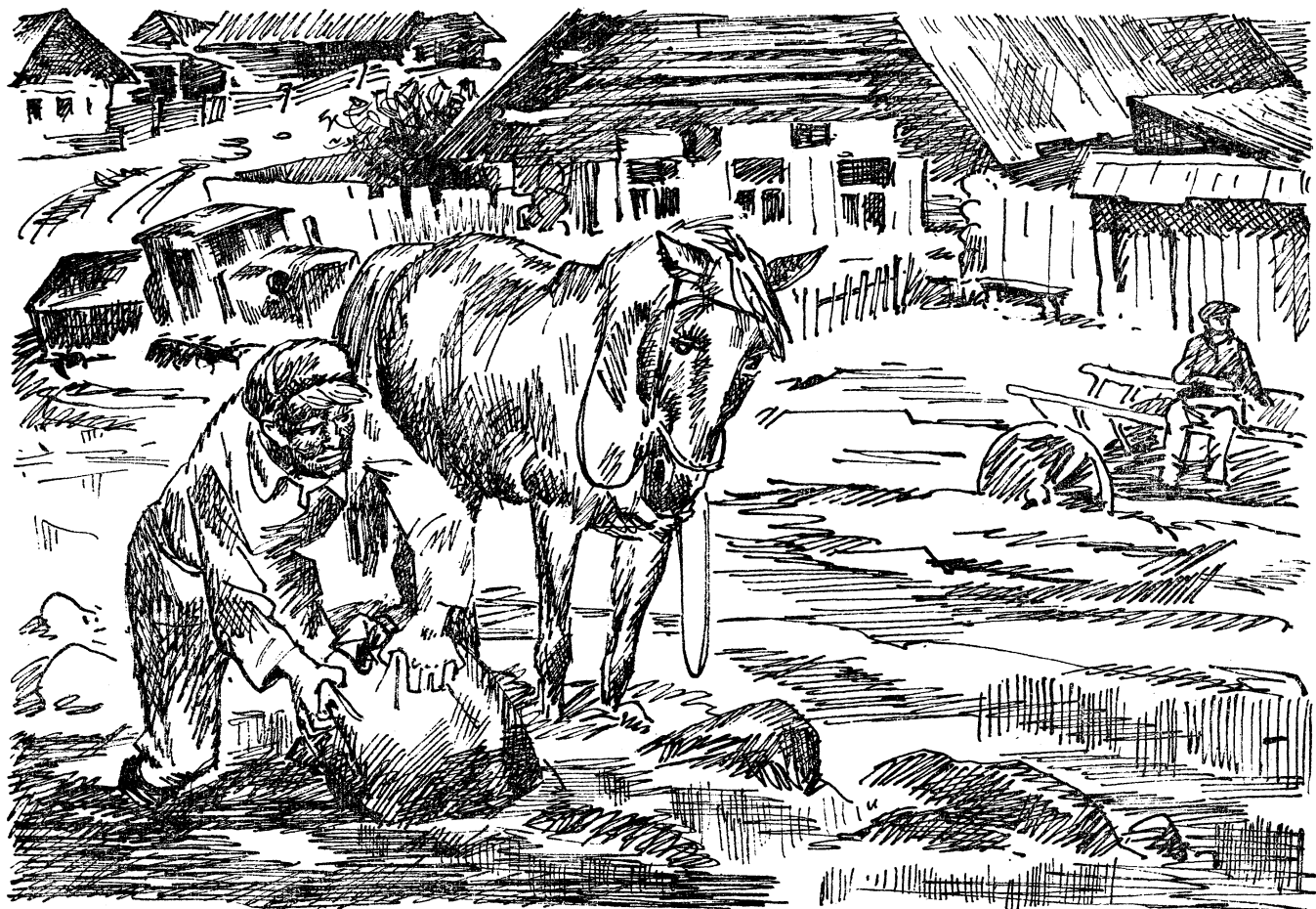
— Ну вот что, — изрек, наконец. — Не будет этого.

— Послушайте, Степан Кузьмич...

— Я сказал: не будет! — повысил голос директор. — Не для того тебя выбрали, чтобы ты в мои функции влезал. Сажай свои цветочки, я не против. А мое хозяйство не трогай... Вот так! И встал, давая недвусмысленно понять, что разговор окончен.

Что ж, хозяин просит — гостю пора идти. Но Николай Терентьевич знал, что разговор этот еще только начинается. Кашу, которую он заварил, в один присест не расхлебаешь.

Несколькими днями позже, сидя у себя в

кабинете, Струков увидел в окно такую картину. Через лужу — самую знаменитую, напротив сельсовета — пробирался верхом на лошади кто-то из сельчан. Впереди ездока лежал, переброшенный через конскую спину, куль муки. Лошадь еле брела по брюхо в грязи. Внезапно она споткнулась, куль соскользнул в грязь.

Что оставалось делать бедному сельчанину? Бранясь на чем свет стоит, скинул ватник и полез в черную жижу...

И тут же из-за поворота показался трактор. Натужно урча, он волок за собой огромные сани с дымящейся бардой.

Николай Терентьевич кинулся на улицу.

— Стой! Стой! — заорал, стараясь перекрыть шум мотора. — Сельсовет запретил везти барду на тракторных санях. Ты что, не знаешь?

Черномазый тракторист ухмыльнулся.

— А мне сельсовет не указ. У меня свое начальство есть.

— Еще раз поедешь — оштрафую!

Тракторист ничего не ответил, лишь сверкнули в нахальной усмешке зубы. Взревел мотор. Тракторные сани, вздымая волны грязи, протаскились со скрипом мимо едва успевшего отскокить председателя сельсовета.

В следующий раз Струков бросился наперез трактору, стал на его пути. Заставил ошалевшего тракториста вылезть из кабины и продолжать за ним в сельсовет.

— Я тебя накажу за самоуправство! Засажу в подвал, забью крышку гвоздями и не выпущу, пока прокурор из района не приедет и с тобой тут, на месте, не разберется.

— Вы что! Вы что! — твердил, как заведенный, порядком перетрухнувший тракторист. — Я же не сам! Меня начальство посылает. Что я сделать могу?

— А если тебя начальство еще что делать пошлет?..

Все же тракториста Струков отпустил — не сажать же его, в самом деле, в подвал. Тот повернул обратно со всей своей бардой. В контору совхоза — жаловаться.

Вскоре раздался телефонный звонок. Директор совхоза кричал в ярости:

— Значит, так понимать, Струков: государственный скот для тебя ничто? Пусть подыхает?.. Хорош председатель сельсовета, ничего не скажешь!

— Нет, это директор совхоза хорош! — встал на дыбы Николай Терентьевич. — О скоте-то директор думает, а о людях своих — ноль! Пусть себе возятся в грязи! Дороги директор, видите ли, делать не желает. А ту малость, что еще уцелела, тракторами разбивать — это пожалуйста. А я не дам! Не дам! Не поедет больше через село ни один трактор. Так и знайте!

И бросил трубку. Ну, начинается, кажется, первая схватка!

Карев, опытный боец, сразу же пустил в ход тяжелую артиллерию. Позвонил самому председателю райисполкома. Что он ему говорил, неизвестно. Но тот сразу же прикатил из Бийска в Соколово. Позвонил из конторы совхоза Николаю Терентьевичу:

— Немедленно сюда, Струков! Надо вопрос со Степаном Кузьмичем решить.

— Во-первых, у меня тоже имя-отчество есть, не только у Карева! — Николай Терентьевич решил не обороняться, а наступать. — Во-вторых, если у него ко мне вопрос, пусть сюда, ко мне, и является. Кстати, и вам, как председателю райисполкома, тоже не следовало бы сельсовет обходить.

Фон в трубке вдруг приглушился, наверное, председатель прикрыл рукой микрофон. «Об имени-отчестве осведомляется», — догадался Струков.

— Что ты, ей-богу, Николай Терентьевич! Не ерпенься, пожалуйста! — снова заговорил председатель райисполкома. — Мы же так, дружески, побеседовать решили. Я сейчас свою машину за тобой пришлю.

— Вот еще! Тут три шага.

Пошел Николай Терентьевич в контору совхоза. Карев хмурый, злой, в глаза не смотрит, пальцами по стеклу на письменном столе постукивает.

Председатель райисполкома начинает дипломатично, с подходцем: как дела, что нового, всякое такое. Потом приступает к главному.

— Почему барду возить запрещаете?

— Я не запрещаю. Нет у меня таких прав. Пусть возят, сколько им угодно. Но только не на тракторных санях. На санях я не разрешаю. И не разрешу.

Карев сразу взвился:

— Вот видите! Что ему план! Что ему забота о нуждах государственных!.. Нет, ты, Струков.

И в крик. Как на мальчишку!

Николай Терентьевич выждал, сдерживаясь, потом обратился к председателю райисполкома:

— Больше вопросов ко мне нет?

— А с этим как?

— Так ведь я уже сказал. Не поедет больше через село ни один трактор. Или снимайте меня с должности.

— Ну что вы, ей-богу, оба, как маленькие! — председатель заерзал в кресле. — Давайте хоть поедем к барднику, посмотрим на месте.

— Это пожалуйста. Езжайте! — Струков шагнул к двери.

— И ты с нами тоже, Николай Терентьевич.

— Нет, я пешком. Так надежнее. Сами увидите...

Как сказал Николай Терентьевич, так и получилось. Он давно уже был на месте, когда легковушка, обляпанная до самой крыши, добралась, наконец, до бардника. Председатель и

Карев вылезли мрачные. Видать, поругались дорогой...

Пришлось совхозу срочно латать улицу и возить барду из села на грузовиках.

Это была первая маленькая победа. Еще не над грязью — над пренебрежительным отношением хозяйственников к благоустройству села.

А грязь оставалась по-прежнему, непролазная, изматывающая людей грязь.

«Бери, хозяин, топор!»

Самое важное для человека — это, пожалуй, чувство цели. Оно, и только оно придает стройный порядок каждодневной сумятице.

У председателя сельсовета десятки всевозможных дел. Трещит телефон. Как в калейдоскопе мелькают лица. Сыпятся всевозможные задания, запросы. Там заседание, тут собрание, туда успей, сюда не опоздай... Если потерять из виду главное, то недолго закружиться в таком водовороте. В итоге и язык на плече, и силы на исходе, а вроде ничего и не сделано.

Нужен стержень, что-то главное, основное, чему подчинятся и вокруг чего выстроятся все остальные дела.

Какой именно стержень? Что должно стать главным в работе председателя сельсовета?

Никаких постоянных рецептов тут быть не может. Все зависит от конкретных условий. В одном селе это школа. В другом — организация общественной помощи совхозу с пошатнувшейся в результате неурожая или неумелого руководства экономикой. В третьем, возможно, строительство клуба, который потянет за собой всю культуру села...

Счастье Николая Терентьевича в том и заключалось, что своей тягой к благоустройству он как бы предугадал желание односельчан, еще не осознанное, как следует, ими самими. Улучшалась жизнь деревни, люди стали хорошо зарабатывать, не хотели больше жить по-старому.

С самого начала, еще с того дня, когда он согласился стать председателем сельсовета, Николай Терентьевич твердо и точно знал, куда повернет доверенный ему штурвал. Знал, но говорить о далекой перспективе не решался даже с самыми близкими людьми: еще, чего доброго, и они засмеют. Однако сам примерял к ней, этой перспективе, все свои повседневные сельсоветские дела.

Нужны были средства. Без денег не начнешь даже самых элементарных работ по благоустройству. А где их взять? Два рубля со двора, тысяча шестьсот рублей в год — велика ли сумма? И техники на одну лошадиную силу — старая хромая сельсоветская кобыла по кличке Серая.

Подумав, Николай Терентьевич отправился в леспромхоз.

— Как вы, товарищи, через лужи бездонные перебираетесь?

— Так же, как и все. Нogu вытащим, следом за ней сапог вытаскиваем.

— Не надоело еще?.. Может, через самые глубокие лужи мостки перекинем? Дайте мне плах кубометров пятнадцать. А я народ организую.

Выпросил-таки плахи! С бречками, чтобы их по улицам развезти, было полегче. На спиртзаводе дали. В память, так сказать, старой дружбы, как своему бывшему работнику.

Добытые слезными мольбами плахи Николай Терентьевич сам лично вывозил и распределял. Скидывали по две, по три на центральной улице, в самых бойких местах, там, где предполагалось соорудить «надлужные» переходы.

Уже совсем поздно, в темноте, возвращался Струков домой. И вдруг видит: кто-то тянет к себе в ограду одну из только что привезенных плах. Крикнул в сердцах:

— Ты что, негодяй, делаешь?!

Тот выронил плаху от неожиданности. Струков присмотрелся: известный своим скопидомством старик пенсионер. И как только у него сил хватило? Доска-пятидесятка, шесть с половиной метров длиной.

Захваченный с поличным, стал неловко оправдываться:

— Вот, думал, с улицы ее утащут. Решил на время к себе прибрать.

— Клади сейчас же на место! Никто, кроме тебя, не утащит!

А тот с испугу и поднять плаху не может. Пришлось помочь.

Спал Николай Терентьевич плохо. Вскочил до света и, не позавтракав, побежал считать плахи. Слава богу, все оказались на месте. Вечером после работы он обошел дома.

— Бери, хозяин, топор! Дело есть!

Народ выходил охотно. Окружили плахи, приколотили одну к другой, перебросили через лужи. Хорошо! Не надо ни скакать, ни пробираться стороной, цепляясь за ограды.

Так вот и получился деревянный тротуар. Не сразу его сделали — в несколько приемов. Но главное — тротуар появился. Впервые!

Увидели односельчане: на одной из улиц грязь перестала быть помехой. А у них по-прежнему — прыг да скок. Прибежали в сельсовет.

— Им так надо, а нам так нет?..

Деревянными тротуарам Струков в своих плахах отводил довольно скромное место. Ободренный успехом первого шага и чувствуя поддержку, он чаще стал не просить, а требовать. Ведь организациям отпускались средства на благоустройство. Пусть немного. Однако и это малое оставалось неиспользованным, пропадало.

Струков решил сыграть на самолюбии директора совхоза — к тому времени начальство уже сменилось. Новый директор, работавший до этого завмастерской, а затем главным инженером, вроде бы хорошо относился к Струкову. Но бывают же такие люди: пока он на низовой работе — человек как человек. А выдвинут в начальники — вся спесь из него наружу полезет. И этот оказался такой. Только директором назначили — со своими же работниками здороваться перестал. Идет по селу, насупленный, хмурый, ни на кого не глядит. Так и прозвали: Бычок. А позднее, когда сняли с директоров и перевели на рядовую работу, — опять преобразился. Даже, говорят, улыбается людям...

На одном из заседаний Совета Струков раздал депутатам фотоснимки донельзя загрязненной территории центральной усадьбы совхоза. Все охали, ахали, возмущались. А директор совхоза, не разобравшись, спросил с усмешкой:

— Что за свалка такая?

— Свалка? — тут же уцепился Струков. — Слышали, товарищи, — свалка! Точно, свалка, другого слова и не подберешь!.. А это ведь твоё хозяйство, Иван Николаевич, с высоты птичьего полета. Нравится?.. Ты вроде бы толковый хозяин, а даже для себя дорогу починить не можешь. При твоих-то силах, при твоём-то парке машин! Да тут — на одно утро работы!

Струкова поддержали все депутаты и дружно навалились на директора. Пришлось тому братья за свои подъездные пути, приводить их в порядок. Охотно или неохотно — это уже другой вопрос.

Век живи...

В дверь едва слышно постучали, словно цапапнули.

— Да, да! — Струков снял очки. — Входите же, входите!

В кабинет председателя сельсовета бочком скользнула сухонькая старушка в черной шали.

— Здравствуйте...

— Здравствуйте, Дарья Тимофеевна. С чем пожаловали?

Держась за дверь, словно упасть боялась, старушка произнесла робко:

— Дровишек бы мне.

— А что осенью привозили, уже кончились? — Струков сделал пометку в перекидном календаре. — Все, бабуся!

Старушка не поняла или не расслышала:

— А то нету дров несколько.

— Я сказал: будут дрова. Вас, как жену погибшего на фронте, сельсовет обеспечивает вне всякой очереди. Завтра к обеду доставят. Четыре кубометра — хватит?

— Как не хватить... А то все уже дровишки

вышли. Как утром встала, еще темь на дворе, как в стайку заглянула... — и вдруг заплакала Дарья Тимофеевна.

Что такое?

Николай Терентьевич едва уговорил ее сесть на стул, стал расспрашивать.

Оказывается, пришла она вовсе не за дровами. Дрова это так, предлог. А дело — серьезное. И печальное.

Сын у Дарьи Тимофеевны был, шофер. Подался из села в Барнаул, женился там неудачно, ушел от жены. Потом случилась беда: попал в аварию и погиб. А день назад приехала из Барнаула его жена, та самая, с которой он жить не стал, — Дарья Тимофеевна ее и не знала. Привезла эта женщина казенную бумагу с печатью. Требуется, чтобы старушка либо ей полторы тысячи рублей на стол выложила, либо дом пойдет на продажу. Дом на сына был записан, а она, законная вдова, утверждена судом в правах наследования. О том и бумага с печатью.

Николай Терентьевич успокоил, как мог, старушку, обещал вмешаться и не дать ей в обиду. Затем, когда она ушла, стал листать всякие кодексы, сборники постановлений, юридические справочники.

Просидел за ними до полуночи, но так толком и не разобрался. С одной стороны, наследник действительно имеет право на свою долю стоимости дома. С другой стороны, у старушки таких денег нет. А продаст дом — где сама жить станет?

Захлопнул с досадой справочник, окинул взглядом стол, заваленный книгами. Придется ехать в Бийск, к юристу.

И ведь не первый у него случай, когда не может разобраться с законами. Потребовалось застройку у самовольщика снести — тот свою сараюшку чуть ли не на улицу вынес. Так, оказывается, не тронь его, а то сам в ответе будешь! Месяца три возились, пока, наконец, человек, сведущий в тонкостях юриспруденции, подсказал, как быть. Или вот дело составили на злого хулигана — и опять не так, как требуется по закону...

Пока Николай Терентьевич добирался до дому по темной ночной улице, созрело решение.

— Вот что, Маша, — весело сказал открывшей дверь жене. — Студент-медик у нас в семье есть. Теперь будет еще студент-юрист.

Мария Александровна сразу поняла:

— Так ведь тебе сначала на аттестат зрелости сдавать.

— Чего-чего, а зрелости-то, думаю, я достиг... Словом, одобряешь?

— Одобряю — не одобряю, но если ты задумал... Только трудно тебе будет, Коля, ох, и трудно!.. Не мальчик ведь, пятый десяток уже...

Следующим же утром Николай Терентьевич сходил в книжный магазин и приобрел там все

имевшиеся в наличии учебники для десятого, а заодно и для девятого класса. Повторение, говорят, мать учения.

— Зачем вам? — удивлялся продавец. — Сын уже в институте.

— А я про запас. Для будущего внука, — отшутился Николай Терентьевич.

Вечером полистал учебники для пробы. Вспоминалось быстро, усваивалось легко. Добром помянул своих учителей. Да, не для формы они учили. На всю жизнь.

В конце лета, уже с аттестатом зрелости в кармане, собрался с духом и поехал в Барнаул. Решил поступать на юридический факультет Томского университета.

Экзамены сдал хорошо, а сочинение на тему «Все остается людям» написал просто блестяще. Один из экзаменаторов не выдержал, спросил:

— Простите меня за нескромный вопрос. Глубокие мысли, безупречная грамотность — это я понимаю. Но как вам, именно вам удалось выработать такой почерк?

— Говорят, почерк портится, если человек мало пишет, — Николай Терентьевич улыбнулся. — Мне на это жаловаться грех. Доклады, отчеты, постановления...

Теперь, с поступлением в университет, Струкову приходилось писать еще больше. После каждодневной маяты садился за контрольные. Запускать нельзя: два-три дня дашь себе послабление — скопится целый ворох.

Учился ровно, без срывов, без хвостов, обязательных чуть ли не для каждого заочника. На помощь приходил богатый жизненный опыт.

Лишь однажды на зачете вышел конфликт с преподавателем. Речь зашла о многолетних травах, которые в ту пору необоснованно изгонялись из посевных площадей страны. Николай Терентьевич, отвечая на вопрос, сказал, что, по его мнению, травопольная система имеет много положительных сторон и напрасно с ней так круто разделяются. Преподаватель, совсем еще молодой человек, сдвинул брови:

— Ваша точка зрения противоречит официальным документам, которые мы с вами изучаем.

— Зато она соответствует сельской действительности. А уж ее-то, смею думать, я знаю.

Преподаватель вернул Николаю Терентьевичу зачетную книжку.

— Придется вам еще почитать. Потом побеседуем снова.

Следующая встреча опять завела их в тупик. Преподаватель добивался, чтобы строптивый студент излагал все точно по изучаемым документам. Струков же доказывал свое.

Травополье оказалось камнем преткновения и в третий раз. Преподаватель ерзал на стуле, нервничал. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке — перед ним ведь сидел не школьник.

— И чего ради вы так упорствуете, не пойму? — спросил он, наконец.

— Не поймете?.. А всего-навсего ради малости. Не хочу думать одно, а говорить другое.

Преподаватель покраснел. Взял лежащую перед ним зачетку, молча расписался и так же молча подал ее Николаю Терентьевичу...

Очень часто, отрываясь от учебников и контрольных работ, когда за окном уже серело и хрипло запевали, прочищая глотку, первые петухи, он, укладываясь хоть немного поспать, подтрунивал над собой: век живи, век учись.

Закон есть закон

На двери кабинета председателя Соколовского сельсовета табличка: «Прием с 10 до 12 ежедневно, кроме среды».

Не верьте! Не с десяти до двенадцати, а с утра до позднего вечера идут сюда люди. И во все не для того, чтобы «шлепнуть печать на справку» — до недавнего времени некоторые наивно полагали, что именно в этом заключается главная обязанность председателя. Без сельсовета не решается сегодня ни один вопрос жизни села, начиная с подписки на газеты и кончая комплексной механизацией совхозных ферм. А уж по личным-то делам не считается зазорным обратиться к председателю и в среду, и в выходной день, и в самый ранний час.

— Как шагну за калитку — так и пошел у меня прием, — смеется Николай Терентьевич. — А то еще и дома застукают.

Шофер Анатолий Карпов домой к Струкову не зашел, поджидал на улице. Поздоровался, зашагал молча рядом, приноравливаясь к размашистой походке председателя. Николай Терентьевич тоже молчал. Надо — сам скажет. Карпов не из робкого десятка. Вон как недавно на собрании честил своих начальников за неорганизованность и беспорядок. Они и морщились, и крутились, и вертелись, а возразить-то и нечего.

Немного не дойдя до сельсовета, Струков все же поторопил:

— Ну?..

— А вы не к себе?

— Нет, в теплицу.

— Просьба к вам, Николай Терентьевич. Сын мой, Витюха, из армии в отпуск едет. Не дадите ли завтра в ночь машину, встретить в городе? — Вот тебе на! А своя на что? Или — сапожник без сапог?

— Так ведь я теперь не на машине. — Карпов отводил взгляд. — В столяры перевели. Уже вторая неделя.

— Провинился?

— Вы что, Николай Терентьевич!

— Неужто заработки повыше?

— А! Какие там заработки! — вчерашний шофер удрученно махнул рукой. — Больше на простое.

— Чего ж тогда согласился?

— Очень меня спрашивали! Производственная необходимость — и в приказ.

— Так-так...

Струкову это не понравилось. Очень уж смахивало на месть за критику. Опытный шофер, всю жизнь на колесах — и вдруг в столяры. Да еще какая-то «производственная необходимость»...

Но Карпов о своих мыслях ничего не сказал.

— Подходи завтра к вечеру в сельсовет, машина будет... На сколько сын-то приезжает?

— Не знаю еще, в телеграмме не сказано. Да самое малое — десять суток.

Карпов попрощался, отправился в столярную мастерскую. А Николай Терентьевич, изменив своему первоначальному намерению побывать с утра пораньше у цветоводов, завернул в сельсовет.

Позвонил в хозяйство кадровикам. Все точно! Карпов переведен из шоферов в столяры по приказу директора. Формулировка: производственная необходимость.

Разговор с директором шел по нарастающей.

— У тебя что, пожар случился?

— С чего ты взял! — рассмеялся тот. — Уж не приснилось ли?

— Может, землетрясение?

— Чего-чего?

— Тогда авария?

— Ну, шутник! — веселился директор. — Вроде сегодня не первое апреля.

Николай Терентьевич не принял его веселого тона.

— А раз не пожар, не авария, не стихийное бедствие, то как же ты можешь людей на нижеоплачиваемую работу переводить?

Директор сразу все понял. Шутливый тон как рукой сняло.

— Производственная необходимость. Имею полное право. Есть вопросы? — спросил жестко.

— Хоть вопросов и нет, а отвечать тебе все равно придется. Причем из собственного кармана. Производственная необходимость, уважаемый товарищ директор, возникает лишь в двух случаях: в результате аварии или стихийного бедствия. И только!

— Как?!..

— А так! Почитай новый кодекс законов о труде. И сегодня же отмени приказ, а то поставлю на исполкоме вопрос о нарушении законности.

Директор, не то сердясь, не то оправдываясь, что-то заговорил торопливо, но Струков слушал в полуха.

— Значит, ясно? — спросил в заключение. — Верни Карпова на машину. И разницу в зар-

ботке не забудь уплатить... Есть вопросы? — не удержался, чтобы не съехидничать.

Директор хмыкнул растерянно, положил трубку...

День завертелся обычной каруселью. Где-то прорвало водопровод. Продавец из книжного магазина жалуется на председателя рабочкоопы — машину привести книги не дает. Директор школы просит выступить перед старшеклассниками с рассказом об односельчанах — героях войны. Бригадир на строительстве нового жилого дома требует цемента, а завскладом не отпускает ни нужного количества, ни нужной марки...

Зеленое наступление

Как-то на семинаре в Бийске Николай Терентьевич познакомился с работой уличных комитетов заречной части города. Понравилось. Вернулся домой, собрал актив, рассказал. Решили создать такие уличные комитеты и у себя. И не просто создать — назначить председателей да печати заказать для пушей важности, — а сразу начать с большого дела.

Вот так и настал час зеленого наступления.

Посадить деревцо — дело нехитрое. Главное, сохранить его, дать ему возможность окрепнуть и вырасти. А врагов у молодого деревца много. Тут и хулиганишки, тут и коровы, и телята, и свиньи — бродячий скот.

Стала на повестку дня борьба с бродячим скотом. На этот раз пришлось ломать сопротивление не двух-трех хозяйственников. Струков замахнулся на стародавние традиции. По Соколову скот испокон веку бродил где попало и как попало.

Сажали и тополя, сажали и березки. Огораживали саженцы. Но, глядишь, то тут, то там снова деревце сломлено.

Четыре года подсаживали деревья! Упорство было проявлено обеими сторонами: и активистами озеленения, и нерадивыми хозяевами, пускавшими скотину побираться по селу. Борьба кончилась полным поражением сторонников «коровьей свободы». Совет принял постановление, предусматривающее строгие меры борьбы с бродячим скотом и его владельцами.

Как-то на сессии сельсовета Николай Терентьевич произнес такие слова:

— Будут еще у нас, на улицах Соколово, яблони цвести!

Депутаты улыбались. Кто радостно, словно уже видя мысленно цветущие деревца. Кто недоверчиво — дескать, погибает председатель! И, по правде говоря, последних было больше.

По пути домой Струков встретил Парфена Краснобаева, бойкого вьедливого старичка. Собственно, его настоящая фамилия была не Краснобаев, а Никитин. Краснобаев — это по

уличному. В старых алтайских селах многие семьи имели по две фамилии: Бушуевы — Грамотеевы, Долженковы — Касатиковы. Причем, Грамотеевых в селе знают все, от мала до велика, а спроси Бушуевых, начнут гадать и спорить, кто такие. Шло это еще от прадедов, когда бытовали не фамилии, а клички: Грамотей, Касатик, Краснобай. Прадедовы клички, почему-либо не став фамилиями, все же накрепко прилепились к потомкам.

— Песню знаешь, Коля? — Парфен Никитыч, ехидно улыбаясь, остановил председателя сельсовета.

Струков подобрался. С языкастым дедом Парфеном надо быть настороже.

— Какую песню?

— А вот такую. — И дед запел дребезжащим голоском: — «И на Марсе будут яблони цвести»... Знаешь?

— Слышал вроде, — осторожно ответил Николай Терентьевич, удивляясь тому, как быстро, однако, работает сарафанное радио. Дед Парфен уже знает о его выступлении в сельсовете!

— Так ведь то ж на Марсе. Про нашу Соколову, однако, в той песне ничего не поется!

Долго виделся Струкову язвительный прищур хитроватых маленьких глаз.

Не верил дед Парфен, не верили и многие другие. Уже завезли в село тоненькие хлыстики будущих яблонь, а они все насмешливо улыбались. Уже ямки стали копать, а они все твердили: «Пустое!»

По весне зацвели яблоньки бело-розовым цветом. Приумолк дед Парфен...

А затем взялись за цветы.

Как ни странно, у цветов в Соколово нашлось много противников, в том числе и среди депутатов сельсовета.

— Благоустройство — это да, — рассуждали они. — Благоустройство это для всех. А цветы — хочу посадку, хочу — нет! Личное дело.

— Нет, не личное! — горячо убеждал Николай Терентьевич. — Цветы, как и все красивое, облагораживают человека, делают его чище, добрее.

Не соглашались, спорили, стояли на своем. Кто-то пустил по селу ехидное словечко: «Блажь!» А еще кто-то, как говорится, «пожелавший остаться неизвестным», придумал и того хлеще: «Показуха!»

А сельчане слушают споры, сельчане колеблются, сельчане выжидают...

И вот тогда-то проявила характер Клавдия Афанасьевна Дурыманова. Человек кипучей неиссякаемой энергии, она тридцать лет проработала в Соколовской участковой больнице, из них двадцать пять заведующей. Во время войны сама пахала на коровах, чтобы посеять просо и хотя бы немного улучшить питание больных. Сама стирала и крахмалила простыни, топила печь, белила стены и потолки...

За цветы она взялась с особой охотой. И не только потому, что сама была их любительницей. Дурыманова считала, что разведение цветов в селе, помимо прочего, даст еще и чисто медицинский эффект. Ведь для того, чтобы посадить во дворе цветы, надо сначала убрать всю грязь, хлам, мусор, сделать грядки, клумбы. Во дворе будет чище, а, следовательно, и меньше возможностей для распространения всякой заразы.

Клавдия Афанасьевна начала со своей собственной усадьбы. В несколько дней навела там образцовый порядок. Одновременно под ее руководством шли работы и по озеленению территории больницы. Здесь, во дворе, где прогуливались больные, разбили великолепный цветник.

— Теперь могу и с других спросить, — сказала Клавдия Афанасьевна и пошла «кочегарить»...

Именно у нее и родилась однажды мысль устроить выставку цветов. Увидят люди своими глазами, какая красота, и загорятся.

Во главе с Клавдией Афанасьевной сельские энтузиасты цветочного дела Варвара Фадеевна Петрова, Мария Порфирьевна Матузова, Надежда Иосифовна Ермолаева взялись за подготовку выставки. Развесили объявления: «В воскресенье в одиннадцать часов в парке конкурс букетов». Написали приветственный транспарант, создали жюри из авторитетных людей — определять места. Сами натаскали с разных концов села столы под вазы с букетами.

Получился конфуз. Столов заготовили двенадцать, а букетов на конкурс поступило... пять. Да и то все от организаторов выставки. Правда, букеты замечательные. Один другого краше!

Струков поначалу ходил мрачнее тучи. Попадись ему сейчас анонимный автор этой злобной «показухи»!.. А потом обратил внимание, что хоть букетов и мало, но народ-то все идет и идет. Варвару Фадеевну обступили, Надежду Иосифовну. Расспрашивают: где брать семена, как сажать, чем удобрять...

Выходит, понравилось! Выходит, заинтересовались! Выходит, дала выставка пользу!

На следующий год астры и флоксы расцвели чуть ли не в каждом дворе. На некоторых улицах появились общественные клумбы и газоны. Снова решили провести выставку. И еще вечером в парке — бал цветов. Вход не по билетам — по букетам.

Успех был полный. На этот раз рядом с букетами активистов появились не менее пышные букеты новичков. Словами передать это нельзя. Это как музыка. Только музыку надо услышать, а букет увидеть.

С тех пор выставки цветов и цветочные балы сделались в Соколово традицией. К ним начинают готовиться загодя, обдумывая сочетания цветов. И двенадцати столов давно не хватает.

По решению Совета построили большую теплицу — специально для разведения благородных цветочных сортов. На смену астрам, флоксам, «золотому шару» идут гладиолусы, гвоздики, розы. В иных селах еще никак не соберутся перекинуть мостки через весенние лужи, а в Соколово днем с огнем ищут художника-оформителя и мастера-цветовода.

Конфликт

Вскоре по предложению Струкова, горячо поддержанному в крайком партии, село Соколово было переименовано в поселок. Еще с большей напористостью взялся Николай Терентьевич за благоустройство, однако по-прежнему то там, то здесь наталкивался на глухое, иногда необъяснимое противодействие некоторых хозяйственников. Да и жители далеко не сразу шли навстречу. Пока новые веяния касались улиц, дорог, тротуаров, — это, за редким исключением, приветствовали все. Но как только перемены стали затрагивать частные дома и дворы, началось сопротивление. «Мой дом! Я тут хозяин! Никто мне не указ!» А в частном дворе грязи невпроворот, и течет эта грязь на ту же улицу.

Словом, опять появились недовольные, пошли жалобы, письма во всякие инстанции.

А тем временем надвигалась на Струкова беда. Настоящая беда, иначе и не назовешь.

Приближались очередные выборы в местные Советы. У Струкова работы было по горло, он допоздна засиживался у себя в Совете.

И вот однажды поздно вечером распахивается дверь его кабинета. Входят директор совхоза, главный инженер спиртзавода — он за директора тогда оставался, лесничий, директор быткомбината... Все местное начальство.

Расселись. Директор совхоза, видать, как уполномоченный от всех, а, может, и как инициатор, начинает речь:

— Вот пришли мы с тобой говорить, Николай Терентьевич.

— Целой делегацией?

— Именно делегацией! — не принял его шутиwego тона директор.

— Так, слушаю, — подобрался Николай Терентьевич. — Какие претензии?

— Здорово ты жмешь на нас! И то тебе давай, и это. Критикуешь принародно, авторитет подрываешь. Кончай с этим делом, слышишь?

Струков занервничал, но сдержал себя.

— Так я ведь не себе беру.

— Это мы знаем.

— А если знаете, то зачем этот ночной приход с ультиматумом? Решили меня переделать? Ничего не выйдет.

— Словами бросаться не советую. Ты лучше подумай, обмозгуй хорошенько.

— А что тут думать? По-другому я не могу, не хочу и не буду.

— Даешь, Терентьич! — засмеялся директор совхоза. — Его послушаешь, — обратился он к остальным, — не сельсоветиком с пятачок, а в Москве совмином ворочает!

— Что верно, то верно, Иван Николаевич. — Струков по-прежнему хранил внешнее спокойствие, хотя внутри у него все кипело: ведь надо же что надумали, с угрозами к нему пришли! — Совет у нас маленький, меньше некуда. Но ведь Советская власть одинаково большая, что у нас, что в Москве.

Наступило долгое молчание. Потом директор встал. Бросил резко:

— Коли ты в такую плоскость разговор переводишь, нечего тогда нам здесь больше делать.

— Что ж, если кому-то кажется, что я неправ, давайте тогда поговорим на бюро райкома партии.

— Так уж сразу и на бюро! У нас самих силенок хватит... Ну, бывай, товарищ Струков! Попрошались, вышли чинно.

Все вроде бы этим и кончилось, и Струков в сутолоке дел больше не вспоминал о странном визите.

А на сессии вновь избранного Совета, когда, как водится, представитель райкома партии снова выдвинул Николая Терентьевича Струкова кандидатом на должность председателя поселкового Совета, поспешно поднялся лесничий.

— А я предлагаю такого-то...

Его поспешно поддержал директор совхоза, быткомбинатовец, еще кое-кто.

И тут только сообразил Николай Терентьевич, что это сговор. Самый настоящий сговор за его спиной!..

Домой Струков вернулся сам не свой.

— Что с тобой? — встревожилась Мария Александровна.

— Не избрали.

— Быть не может! — поразилась она.

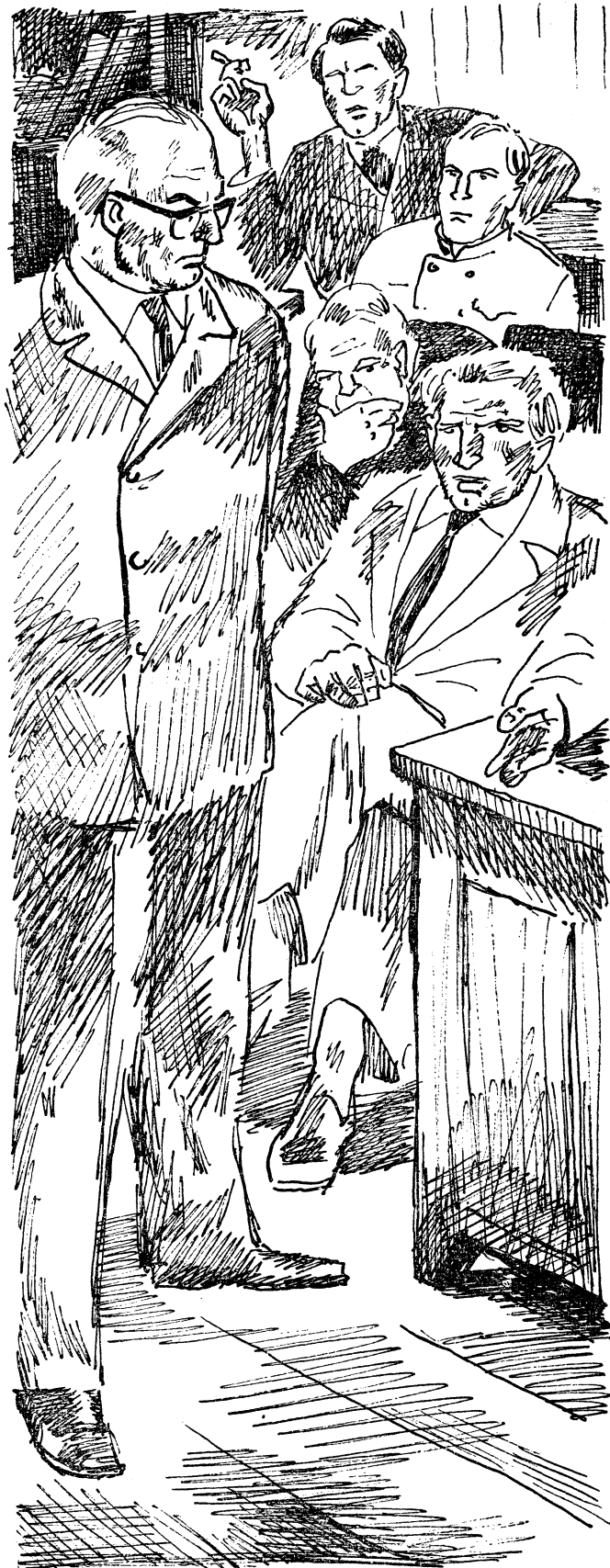
Мария Александровна ведь видела, что человек всего себя отдает делу.

Струкова «прокатили» большинством в два голоса. Решающую роль при этом сыграли депутаты из другого села — Комарово, административно подчиненного Соколово. Сколько ни доказывали выступавшие в защиту своего кандидата рабочие, учителя, врачи, что лучше, чем Струков, не найти председателя, «заговорщики» уперлись по-бычьи и слушать ничего не желали.

Последующие месяцы были, как говорит сам Николай Терентьевич, самыми черными в его жизни. Чернее, чем после ранения. Чернее, чем полные безнадежности первые месяцы после возвращения из госпиталя.

Утешал, правда, секретарь райкома партии:

— Прошляпили мы, — говорил он Струко-

ву. — Ты уж не таи обиды. Мы тебя знаем и любим. Уверен: все станет на свои места. Группировочку эту мы быстро приведем в божеский вид. А пока поработай директором быткомбината — старого мы снимем, уже давно решено. Там и зарплата побольше, и работы поменьше. Отдохнешь немного.

А что Струкову зарплата побольше! Разве он из-за высокой зарплаты с завода в сельсовет уходил?

Снова на боевом посту

Время тянулось бесконечным серым полотном. Все, что надо было, Струков делал. Но душа лежала совсем не к быткомбинатовским проблемам. И с горечью, с болью видел, что дело его жизни потихоньку начинает хиреть. Там клумбу затоптали. Тут доска в тротуаре переломилась и никто заменить не торопится...

Как-то забежал к нему в быткомбинат — будто случайно! — управляющий отделением совхоза. То да се, тары-бары. И вдруг:

— Николай Терентьевич, вернись-ка ты, слушай, в Совет. Новый-то не волокет!

И тут Струков врезал ему, прямо и откровенно, как он всегда поступал, когда имел дело с двуличными людьми:

— Ты же с ними заодно был, думаешь, я не знаю? Людей своих против меня настраивал, все как по нотам разыграл, и вот иди теперь и передай тем, кто тебя послал: в душу вы мне наплевали. Университет кончу — уеду отсюда. Не хочу вместе с вами жить и работать.

К тому времени Струков заканчивал уже четвертый курс университета.

Вскоре после неудачного визита управляющего заявился к нему сам директор совхоза. С повинной.

— Ты уж извини нас. Дураков послушали. Иди, пожалуйста, обратно. Просим!

Стали в райисполкоме уговаривать, и в райкоме партии. Николай Терентьевич заколебался, задумался.

А тут опять сессия. И опять выборы. Те, кто Струкова в прошлый раз хаяли, сами теперь выдвинули его кандидатуру.

Выбрали единогласно. Под бурные аплодисменты.

В следующем году рабочий поселок Соколово впервые стал победителем в краевом соревновании по благоустройству сел. А немного позднее получили премию — поливомоечную машину. Распорядились ею по-хозяйски. Поливомойку демонтировали и установили на стареньком тракторе «Беларусь». И стал отслуживший свой срок трактор опять работать на пользу людям: насыпанный к тому времени гравий на

улицах поливать, чтобы пыли было поменьше. На освободившийся же ЗИЛ-130 установили кузов. Превратилась машина в грузовую. В поселковом Совете появилась — шутка сказать! — своя собственная техника...

Деревянный тротуар доказал свою пользу. Куда лучше по доскам ходить, чем по грязи шлепать — это каждому ясно. Но появилось, однако, и свое «но». Доски часто ломаются, то и дело заменять надо. К тому же не очень-то красивы деревянные тротуары. Как временный выход они вполне приемлемы, во многих селах и сейчас их бы приняли с радостью. Но когда рядом с неоструганными и нетесанными плахами стали все в большем количестве появляться декоративные кустарники, клумбы, газоны с яркими цветами, Струков и его боевые соратники поняли: деревянные тротуары свою роль сыграли. Надо их заменять.

Надо! Но чем?

На помощь пришел случай.

Между прочим, случай, как правило, приходит на помощь тем, кто ищет, кто очень хочет найти решение. Тех же, кто бездеятелен, случай почему-то всегда обходит стороной.

Потребовалось для парка десять бетонных скамеечных ножек. Николай Терентьевич, зная, что в Бийском тресте озеленения такие ножки изготовляют, обратился в горисполком. Там не отказали, выписали этот фигурный бетон. Но дали деликатно понять, что с великим, можно сказать, трудом отрывают от самих себя, чтобы уважить сельского соседа.

Бери, мол, но чтобы в последний раз!

Обрадованный Струков помчался с разрешением прямо в трест озеленения. Посмотрел, а там, оказывается, не только ножки для скамеек делают, но еще и цементные тротуарные плиты. Причем, технология совсем не сложная. Нужно только формы иметь, а дальше любой справится, кто хоть раз в жизни с цементом дело имел.

Походил Струков, вник в суть, потом предложил мастерам:

— Приезжайте, хлопцы, в Соколово на суботу и воскресенье. Сделайте нам формы для ножек и плиток.

— А как насчет того самого?

— Уж как-нибудь не обидим. Дорогими гостями будете.

Не обманули мастера. Приехали.

Так появились в Соколово формы для отливки тротуарных плит. И плиты пришли на смену деревянным мосткам. Так появился в Соколово свой крохотный КЖБИ — комбинат железобетонных изделий, где по трудовому соглашению стали работать несколько старичков-пенсионеров.

Тротуарные или, как они замысловато именуются в реестрах, отстлочные плиты пошли конвейером. Каждая плита размером пятьдесят сантиметров на пятьдесят. Четыре таких пли-

ты — и готов квадратный метр тротуарного полотна. В год восемь тысяч штук плит. Два километра тротуара высшего качества.

Часть необходимого цемента все тем же испытанным способом «выжимания зубной пасты» Струков добыл у хозяйственных организаций поселка. Часть достал, где только возможно было. Тут тонну перехватит, там полтонны, центнер — никакой мелочью не гнушался. А расходы свои на цемент и изготовление плиток поселковый Совет возмещал так. Ведется тротуар мимо рабкоопа — с рабкоопа берут деньги за работу и материал. Мимо завода ведут — то же самое. И хозяйственники довольны: кто-то за них благоустройство делает, не жизнь настала, а малина! И Николай Терентьевич тоже доволен: поселковый Совет получает новые оборотные средства для благоустройства.

А что касается ножек для скамеек, то ими не только весь поселок насытили — кое-кого в Бийске стали снабжать.

В Соколово, которое было едва ли не самым грязным селом в крае, совершенно не стало грязи. Девчата, на зависть своим сверстницам из всей округи, весной и осенью, в самую распутицу, ходят в клуб на танцы в лаковых туфельках.

Соколовцы вместе с жителями другого алтайского села Подсосново выступили инициаторами краевого соревнования за лучшее благоустройство на селе.

Но как говорится, грохнуть в барабан каждый сумеет. А что дальше?

А дальше было вот что. Рабочий поселок Соколово неоднократно выходил победителем в этом соревновании. Премии в виде автомашин — грузовых и легковых, грамоты, почетные дипломы, юбилейная почетная грамота Президиума Верховного Совета к 50-летию Советской власти... А сам Николай Терентьевич Струков удостоился высшей награды нашего государства — ордена Ленина.

Самое большое счастье

Приглашаю теперь читателей на небольшую прогулку по Соколово.

Вот парк, гордость каждого сельчанина. И верно, есть чем гордиться! Густолистые тополя расстилают прохладную тень в самые жаркие дни. Даже не верится, что эти рослые красавицы и есть те самые хиленькие черенки, посаженные на вспаханном поле некоторое время назад.

Широкая аллея ведет к центру парка. Там фонтан, украшенный скульптурными фигурами. В стороне, среди деревьев, другой фонтан — каскадный, выполненный приглашенными из Новосибирска ваятелями. Не в каждом городе такое увидишь!

Парк, как и улицы Соколово, освещается по вечерам яркими светильниками городского типа; их число в поселке приближается к двумстам.

Выйдем из парка на улицу, к клубу. Здесь оживление — торговый центр.

В поселке уже несколько лет ведется плановое асфальтирование улиц. Покончено не только с грязью, настали последние дни и для пыли.

Море зелени: у каждого дома деревья, кустарники, цветники. Кажется, вот сейчас впереди мелькнет синий лоскуток моря. Такое впечатление, будто находишься не в Сибири, а где-нибудь на юге, в дачном поселке. Дома покрашены в яркие, радующие глаз цвета; у каждой улицы — свои краски.

Хороший поселок! Зеленый и приветливый. Но поговорите с Николаем Терентьевичем, послушайте его выступление на очередной сессии поссовета. Он недоволен, он озабочен. Все напирает на нерешенные проблемы. Вот строительство Дворца культуры задерживается — надо нажать на соответствующие организации. Окраины поселка по благоустройству отстают от центра. В переулках тоже газоны надо создавать, не только на улицах.

Пора уже думать о коттеджной застройке поселка, а проекта доброго все нет и нет. Николаю Терентьевичу такие коттеджи видятся двухэтажными, на двух хозяев, каждая квартира на двух уровнях. И дешевле, и земли меньше пойдет под застройку. Разумеется, горячая вода, ванна, канализация, центральное отопление...

Не так давно Николая Терентьевича вызывали в высокие краевые инстанции. Предложили ему работу председателем горисполкома в одном из городов Алтая.

Он отказался. Товарищи, разговаривавшие с ним, удивились:

— Но почему, Николай Терентьевич. Вы выросли, опыт обрели большой, юридическое образование получили. Город вам вполне по плечу.

— Спасибо за ваше предложение, но никуда я из моего Соколово не уеду, — ответил Струков. — Дел хватит, да и людям нужен...

Да, Николай Терентьевич Струков очень нужен всем, и в Соколово, и далеко за его пределами. В двадцать лет, когда трудовая и общественная биография, по существу, только начинается, с человеком случилась беда. Страшная, непоправимая. Но Николай Терентьевич смог найти для себя место в общем строю и стать нужным людям.

Нужным? Нет, не просто нужным — необходимым. Если хотите, даже незаменимым, хотя и принято говорить, что незаменимых нет.

Белозорье

Элида
ДУБРОВИНА

Рисунок
В. Меринова

Уходит пехота

Ты в марше, в походе... Я слышу — уходит пехота,
В прибое пурги за шинелью мелькает шинель.
Разрознены судьбы, навязаны марши и доты,
Голодные псы на руинах скулят в тишине.
Страшна тишина пепелищ и безмолвны распытья,
Устали ребята — шагают и спят на ходу.
От школьного вальса, от девушек в свадебных платьях —
Все дальше и дальше — на взрослую, злую страду.

Я руки с мольбою тяну в те далекие годы,
Хочу поддержать твой усталый, размеренный шаг,
Но в небе ракета — и строятся, строятся взводы,
И пушки вступают, и роты в атаку спешат...
Горящие кручи, лесные Карпатские горы...
Сердца и надежды, и жизнь разрывает фугас...
И голос любимый ко мне долетает сквозь годы:
«О, если погибнем, не плачьте, не плачьте о нас!»

И танки скрежещут, и свист нарастающий минный...
Кому-то упасть — и кому-то стареть без любви!
Услышь из грядущего голос: «О, милый мой, милый!
Я близко, я рядом... Молю, заклинаю — живи!»
И слышу ответ: «Будет жизнь и полнее, и краше,
Но если минуют нас вражеский штык и свинец,
Всю жизнь вспоминать нам прекрасную молодость нашу,
Святую отвагу горячих и честных сердец!»

Пусть скорбят нас годы и сделают беды седыми,
Пусть счастье не каждому выпадет в трудной судьбе,
Но будут завидовать нам сыновья молодые,
И мы позавидуем, может быть, сами себе!»

Голубая страна незабудок,
Приозерных осок забытье,
Вот оно, мое светлое чудо,
Вот оно, Белозорье мое!

Белозорье — с льяными разливами,
С медуницей в низинке лесной...
Машут елки зелеными гривами,
Травы стелются длинной волной.

Я аукну — вдали отзовется,
Встрепенутся навстречу леса,
Я ладонью прикрою глаза,
И от счастья дыханье прервется.

А над вечерней равниной — гаснущее поднебесье,
Первой звезды мерцанье, перепелиная мгла...
И зарождается тайна, и приближается песня —
Песня Хлебного Поля и наливного тепла.
Как я люблю эту песню, сладкую эту усталость,
Шорохи спелых колосов, тяжкую дрему земли!
Сколько веков промчалось — но неизбывным осталось:
Хлебное поле в тумане с первой звездой вдали.

О любви, о соловье и розе
И в стихах, и в самой нежной прозе
Я б хотела, как Саят-Нова,
Говорить красивые слова.
Но когда я пробую в тревоге
Легкий строй газели — о тебе! —
Вдруг виденье: мальчик босоногий
В северной нетопленной избе.
Вдруг виденье: лес и амбразура,
И снега безвинной чистоты,
И еще — во мху багряно-бурым
Крохотные белые цветы.
Тонкий лед ручья, подснежник синий,
Ставенка в затейливой резьбе...
Тяжкий шаг солдат... Дожди России...
Все о ней. И, значит, о тебе!

Ночь на родине

Стихли гармонь в поселке,
Ночь — молоко на губах...
Выгнули шеи метелки,
Слушают сны на лугах.

В тrefах серебряный
клевер
Лунно горит в полосе.
Синей стрелою на север
Вдаль улетает шоссе.

Спит резеда полевая,
Нежен кузнечиков звон...
Словно плита, остывшая,
Пятки шершавит гудрон.

В копнах лоскочутся мыши,
Сутемь толчет мошकारа.
Этой безвинною тишью
Буду дышать до утра.

Вижу: узором павлиньим
Замерли тени полян.
Ели в кокошниках синих
Ткут под звездой туман.

Пусть и болит о любимом
Сердце в далеком пути —
Этим простором родимым
Так бы идти и идти!

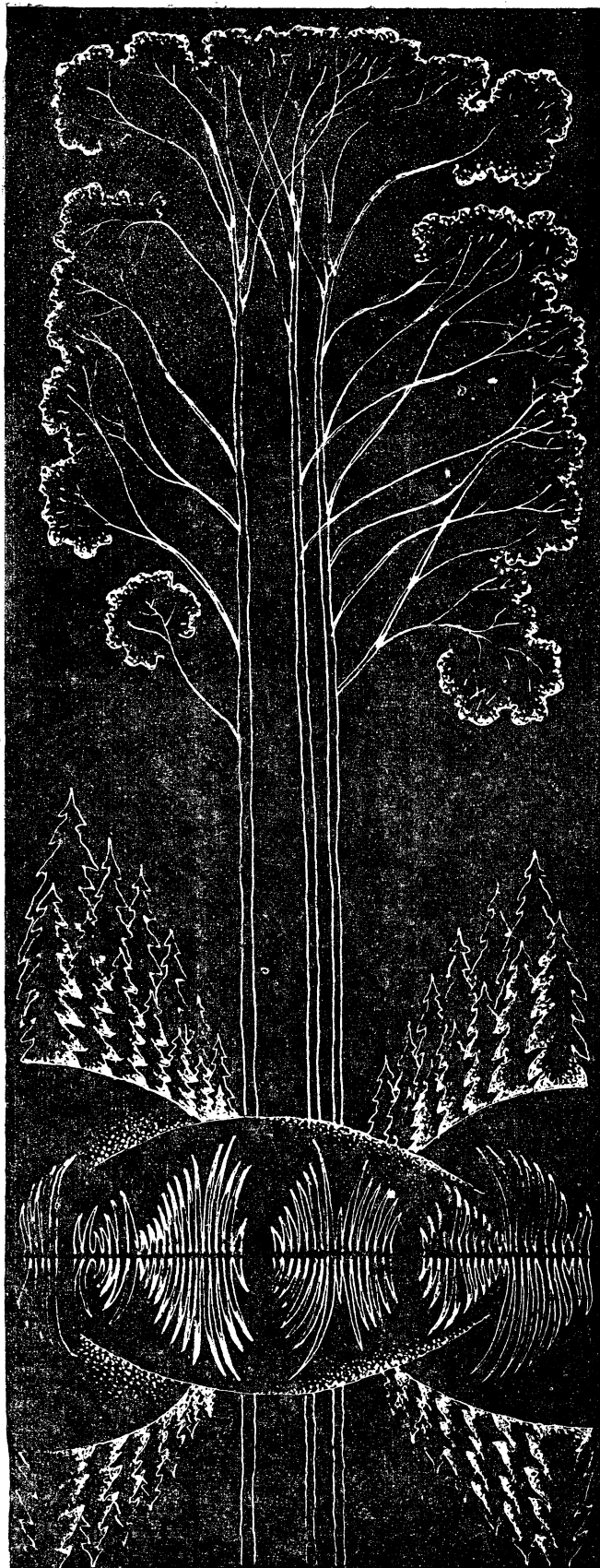
Дали светлы и прохладны,
Как ключевая вода...
Именем тайным, отрядным
Хочет назваться звезда.

Иванушка

Как хорошо, когда смеются дети!
Бежит малыш — и падает в песок...
Кем вырастешь?
Дожить бы, поглядеть бы,
Иванушка, зеленый колосок!

Будь солнцем, если сможешь,
Будь волною,
Будь знаменем — веди за правду раты!

...Над этой головенкою льняною
Мы ничего не смеем забывать!

ЛЕТЕТЬ К СОЛНЦУ

**Замира
ТАНИНА**

*Фото
В. Безродного*

— Мой проект не использует формулы Эйнштейна « $E=mc^2$ », он основан на простейшем — дейтериево-тритиевой смеси...

Подобные заявления всегда настораживают. Покушение на авторитеты — нередко следствие неосведомленности. Слушатели, а их в Большой химической аудитории Новосибирского Государственного университета около двухсот, — само внимание: чувствуется, самоуверенность будет наказана, ну а доказательная смелость мысли конечно получит поддержку.

Но автор проекта, ничуть не смущенный настороженностью, продолжает:

— Как известно, при термоядерном взрыве происходит выделение большого количества гамма-квантов, нейтронов, электронов и других частиц, а также радио- и теплового излучения. Вот это и используется в принципе работы плазменно-фотонного двигателя.

На огромной доске, увенчанной девизом «Чудаки, украшают мир», рукой задиристого проектанта создается сложная схема. «Хранилище для термоядерного горючего», «центробежные топливные насосы», «обмотка» магнитной бутылки... Докладчик уверенно продолжает:

— Дейтерий и тритий в жидком состоянии поступают в испарители, затем через смеситель — в термоядерный реактор, где с помощью электронных пучков, полученных в ускорителях, разогреваются до состояния плазмы...

Термины утомляют, кажется, одних журналистов — слушатели же ловят каждое слово объяснения, делая пометки в блокнотах. Настороженность давно уже сменил деловой интерес — аудитория специальная, ей знакомы такие понятия, как «реактивная тяга», «охлаждение отражателя», «многослойные диэлектрики», «электромагнитный удар».

Доклад, между тем, подходит к концу:

— Предварительный разгон ракеты с таким двигателем осуществим с помощью небольших атомных двигателей. Энергию вся система будет получать от мощной атомной станции.

Чуть склонив голову, шмыгая носом (докладчик простужен), вытирая руки, запачканные мелом, автор проекта ждет вопросов. Они и не заставляют себя ждать.

— Почему при термоядерном взрыве плазма не сможет проникнуть в ускоритель?

— Этому помешает магнитный мотор.

— Размеры всей установки?

— Размеры, конечно, большие: вся ракета — два километра, длина испарителя — 500 метров, диаметр — двести, на реактор — примерно пятьсот метров...

— Общий вес топлива?

— Будет доходить до 50 000 тонн.

— Сколько нужно времени, чтобы создать такую машину?

— 36 лет.

— Можно ли ракету построить на Земле и запустить с Земли?

— Нет. Ведь если такой корабль будет стартовать с Земли, земная кора расплавится, произойдет катастрофа. Сборка корабля должна осуществляться на орбите, при этом отражатель должен быть повернут в сторону от Земли, а корабль — идти по касательной. Материалы для строительства станут доставляться на орбитальную площадку с помощью небольших транспортных ракет.

— Обычно, предлагая проект, рассчитывают и стоимость его реализации. Во сколько обойдется ваш корабль?

— Если по нынешним ценам, то на него пришлось бы потратить миллиарды и миллиарды рублей. Но корабль будет строиться в 21 веке, и, по-видимому, не только из земных материалов. Есть, например, астероиды из чистых металлов. Почему бы нам их не использовать?

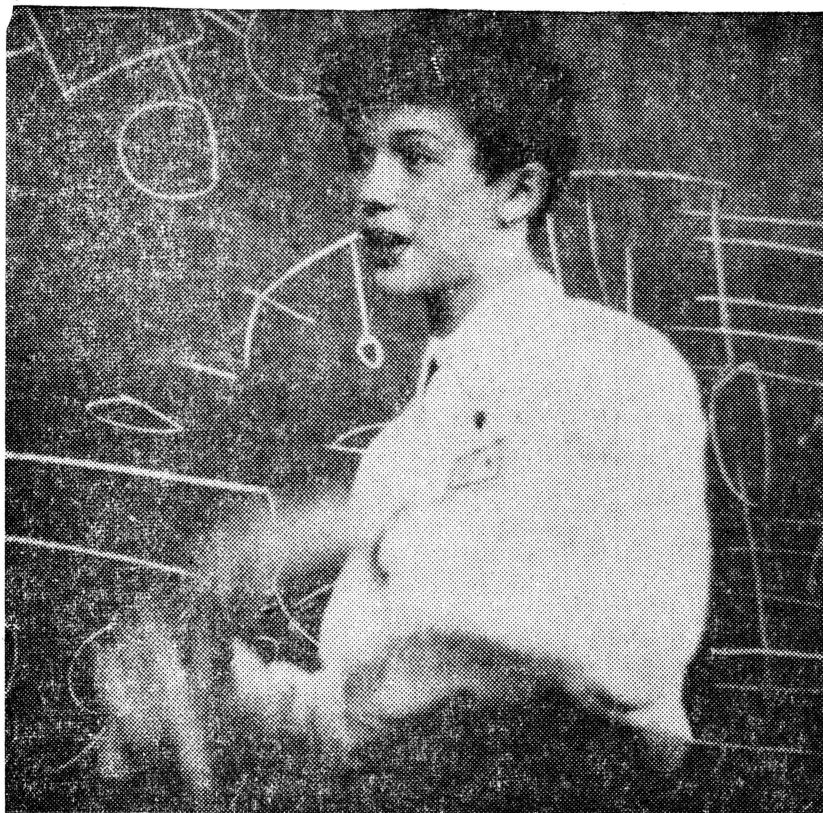
— Значит, нужно ждать, когда все подешевеет?

— Не только. Мой звездолет рассчитан на сознательных и очень образованных людей. Стоит его запустить с некоторыми отклонениями, и Земля может погибнуть.

— Вы не боитесь столкновения с частицами? При таких размерах корабля эта опасность резко возрастает.

— Я думаю, можно осуществить защиту от столкновения с космиче-

Защищается Андрей Соловьев

скими частицами. Ведь мы еще полностью не разгадали их природу. Может быть, это просто замороженная вода, которая летает в космическом пространстве. Тогда нужно будет поставить на носу корабля два генератора, и они будут расплавлять «встречную» воду. Если же это все-таки не вода, то размеры космических частиц так малы, что их можно будет отгонять от корабля с помощью мощных прожекторов.

— Что же, собственно, фантастического в вашем проекте?

— Только отражатель. Остальное уже известно: плазму мы умеем получать, электронные пучки научились разгонять, термоядерный взрыв осуществляем, а вот делать отражатели с большим коэффициентом отражения мы пока не можем.

— Для чего предназначен этот космический гигант?

— Для полетов на планеты Солнечной системы...

Этот репортаж посвящен традиционной защите фантастических проектов, которая проходит раз в год в Новосибирском Академгородке. Впервые ученые Новосибирска провели Всесибирскую физико-математическую олимпиаду школьников в 1962 году. Олимпиада состояла (и состоит!) из трех туров: заочного, очного и летней школы,

куда приглашаются победители конкурса школьных «Ломоносовых» и «Ньютонов».

И если задачи первого тура олимпиады 1962 года решало полторы тысячи школьников, то уже в следующем, 1963 году их было около четырех тысяч. Сейчас в олимпиадах ежегодно участвует несколько тысяч ребят, и победители всех трех туров становятся учениками физико-математической школы Академгородка. Ребята со всех концов Сибири, Дальнего Востока, Урала, Средней Азии, Крайнего Севера нашей страны.

Однако пора, пожалуй, вернуться в Большую химическую аудиторию Университета и представить автора проекта плазменно-фотонного двигателя.

Его зовут Андрей, фамилия — Соловьев, ему четырнадцать лет, он — бывший житель города Райчихинска Амурской области. «Бывший» потому, что теперь Андрей — ученик восьмого класса ФМШ.

Как Андрей оказался в Новосибирске?

На городской олимпиаде по физике он занял первое место, по математике — третье, на областной — наоборот: по математике — первое, по физике — третье. Сам Андрей назвал оба этих события «олим-

пиадным парадоксом». Еще он увлекается радиотехникой, а в физико-математической школе намерен всерьез заняться физикой и химией.

Свои удачи в олимпиадах и на контрольных Андрей объясняет тем, что у него... есть счастливый талисман.

— У моей сестры, — говорит он без улыбки, — талисман — стершийся пятак, а у меня — пробирка, обыкновенная химическая пробирка, с которой я не расстаюсь. Как только начал с собой ее брать, так и пошла удача.

Но в глазах — веселые искорки: шутит. А когда его настойчиво спрашивают, что же именно помогает ему так успешно заниматься сразу несколькими «науками», отвечает:

— Я многим обязан своему школьному учителю по физике Андрею Марковичу Петренко. А еще... самоподготовке. Книгам, книгам...

Авторитетное жюри (в его составе — сотрудники академических институтов, нередко — и академики) признало проект Андрея Соловьева «лучшим, технически вполне реальным, но недостаточно фантастическим и экономически необоснованным». Андрей занял второе место (первого строгие судьи не присудили никому). И поделил с ним это место восьмиклассник из Ташкента Дима Мадгазин.

Проект Димы под названием «Космический зонд» тоже достоин особого рассказа.

20 апреля 1974 года Дима прочел в «Правде» сообщение о том, что три голландских астронома обнаружили некий радиоизлучающий объект, находящийся от Земли на расстоянии 18 миллиардов километров и удаляющийся от нее со скоростью 30 тысяч километров в секунду.

Больше об этом ничего неизвестно, и вся гипотеза строится на этих скудных сведениях.

А гипотеза заключается в том, что неизвестным объектом был космический зонд другой цивилизации, возвращавшийся домой после космической разведки.

Дима доказал гипотезу столбиками цифр, уравнениями и формулами, ссылаясь на последние научные публикации.

— В подтверждение моей гипотезы могу сослаться еще на два факта. Это радиоэхо Штернера, голландского астронома, которое нельзя объяснить ничем, кроме появления около пятидесяти лет назад космического зонда. А о втором сообщалось совсем недавно в научной литературе: группа советских астрофизиков обнаружила какое-то космическое тело в пределах Солнечной системы, и было замечено, что радиоизлучения этого тела

носят искусственный характер, так как радиосигналы имели прямоугоньную форму...

Дима верит в то, что ему придется устанавливать контакты с представителями других цивилизаций. Он — математик, чувствует в математике «внутреннюю красоту, стройность», как говорил об этой науке академик Сергей Львович Соболев перед учениками первой летней ФМШ тринадцать с лишним лет назад.

Путь Мадгазина в Академгородок традиционен. Дима — победитель республиканской олимпиады, участник Всесоюзной — получил там Отзвй первой степени.

Но вот отказ Мадгазина от учебы в ФМШ, пожалуй, уникален.

— Школу буду кончать в Ташкенте. У меня мечта — Институт космических исследований. Учиться хочу в Москве, в физико-техническом институте, где сейчас есть факультет космических исследований. Мне кажется, я в Ташкенте смогу получить больше: у меня очень хорошая библиотека и... хорошие друзья, которых я не могу оставить.

— Но ведь ты мог бы учиться в крупном научном центре. Неужели не понравился Новосибирск?

— Нет, мне здесь все понравилось. Я впервые близко познакомился с передовой наукой и техникой. До сих пор знал о ней только по книгам и журналам, а в Академгородке впервые увидел и услышал знаменитых ученых, посмотрел на большие установки. Но... — упрямо повторяет Дима, — здесь нет интересующего меня направления. Я определил себе дорогу и должен идти по ней не сворачивая.

...После таких слов только и остается, что пожелать счастливого пути. По избранной дороге. И Андриюше, и Диме, и сотням тысяч ребят, думающим, мечтающим, готовящим себя к реализации самых фантастических проектов.

А чудачки и в самом деле украшают мир.

СТАРТЫ В МИКРОКОСМ

Юрий
ЛИПАТНИКОВ

«...все чаще в среде ученых, в том числе советских ученых, раздаются голоса, что уже в самое ближайшее время лидером естествознания должна стать биология, а именно молекулярная биология...»

Международный ежегодник «Будущее науки».

Наш разговор — об одном событии в молекулярной биологии. Но начнем с космоса... Вначале не о молекулах, а о звездах. Так привычнее. С древности космические мотивы волновали умы и философов, и пахарей. Поэты и ученые всех веков обращали свои взоры к звездному небу, улета я на крыльях воображения в беспредельные просторы Вселенной. Ныне, когда освоение космоса стало практическим делом, о космонавтах и загадочных планетах и того больше поют песни, слагают поэмы, пишут музыку. Но дружно молчат музы о микрокосме. О живой клетке, о молекуле, о генах. Неэстетичный мир... Хотя Спенсер однажды заметил: «...неправда, чтобы истины науки были лишены поэзии... Напротив, наука раскрывает перед нами целый мир поэзии...» Долго или всегда искусство будет игнорировать трепетный микромир, не станем искать исчерпывающего ответа на этот вопрос, отметим лишь, что все чаще обложки журналов и книг, и стены научных лабораторий украшают необычной красоты снимки, оттуда, из глубины вещества. Чудными сочетаниями цветов, невиданными формами богаты эти сверхмалые просторы клеток, заглянуть в которые можно лишь через электронный микроскоп.

Мы живем в космосе, в самом объекте наших исследований. А другой объект нашего пристального внимания живет в нас самих — это клетки. В них зафиксированы все

наследственные признаки каждого человека. И строение тела, и цвет глаз, и даже склонности к тому или иному типу поведения. Надо проникнуть в гены, чтобы познать самих себя, чтобы исполнилась мечта десятков поколений. Это кредо современной биологии, и она — перед решительным штурмом микрокосма. Не станем перечислять новейшие идеи науки о живом. Наш рассказ не о теории. О технике биологии. Но еще раз обратимся к космонавтике. На Луну летают люди и автоматы, чтобы взять кусочки Селены для анализа. Автоматические устройства достигли Марса и Венеры, чтобы узнать о происходящем на этих планетах. Ракеты и орбитальные станции — венец творческих деяний землян.

Сенсацией в науке становится и создание любого прибора, позволяющего проникнуть в малые объемы пространства. Потому что сконструировать такой прибор крайне непросто. Ибо все крохотное погибает от одного прикосновения. Мембраны клеток в сотни раз тоньше стенки мыльного пузыря. Задень их неосторожно — и сложный эксперимент лопнет, как тот же мыльный пузырь... Словом, молекула — не Луна, от нее ничего не отколешь геологическим молотком... Даже от воздействия света гибнут в эксперименте некоторые препараты. Материя «ускользает» из рук исследователей...

Вот бы биологам иметь прибо-

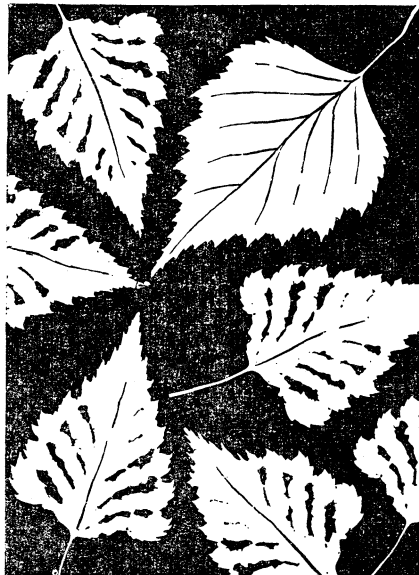
ры, какими вооружаются астрономы, исследуя вещество вширь, преодолевая взглядом невообразимые пространства. Недавно в нашей стране установлен самый мощный телескоп планеты. Диаметр его зеркала — шесть метров. Оно ловит свет свечи, зажженной на расстоянии 25 тысяч километров! Есть невероятной чувствительности прибор и у биологов. Его сконструировали в Институте органической химии Сибирского отделения АН СССР. Он измеряет в тысячу раз меньшие количества растворов, чем это делается обычными методами. И скорость анализа удешевилась. Подобного прибора нет на мировом рынке. Он нужен для научных, лабораторных и медицинских исследований, во всех случаях, когда изучаемые материалы труднодоступны. Словно телескоп, что видит мизерное пламя свечи за тысячи километров, микроспектрофотометр новосибирцев измеряет такие малые количества живого вещества, что и представить их невозможно — миллиардные доли грамма, наногаммы. Для радиоизотопного же метода, каким повсюду пользуются, нужны доли миллиграмма. Насколько же зорче новый прибор! А разовые замеры поглощения света удается проводить на нем с сотыми долями наногамма. Астрономические цифры, обращенные не в ширь, а в глубину вещества!

Природу человек познал лучше, чем самого себя. Потому для ускоренного прогресса биологии так дорог этот прибор. Вот пример. Нуклеиновые кислоты разделяют на ультрацентрифугах. Сутками крутятся в дорогой машине лишь несколько пробирок. Теперь за один запуск можно провести полтора эксперимента, поместив в центрифугу пятьдесят капилляров, пятьдесят проб. И анализ — автоматизируется. Его результаты записываются на диаграммную бумагу. Эта информация вводится затем в компьютер. Так бегут благотворные ручейки сведений в ЭВМ, пополняя представления о том, что происходит в организме на молекулярном уровне. Еще преимущество микроспектрофотометра сибиряков. В организме человека есть маленькие группы однотипных клеток. Их мало, их в прин-

ципе много быть и не может. Тут нечем их измерить (грубы прочие приборы!), и только микроспектрофотометр может ухватить мгновения жизни и немногочисленных клеток.

Факты действительности непрерывно становятся фактами науки. Вот и чуткий прибор, о котором мы рассказали, также поможет добывать знания о природе человека.

Молекулярная биология — и науки о космосе. Проникновение в живую клетку и — в пустынный космос. Две активные отрасли знания. Внешне противоположные, внутренне единые: из космоса виднее, как живет человеку на Земле, но, и познав себя, человек будет увереннее жить в космосе. Поэты тысячи лет воспевают звезды, поэты лишь упоминают о генах... Но все убежденнее философы говорят: близятся старты в микрокосм, биология, вооруженная точными науками, засверкает скоро ошеломительными открытиями. Будем ждать стартов к молекулам с таким же волнением, с каким мы ждем новых стартов человека в дальний космос...

АЖУРНЫЕ БЕРЕЗЫ

**Александр
МОСОЛОВ**

Прежде чем рассказать об этом редком эксперименте, который поставила сама природа, сделаем необходимые научные пояснения...

Вначале — о **генотипе**. Что это такое? Совокупность генов, жизненная программа организма, реализация которой происходит при тесном взаимодействии со средой. Иначе гены никак себя не проявят. Программа, заключенная в них, окажется невостребованной. Так остаются невостребованными те или иные таланты человека, если у общества нет в них потребности... Итак: на главные кнопки пульта жизни растения или животного нажимают обстоятельства внешней среды — температура, влажность, радиация, питание. Это и определяет индивидуальность, морфологические, физиологические свойства организма, что принято называть **фенотипом**. Таким образом, **фенотип** — это норма реакции генотипа или частный случай его выражения. Но фенотипическая изменчивость не беспредельна, ограничена генами. Можно сказать: «Выше гена не прыгнешь».

Природа дает яркие примеры вышесказанному. Кто не знает, как выглядит березовый лист. Однако весна позапрошлого года принесла сибирякам сюрприз. Березы вдруг оделись в необычную листву — ажурную. Казалось, что листья источены насекомыми. Но это не так. Узор удивительно симметричен! И такой он повсюду, у всех берез. Что произошло? Когда молодые листья были еще уложены в набухших почках, упали заморозки. И ткани свернутых листков погибли в тех местах, где сильнее всего ущипнул морозец. Так холод разрисовал симметричным узором нежные листочки, создав оригинальный фенотип. Вот так воздействовала среда на генотип...

Интересно было собрать листья с тех же самых берез на следующий год. Как и следовало ожидать, на другую весну березы уже не «помнили» былой беды. Листья опять обычные, без дырок. Это еще раз доказывает, что генотип растений устойчив.

ПРЕРВАННАЯ ИГРА

Повесть

Дмитрий
СЕРГЕЕВ

Рисунки
Е. Стерлиговой

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Прозвенел сигнал вызова, и над экраном видефона вспыхнул малиновый глазок. Не отрывая взгляда от шахматной доски, я потянулся к пусковому зажиму.

— Лартяне запрашивают разрешения на связь.

— Соедините.

На экране крупным планом возникло чуждое искаженное, как бы расплющенное лицо. Догадываюсь: передо мной вафий. Экран подчеркивает и без того широкое и скуластое лицо человека с Ларта. Видимо, это и есть старший нейроквантик, которого мы должны взять на борт. Наш корабль уже больше месяца кружится на орбите Ларта, трюмы и ледовые кладовые заполняют каким-то грузом. Каким именно, мне не сообщили. В шифровке, которую я получил два месяца назад с Земтера, приказывалось: «Поставить корабль на орбиту Ларта, принять спецгруз, взять на борт нейроквантика и попечителя, предоставить в их распоряжение автоматы и разрешить проходку шахты в глубь астероида. Для обслуживания лаборатории нейроквантика в центре астероида выделить необходимую энергию, не расходуя аварийного запаса горючего». Вот, собственно, и все, что мне полагалось знать.

Задним числом я сам поражаюсь собственной беспечности. Удивительно, как это я ничего не заподозрил: ведь знал же, с кем имею дело. Наверное, мою бдительность ослабило случайное сообщение, промелькнувшее в сводке новостей. Обычно я слушал их невнимательно, не вникая в смысл. Но в этот раз упомянули знакомое имя — Глоб. «...Кроме того, на корабль будет принят нейроквантик с Ларта с новейшей экспериментальной моделью. По прибытии на Земтер состоятся состязания между автоматами Глоба и новейшим автоматом. Как именно они будут проходить, ученый не пожелал сообщить».

Кто бы ни был этот нейроквантик с Ларта, я от души желал ему успеха. И поскольку о предстоящем состязании говорилось в открытой сводке, я заключил, что никакого секрета в этом деле нет. Увы, я так и не научился полному бесстрастию. С Глобом у меня личные счёты,

и за прошедшие двадцать лет я ничего не забыл.

Еще более странно, что в центре столь важную операцию доверили лартянам. Не поручили мне даже проконтролировать их действия...

— Вас приветствует нейроквантик Джамас,— произнес человек со скуластым лицом, удаленный от меня на сто тысяч километров.— Мне разрешено проводить испытания в ледовой лаборатории.

Я назвал себя. Несколько минут ушло на взаимный обмен любезностями. От подобной процедуры я совершенно отвык, невольно чувствовал себя скованным. Двадцать лет мы поддерживали с Земтером лишь строго деловую связь, соблюдать этикет не было времени. Да никто бы и не позволил нам тратить энергию попусту: каждая секунда связи влетала в копеечку.

Я облегченно вздохнул, когда разговор перешел на деловые рельсы. Мы обговорили несколько пунктов, наметили срок готовности. В заключение Джамас спросил:

— У вас есть какая-нибудь просьба?

— Захватите щенка,— неожиданно для себя попросил я.

Двадцать лет держал я себя в узде, и вот теперь воспоминания прорвались неожиданно, помимо моей воли.

...Оставались считанные минуты перед посадкой в стартовую кабину. Она доставит нас на корабль, который монтировали прямо на орбите. Он уже несколько месяцев кружился возле Земтера, отчетливо видимый даже среди дня,—этакая бледная звездочка, плывущая в голубизне.

Торжественная процедура закончена, можно побыть с родными. Со мной самые близкие мне люди — жена и сын.

Фааза выглядит рассеянной, погруженной в свои мысли, с ее губ не сходит болезненная улыбка.

Хватаюсь за последнюю соломинку, которая способна еще удержать мои чувства от паники,— беру на руки сына, судорожно прижимаю его к себе. Милое, доверчивое лупоглазое

существо! Он и не подозревает, что его папа, большой взрослый человек с колючими щеками и ласковыми руками, на этот раз ищет защиты у него — у крохи-несмышлениша. Пуще всего боюсь высказать свое смятение. В сотый раз спрашиваю сына, чего бы он хотел, какой подарок привезти из космоса.

— Собачку,— твердит он свое.

— Я же говорил: собачку нельзя. Придумай что-нибудь другое. Хочешь камень гликонит — поющий камень? — подсказываю я.

— Собачку,— стоит на своем малыш.

Через двадцать лет любое мое теперешнее обещание не будет стоить ломаного гроша. К тому времени сын и сам будет знать, что собачку нельзя. Ввоз из космоса любых животных, тем более собак, категорически запрещен. И я упорно добиваюсь от малыша другой, выполнимой просьбы, расписываю ему прелести светящихся суммерийских кристаллов. Однако его не так-то просто сбить с толку.

— Папа, а правда, будто давно-давно на Земтере жили собачки? Или вранье?

— Нет, не вранье. Раньше собак не было в космосе. Даже на Ларте не было. Их завезли туда с Земтера. Какой же смысл привозить назад то, что раньше уже было? Лучше я раздобуду тебе...

— Собачку,— канючит сын.

Наклоняюсь к теплому личику, вплотную встречаю взгляд расширенных, ждущих глаз и заговорщически шепчу:

— Хорошо. Будет собачка. Только об этом ни гу-гу. Обещаешь?

— Даже маме нельзя? — замирая от счастья, шепотом спрашивает сын.

— Даже маме.

— Ни гу-гу! — восторженно обещает сын...

«Ну-ка, парень, возьми себя в руки!» — мысленно приказываю себе.

Многолетняя привычка управлять своим настроением действует безотказно. Главное — следить за собою, за тем, чтобы память не воскрешала ощущений и чувств, испытанных и пережитых когда-то. Именно это свойство нашей памяти губительно действует на состояние духа. Я усвоил это давно, еще на Земтере, готовя себя к будущему полету. Смешно, глупо и непроизвольно раскисать из-за того только, что чувства мои умеют воскрешать давнее...

Все же я владею собой: не прошло и минуты, как я вновь способен рассуждать спокойно и здраво.

Держать собаку на корабле уставом не запрещалось. Нельзя только привезти ее на Земтер. Скорее всего, сын ничего уже не помнит. Но я сдержу слово. Пусть это покажется наивным и смешным — при встрече я напомню ему

про щенка. Если он не забыл просьбу и щенок нужен ему, я нарушу закон. Кто-кто, а мы, навигаторы, знаем тысячи способов, как провести таможенников. Если сын ничего не помнит... Что ж, тогда щенок останется на корабле, будет развлекать очередную команду, которая примет у нас «Гроссмейстер».

Когда-то собаки водились на Земтере во множестве. Но в последние века никакого проку от них не стало. Кто-то из ученых подсчитал, сколько кубометров кислорода они ежегодно потребляют, и цифры потрясли. Не так уж много на планете стало чистого воздуха, чтобы расточать его на собак... Вскоре все государства подписали соглашение, и собак поголовно истребили. Они сохранились только в космосе и на Ларте, где кислорода было предостаточно. К тому же на Ларте собаки даже полезны: собачья упряжка — самый надежный транспорт на огромных заснеженных просторах. На Ларте всегда можно раздобыть щенка. Обычно оттуда они и попадают на космические корабли.

Многие навигаторы настолько сильно привязывались к собакам, что, когда приходило время, не могли с ними расстаться, тайком привозили их на Земтер. Образовалось даже подпольное общество собаководов. Против них изданы суровые законы, но люди ухитряются укрывать своих питомцев, идут ради них на всяческие жертвы.

Мой случай — совсем другое дело: я действую ради сына, ради того, чтобы перекинуть мост в свое прошлое.

Начала телевизионной программы я ждал с каким-то судорожным нетерпением. Даже не предполагал, что это известие так сильно взволнует меня. Через два часа на Ларте ненадолго запустят башню Эрго. Устроить попутно для нас прямую передачу с Земтера им ничего не будет стоить. Нас предупредили об этом заранее.

Двадцать лет мы получали с родной планеты лишь короткие сводки новостей — новостей, которые все меньше занимали нас.

С тех пор, как весь Земтер превратился для нас в бледную крапинку на черном экране навигационного визира, воспринимать всерьез происходящие на нем перемены стало невозможно. Телесная, грубая основа той жизни позабылась, ненадежная память хранила лишь зыбкие миражи прежних картин. Нашим миром стал «Гроссмейстер» — космический корабль посреди незаселенного пространства. Мы пронизывали это пространство, даря ему гул реакторов и слабое возмущение силового поля.

И вот теперь, спустя двадцать лет, нам предстоит вновь соприкоснуться с чужими для нас жизнями, с непонятными заботами, переживаниями и волнениями.

Я испытывал нетерпение, совершенно непростительное для опытного навигатора. Но все же выдержал характер: включил экран, когда передача уже началась.

Дикторы попеременно читали сводку новостей, торопливо мелькали кадры хроники. У них там все осталось по-прежнему: войны, землетрясения, парламентские драки, ураганы, валютные кризисы, распри между истинными и праведными, сенсационные разоблачения министров и конгрессменов, политические убийства... Как будто и не было двадцати лет. Точно такую же окрошку подавали в сводке новостей, когда мы поседали Земтер.

Но должны же быть перемены!

С вниманием разглядывал я невиданный покрой платья и громоздкую прическу дикторши — нечто похожее как будто было в позапрошлом веке. И уже совсем нелепыми выглядели сверкающие нашлепки на пиджаке диктора, который к тому же был наголо острижен. Впрочем, и это было уже когда-то в моде. Да и вовсе не моды занимали меня: по этим ничтожным приметам я пытался представить себе размах совершившихся перемен.

После новостей шел фильм. Признаюсь, многое в нем осталось непонятным. Но не потому, что были запутанными сюжетные ходы или же постановщик очень сложно воспринимал окружающий мир и изображал его по-своему. Нет, этого не было, фильм был средненьким, обычным.

Путался я из-за другого: не находил соответствия между тем, что произносят герои, и тем, как они ведут себя, как улыбаются, как выражают радость и страдание. Создавалось впечатление, будто все происходит шиворот-навыворот. Я отлично знал, что никакого противоречия на самом деле нет: герои ведут себя именно так, как принято теперь, а не двадцать лет назад. Это ведь в прежние века, когда жизнь на Земтере не была так стремительна, жесты и мимика сохранялись неизменными в течение столетий. Не говорю уже о таких пустяках, как обстановка. Из старой, знакомой мебели вообще ничего не сохранилось. Неузнаваемые стали и городские улицы.

Однако и к новой форме кресел, и к диковинному виду автомобиля можно привыкнуть. А вот как общаться с людьми, если самая что ни на есть любезная фраза сопровождается теперь гримасой отвращения, а с безобидной шуткой уживается звериный оскал? Попробуй тут разобраться.

Нет, Земтер несколько не манил меня. Было страшно сознавать, что прошлое кануло безвозвратно. Сила инерции, сообщенная кораблю и астероиду двигателями, неумолимо приближала нас к чужой, незнакомой планете, населенной людьми из непонятного будущего.

Просигналил пульт внутреннего видефона. На экране возникло курносое мальчишеское лицо с наивными широко открытыми глазами, напряженными от затаенного любопытства.

— Мне нужно поговорить с тобой, — решительно выпалил юнец.

— Говори, — я сделал попытку улыбнуться: не хотел с первого раза отпугнуть это милое существо.

Странно только, почему меня не известили, что на корабле появится ребенок? Вероятно, сын нейроквантика или попечителя.

— Ты всегда такой сердитый?

Наверное, за двадцать лет я разучился улыбаться — привычка командовать и распоряжаться сделала свое. Если уж мой тон показался ему сердитым...

— Вопросы потом. Сначала познакомимся, — предлагаю ему и улыбаюсь во весь рот, даже скулы заломило — отвыкли. — Я командир корабля. Мое имя Памелл. А кто ты?

— Зиная — попечительница мальков, — произносит странное существо. В голосе слышится изумление.

Изумляюсь и я. Теперь и сам отчетливо вижу: на экране вовсе не мальчишка, а молодая особа. Только, будь она актрисой, ей, с ее ростом и лицом, всю жизнь пришлось бы играть роли мальчишек.

— Ты хочешь видеть пирата? — спрашивает она.

Хоть я и настроен благодушно, но допускать глупые шутки на борту «Гроссмейстера» не имею права.

— Сколько тебе лет? — спрашиваю я.

— Семнадцать. — Похоже, мой вопрос обидел ее. — Уже семнадцать, — повторила она. — Так тебе показать пирата?

— Я очень рад, что познакомился с тобой, Зиная, но в следующий раз прошу обходиться без шуток. Связываться со мной можно только по делу. — С этими словами я отключил связь.

И тотчас услышал назойливый сигнал: кто-то уже добивался разговора со мной. Впрочем, я ошибся, это опять была Зиная.

— Ты ничего не ответил, командир. Я спрашиваю про пирата.

— Какого еще пирата?

— Обыкновенного, — мое раздражение непонятно ей. — Ты же просил щенка.

— Так это щенка зовут Пиратом?

— Ну, конечно! Какой ты недогадливый... Ой, прости, пожалуйста, — искренне огорчилась она. — Меня предупреждали: к тебе нужно обращаться на вы и соблюдать почтительность. Только я не умею.

— Можешь обращаться ко мне на ты, — разрешил я. В уставе по этому пункту не было никаких оговорок, так что нарушения дисциплины не будет. — Я подумал: ты шутишь, когда

сказала про Пирата. А на корабле шутки запрещены.

— Забавно! — воскликнула она и ненадолго исчезла из кадра. Появилась снова, держа на руках неуклюжее длиннолапое существо, обросшее шерстью. Щенок испуганно запищал, Зиная прижала его к щеке. Он облизал ее. Меня невольно передернуло. Паршивый слюнявый зверек. Странная она, эта Зиная, если позволяет лизать себя какому-то уроду.

— Видишь, какой он милый? — сказала она. — Сейчас я быстренько принесу его.

Я знаю, что быстро у нее не получится. На Ларте их, конечно, готовили к полету. Но одно дело испытать невесомость на стажировке в нулевой камере, другое — на корабле в открытом космосе.

Искусственная гравитация на «Гроссмейстере» создана только по периметру оболочки — там, где размещены служебные помещения, тренировочный зал, фермы, кухня и жилые каюты. Длиннющий, почти километровый коридор вдоль центральной оси корабля лишен гравитации. Свободно по нему передвигаются одни автоматы-спецкурьеры, а люди либо пользуются поручнями, либо надевают особые ботинки на присосках.

Я включил экран, показывающий перспективу коридора. Увидел Зинаю. Она повисла в воздухе, одной рукой вцепившись в поручень, другой удерживая щенка. Похоже, она потеряла ориентировку. Однако ни испуга, ни растерянности не испытывала — одно любопытство. Мне даже показалось, будто она разговаривает... Интересно, с кем? Уж не со щенком ли?

Немного спустя Зиная появилась в моей каюте. На ней был светящийся оранжевый комбинезон с искусственным обогревом — такие носят на Ларте. Брюки и куртка плотно облегли ее фигуру.

Для непривычного человека входная дверь, расположенная на потолке, выглядела довольно странно. Именно там, вверху, и появилась Зиная. Первые шаги она торопливо сделала по покатоному потолку, постепенно, с появлением гравитации, обретая устойчивость.

Ступив, наконец, на пол, где искусственная сила тяготения была нормальной, Зиная опустила испуганно скулившего щенка. Он пробовал встать, но не удержался на нетвердых лапах, распластался на животе. Зиная склонилась над ним.

— Вот мы и дома, глупышка. Нечего бояться, нужно привыкать... У кого-нибудь на корабле есть собака? — спросила она, взглянув на меня исподлобья.

— Нет.

— Как же так? — поразилась она. — Моей

Фебе не с кем будет играть. Пират же маленький! Она пока не привыкла к невесомости — сидит в каюте и скучает. Только за нее я не боюсь — Феба освоится... А прежде, на Земтерё, у тебя была собака?

— На Земтере запрещено держать собак.

— Шутишь, командир!

— На корабле шутить запрещено.

Зиная рассмеялась.

— Ты забавный. Как можно запретить шутки?

— А между тем, тебе придется привыкать к этому, — сказал я. На этот раз она поверила, что я говорю серьезно. — Ты должна раз и навсегда усвоить правило — никаких шуток. Привыкни всегда говорить внятно, разборчиво, избегай острот и метафор.

— Но как же... — Она смотрела на меня расширенными глазами, все еще с недоверием. — Зачем это нужно?

— Всем, кто находится на корабле, приходится общаться с автоматами. Метафор и острот автоматы не усваивают. Из-за шуток может возникнуть аварийная ситуация.

На «Гроссмейстере» установлены автоматы, с которыми человек может общаться голосом: не нужно ни перфокарт, ни программистов. Именно благодаря этим новым автоматам команда корабля состояла всего из пяти человек. Существовало лишь одно неудобство. Любую фразу автомат понимал буквально. Многозначность нашего обычного словаря чужда ему. На стажировке многие из тех, кто претендовал попасть в штат «Гроссмейстера», отсеялись из-за неспособности выражать мысли однозначно — не могли отвыкнуть от каламбуров, шуток и прочей дребедени.

Щенок тем временем напустил лужицу.

— К нему нужно быть внимательным и ласковым, — наставляла меня Зиная. — Особенно сейчас. Ведь его только что отлучили от мамы.

Невольная гримаса отвращения на моем лице обидела ее.

— Ты, пожалуйста, не кривись. На первых порах он будет немного пачкать — это не страшно.

— Конечно, — поспешил согласиться я. — Сейчас же прикажу уборщику подтереть.

— Ишь какой! Привыкай сам... Знаешь что, — пришло ей в голову, — на первых порах я буду приходить и убирать за ним. Потом ты привыкнешь сам и обязательно полюбишь Пирата.

Я невольно улыбнулся. За кого она меня принимает? Как можно полюбить слюнявое глупое существо, пачкающее пол?

— Приходи, когда тебе захочется, — разрешил я. — Когда будет время.

— Времени хватит. Мне ведь только утром да вечером проверить, как чувствуют себя малышки.

— Малышки? — удивился я.

— Ну да. Я сопровождаю мальков — тут их пять миллиардов в бассейне. На Земтере хотят развести рыбу. У них ведь тоже теперь появится чистая вода, и в ней сможет жить рыба.

Вот оно что! Вот, оказывается, какой груз приняли мы на борт... Что ж, разумное решение. Ледяной астероид, который мы доставим на орбиту Земтера, позволит постепенно заменить воду не только в реках и озерах — во всех океанах. Так что мальки будут кстати...

Меня отвлекла Зиная.

— Ты, оказывается, в шахматы играешь! — воскликнула она, увидев на моем столе две шахматные доски с расставленными на них позициями.

— Играю. Хочешь сыграть?

— Я их терпеть не могу.

— Вот тебе раз. Почему?

— Так... Ты, пожалуйста, будь повнимательней к Пирату, а то займешься шахматами и забудешь про него.

— Не забуду, — пообещал я.

— Мне пора, — сказала она, направляясь к двери. — Вечером я загляну к тебе.

Она с разбегу плавно взлетела к потолку и схватилась за дверную ручку.

— Хочешь испытать свои силы — сразись с Джамасом. Он никому не проигрывает. А ты, пожалуйста, выиграй у него! Отбей у него охоту, очень прошу. А то он часами просиживает за доской. — Все это она выпалила, уже выйдя из каюты, но еще не захлопнув люка. — Так я приду вечером.

Я отключил контрольную автощеколду, чтобы ей не потребовалось вызывать меня. Пусть себе приходит в любое время и прибирает за щенком.

Так впервые за двадцать лет я нарушил корабельный устав. Я и не подозревал, к каким последствиям приведет мое попустительство.

Фразу о том, что Джамас часами просиживает за шахматной доской, я запомнил. Уж не участвует ли и он в турнире? Должно быть, у них на Ларте нет сильных шахматистов, потому Джамас никому и не проигрывает.

Почти все прошедшие двадцать лет я тем только и занимался, что играл в шахматы. Служебные обязанности командира корабля отнимали не так уж много времени.

Всемирные шахматные состязания начались вскоре после нашего отлета. «Гроссмейстер» еще был на пути к поясу ледяных астероидов, когда с Земтера поступило неожиданное приглашение всей командой участвовать в турнире. Собственно, это было даже не приглашение — нас попросту обязали включиться в игру.

На первых порах все мы буквально заразились шахматами. Я-то и прежде, на Земтере, увле-

кался, теперь же пристрастился к ним окончательно. Остальные четверо за последнее время заметно охладели к игре, обдумывать очередные ходы приходилось одному мне.

Но я не был на них в обиде. Дела мои шли совсем неплохо: пока я не проиграл ни одного матча. С каждым из соперников игралось одновременно десять партий. Были случаи, когда я выигрывал матчи всухую.

Мастерство мое с каждой сыгранной партией все больше оттачивалось. Видимо, я не случайно вышел в финальную пульку — в числе восьми сильнейших шахматистов. Победитель этого последнего турнира будет назван чемпионом Земтера. Я рассчитывал на лавры. Правда, именно в этом турнире дела мои шли пока не блестяще. Больше того, на одной из десяти досок невыгодная для меня позиция возникла уже после двенадцатого хода. Впору было сдаваться.

А именно в этом матче мне позарез нужна победа!

Так уж получилось, что с Глобом мы соперничали, начиная со школьной скамьи. Соперничали во всем: в уличных играх, в учебе. Потом вместе попали в школу навигаторов. И одними из первых выставили свои кандидатуры на должность командира «Гроссмейстера».

Каким только испытаниям нас не подвергали!

Проверочные тесты все усложнялись и усложнялись, претендентов становилось все меньше. Под конец борьба развернулась между Глобом и мною, остальные конкуренты намного отстали от нас по зачетным баллам. К двум заключительным турам мы с Глобом пришли с равными показателями. Признаюсь, я немного нервничал и побаивался. Никто из нас даже отдаленно не представлял себе, что означают коэффициенты Маура и Фита. А именно на эти коэффициенты нас испытывали в двух последних турах. Испытания проводили специалисты по нейроквантике, которую я не мог терпеть еще со школьной скамьи. Глоб увлекался ею. Но про Маура и Фита ничего не слыхал и он.

Вначале испытывали на Маура. Экзаменатор задавал вопрос, на него нужно было незамедлительно отвечать. Поначалу мне казалось, что оправдываются худшие из предположений. Вопросы были преглупейшие, причем степень глупости все возрастала. Помню, например, такой тест: «Корабль находится в полете. Вам докладывают, что в запасной кладовой вместо горючего засыпан овес. Что вы предпримете?» Я ответил: «На корабле, который будут снаряжать под моим наблюдением, ничего подобного не случится: перед стартом я лично проверю все снаряжение, запасы, исправность механизмов и служб».

Как оценили ответ, я не знал, пока не объявили окончательного результата. И тут выяснилось, что я намного обставил Глоба: на все дурацкие вопросы он отделялся шуточками.

Следующая победа досталась еще легче. Меня заперли одного в пустой кабине. В руки дали рычаг, которым можно было водить влево, вправо, вверх, вниз, по кругу... В других кабинах точно такими же рычагами управляли еще девять человек. Мы не видели друг друга. На большом экране отражались результаты наших совместных действий. Задание состояло в том, чтобы перевести свою отметку выше других. И вообще — как можно выше. Я довольно легко справился с задачей: держал собственную отметку выше остальных девяти, хотя далеко не достиг верха экрана. Сделал несколько попыток подняться выше, но они сразу же внесли сумятицу, — чужие результаты тоже полезли вверх. Я снова уравновесил их, принудил держаться хотя бы на одно деление ниже. Этого оказалось достаточно для победы.

После Глоб рассказал, что и у него получалось то же самое, но ему непременно хотелось достичь верха. На том он и срезался.

Глоб болезненно переживал свое поражение. Поступил он довольно странно: забросил навигационную службу и устроился простым лаборантом в институт нейроквантики. Я был уверен, что никогда не услышу больше его имени. Но ошибся. Спустя всего лишь три года о нем заговорили, его имя промелькнуло даже в сводке новостей. И не просто промелькнуло — Глоба назвали ведущим нейроквантиком.

Пожалуй, это было первое известие, больно кольнувшее мое самолюбие. Получалось, что Глоб одержал надо мной верх. В будущем меня, конечно, ожидают почет и слава, может быть, не меньшие, чем у него. Но все это еще только будет...

За годы, прошедшие с той поры, мое отношение к славе, минувшей и будущей, сильно изменилось. Зависть давно уже не мучила меня. Но дух соперничества по отношению к Глобу сохранился. Я не мог примириться с его успехом.

К тому же мы вновь стали соперниками. Институт нейроквантики, который теперь возглавлял Глоб, также вышел в финал. Жребий свел нас в первом же матче. Официально мы играли против института в целом, но я был убежден, что мой противник — Глоб.

Я не представлял, какую обузу взвалил на себя, связавшись со щенком.

На ночь я оставил его в рабочей каюте: не хватало еще, чтобы он среди ночи нагадил у меня в спальне. Принял душ и собрался пристегнуться к постели, когда за перегородкой

раздался отчаянный вой, похожий на детский плач. Я невольно пожалел, что внутренние перегородки сделаны без надежной звукоизоляции. Некоторое время терпеливо ждал, надеясь, что щенок утомится и затихнет. Не тут-то было — жалобный вой нарастал. Пришлось приказывать себе: «Ну-ка, приятель, спи!» Привычка, выработанная многолетней практикой, подействовала. В свое время на тренировках я засыпал под непрерывный грохот и металлический скрежет и мог спать без просыпу сколько хотел. Однако на этот раз проспал не больше четверти часа. Надрывный плач щенка за перегородкой пронизывал меня насквозь.

Некоторое время я раздумывал, как поступить: вторично усыпить себя внушением или же позвать Зинаю — чтобы забрала своего визгуна.

Отстегнул страховочные ремни. Похоже, щенок чуял малейшие мои движения — в его голосе появились ликующие нотки. Когда я подошел к двери, он совершенно заливался от восторга, скребя в дверь. Я распахнул ее — теплый, возбужденно счастливый комочек прильнул к бо-сым ногам. Затих.

«Ладно, пусть ночует здесь», — решил я.

Не зажигая света, начал застегивать ремни, на ощупь проверил, на месте ли переносный дубликат пульта. В случае внезапной аварии я мог связаться с любым отсеком корабля, лежа в постели. Правда, за последние двадцать лет этого ни разу не потребовалось.

Щенок сопел где-то под койкой. Потом опять начал тихонько подвывать.

— Чего тебе еще нужно? — спросил я.

Он ненадолго умолк. Я отчетливо слышал, как он сопит совсем близко от моего лица, должно быть, пытается дотянуться до меня носом. Непроизвольно я заслонился от него рукой — и тотчас он лизнул ладонь. Я отдернул руку.

Щенок опять заскулил.

— Прекрати! — в темноте я легонько шлепнул его ладошкой. Он опять успел лизнуть ее.

На этот раз я примирился, не отдернул руку. Похоже, только так и можно уgomонить его. Он сразу же свернулся калачиком под койкой. Я слышал, как слабо колышутся его бока. Осторожно убрал руку. Он опять заерзал и заскулил, ища ее в темноте. Пришлось возвратить ладонь на прежнее место. Щенок затих и тихонько засопел. Я так и оставил руку на его мягком и теплом теле, с удивлением прислушиваясь к какому-то неясному чувству, возникшему во мне. Даже и не чувствуя еще, а чему-то смутному и неопределенному. Щенок временами начинал пронзительно и жалобно скулить, я спросонок тихонько гладил его, и он затихал.

Так и проспали мы с ним первую ночь. За чем-то ему необходимо было все время ощущать тепло моей руки.

Удивительно быстро я привык к бедламу, который устраивала Зиная в моей каюте. Я разрешил ей приводить с собой Фебу. Втроем они затевали такой гвалт и возню, что в ушах стоял звон. Их игры всегда были неистово шумными и буйными. Кажется, все трое рычали и грызли друг друга с каким-то безумным и счастливым остервенением. Впрочем, Зиная умудрялась кое-чему наставлять Пирата, и довольно-таки успешно. Он перестал пачкаться и мочиться где попало, ходил в отведенное место.

Феба, здоровенная лохматая черно-белая собака, на первых порах недоверчиво косилась на меня. Стоило сделать резкое движение, немало повысить голос, как она вскакивала и рычала. От более решительных действий ее удерживал окрик Зинаи. Но постепенно она привыкла ко мне.

Они ничуть не мешали мне. Я занимался своими делами, Зиная на полу возилась с собаками.

Меня поразила необычная тишина в каюте. Я даже подумал, что Зиная и Феба ушли, а я просто не заметил — когда. Но нет, все трое были здесь. Пират, уставший и разомлевший от долгой возни, спал, растянувшись на полу. Феба в настороженной позе сидела подле него. Удивила меня Зиная. Она гримасничала, стоя перед большим зеркалом, при этом заглядывала в какую-то книжку, словно сверяя, так ли делает.

— Ты чем занимаешься?

Похоже, я застал ее врасплох — она смутилась.

— Учусь мимике.

— Мимике?

— Я же ничегошеньки не умею! У нас на Ларте все по-другому. Мы все хорошо знаем друг друга, нам ничего не нужно скрывать. А на Земтере... Меня предупредили: я должна научиться скрывать свои чувства. Иначе меня просят. Это правда? Ты же земтерянин.

Увы! Я был такой же земтерянин, как и она. Насколько же мы оказались близки с нею: нас тревожило одно и то же. Зиная летела на Земтер поступать в институт. Поэтому и напросилась сопровождать мальков и помогать нейроквантику. Дело для нее привычное: она и на Ларте занималась тем же. Ее, как и меня, как всех нас, пугала встреча с незнакомыми людьми. Я невольно сравнил ее поведение с тем, что видел недавно в фильме. Да, Зиная права — ничего похожего. Но до чего же все просто! Почему это не пришло мне в голову раньше? Конечно же, у земтерян и мимика, и жесты служат одной цели — скрывать свои чувства.

С этого дня Зиная стала консультироваться у меня, совершенно не принимая моих отговорок.

— Если я встречаюсь с человеком, который

почему-то неприятен мне, я все равно должна улыбаться ему?

— Да, раньше было принято так. Теперь — не знаю.

— Но вот у меня справочник, — показала она книжку. — Это последний.

Я взглянул на обложку: «Пособие по правилам этикета на Земтере». Уроки сопровождались рисунками. Господи, какое многообразие: одних только улыбок больше ста. А ведь я научился улыбаться. Впору было упражняться вместе с Зинаей...

— Посмотри, как у меня получается?

Зиная изобразила странную гримасу, чуть-чуть оскалила верхние зубы. Я попытался найти соответствующую диаграмму в книжке. Ничего похожего.

— Зачем тебе книжка? Она только сбивает тебя с толку. Улыбаться ты и без нее умеешь.

— Но ведь придется улыбаться и тем, кто неприятен мне! Я не смогу.

— Ну что ж, учись по книжке... Если такую книжку выпустили, значит, по ней можно научиться.

С каждой секундой «Гроссмейстер» приближался к Земтеру. Двенадцать миллиардов населения планеты с нетерпением и надеждой ждали нас.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Джамас попросил разрешения встретиться.

С появлением щенка рабочая половина моей каюты утратила официальную строгость. Правда, стараниями Зинаи и автоуборщика безупречная чистота соблюдалась по-прежнему, но уже одно присутствие Пирата вносило беспорядок и хаос. Я не хотел, чтобы у Джамаса сложилось обо мне превратное мнение, и на время запер щенка в спальной половине каюты.

Скорее всего, Джамас был не чистокровным вафием, а метисом. Так, во всяком случае, решил я, увидав его близко. Трудно сказать, что именно в его внешности выдавало примесь другой крови, — пожалуй, цвет глаз и форма носа. Были еще и другие неуловимые приметы, которых я не могу назвать точно... Однако внешняя бесстрастность и неподвижность лица — то, что всегда поражало меня в вафиях, — у Джамаса отшлифованы до предела. Ни одна черточка его смуглого и широкого лица не дрогнула, когда мы обменивались любезностями. Его улыбка производила странное впечатление — она как будто была лишь одним из отрететированных выражений его лица. Как раз то, чего безуспешно добивалась Зиная.

Я не уловил момента, когда улыбка исчезла.

Взгляд нейроквантика остановился на моем лице. Это не был изучающий и пристальный взгляд: просто по этикету Джамасу теперь полагалось смотреть на меня — и он смотрел.

— Я хотел бы ознакомиться с подробной схемой маршрута, — сказал он.

Достав из сейфа карту, я разложил ее на столе, передвинув шахматную доску с фигурами на самый край. В шифровке пункт, касающийся навигационной карты, был оговорен — Джамасу я имел право показать. Ему потребовалось знать точное положение всех ближайших точек либрации и периодических источников нейтронного излучения.

Несколько минут он изучал карту пристально, похоже, в уме делал какие-то расчеты.

— Превосходно, — сказал он наконец.

— Вы можете изучить карту более детально.

— Не беспокойтесь. Все нужное я запомнил, — заверил Джамас.

Пират, до этого сидевший смиренно за перегородкой, вдруг начал лаять и скрестись в дверь. Он вообще не переносил, когда его запирали в комнате одного.

Джамас взглянул на перегородку.

— Щенок, — объяснил я ему.

— Пират? — сказал он. — Любопытно, каким он стал.

Признаюсь, меня удивило, что он помнит какого-то щенка.

— Можете взглянуть.

Я открыл дверь. Пират прыгнул мне на грудь, лизнул руку. Потом с такой же радостью кинулся к Джамасу.

— Вырос, — сказал тот, потрепав щенка.

К моему изумлению Пират затих и улегся в ногах у нейроквантика. Как будто вмиг усвоил иные, чем обычно, правила поведения. Только уши насторожил, слушая голос Джамаса.

— Добрый пес вырастет, — сказал нейроквантик, разглядывая в то же время шахматную позицию.

Это была все та же злополучная партия, исход которой был предопределен неравенством сил.

— Вы участвуете в финальной пулке, — сказал Джамас. Не спросил, а просто сказал.

— Участвую. Увы, начало мало обещающее.

— М-да, вашу позицию не назовешь блестящей. И что собираетесь делать?

Я передвинул доску в центр стола и показал задуманный ход. Несколько минут Джамас изучал позицию. Ничего не сказав, поднялся.

— Я оторвал вас?

— Сейчас мои обязанности не так уж сложны — времени хватает. Заходите в любое время. Если интересуетесь, — я кивнул на шахматы, — как член экипажа, имеете право высказать свои соображения. Зиная аттестовала вас превосходным мастером.

— Зиная... — проговорил он, как будто не мог сразу припомнить, о ком речь. — Зиная думает, я могу все. Если бы она была права. — На этот раз Джамас улыбнулся — именно улыбнулся, а не изобразил улыбку, как в начале нашей встречи. — Впрочем, охотно воспользуюсь вашим предложением, — неожиданно согласился он. — Хотя не уверен, что моя помощь нужна: я слышал, вы очень сильный шахматист.

— Пока мне везло.

— Только знаете, что... — он немного помедлил. — Прежде чем стать вашим союзником, я хотел бы просмотреть запись партий с самого начала. А если можно, то и всех партий, сыгранных вами.

— Пожалуйста, — я охотно вручил ему свой шахматный блокнот.

— ...Понимаешь, эксперимент чрез-вы-чай-но сложный. Джамас может не уложиться в срок. Он сам говорил об этом. И тогда... Я просто не знаю, что будет тогда...

Интересно, с кем она разговаривает? Я только что закончил очередной еженедельный обход корабельных служб и установок, ненадолго прилег и задремал. Меня разбудил голос Зинаи за перегородкой. Никому, кроме нее, я не позволял входить без спроса в свою каюту. Если я немедленно не пресеку этого, корабельный устав полетит к чертям. С меня достаточно Пирата и Зинаи с ее Фебой.

Распахивая дверь, был уверен, что застану в каюте Джамаса либо еще кого-нибудь, но в комнате только Зиная, Феба и Пират. Не с собаками же она разговаривала? Пират, увидев меня, обрадованно подбежал, и я машинально приласкал его — рука уже привыкала к этому.

Видеофон тоже выключен.

— С кем ты разговаривала?

— С ним. — Зиная простодушно глядит на меня. Стремительность, с какой я ворвался в комнату, удивила ее.

— С псом?

Я невольно рассмеялся. Зиная потупилась.

— Это очень глупо? Да?

— Не знаю, — растерялся я. — Мне никогда не приходило в голову, что с ним можно советоваться. Он же ничего не понимает!

— Неправда — понимает. Он только говорить не умеет.

Я не стал спорить. На своем Ларте Зиная, конечно, не могла получить нормального воспитания... У меня была другая цель. Моим союзником была внезапность, я решил действовать напролом.

— Что тебе известно про эксперимент?

На секунду она замаялась. Меня кольнуло угрызение: зачем же я толкаю ее на преступление?

— Ты спрашиваешь про эксперимент, который готовит Джамас?

— Да. Только предупреждаю: если работы засекречены...

— Засекречены. Я расписывалась в бумаге, что буду молчать.

— А готова разболтать тайну кому попалю, — укорил я ее.

— Но ведь тут нет посторонних.

— А Пират? Он же все понимает. — Пренебрегая уставом, я решил обратить наш разговор в шутку.

— Джамас говорит, что все это бредни — вся наша шпионобоязнь. Так мы перестанем доверять даже друзьям.

— Джамас не очень-то воздержан на язык. К добру это не приводит. Поменьше слушай его... На борту корабля я запрещаю тебе разговаривать об эксперименте с кем бы то ни было.

Признаться, я был доволен собою: сумел таки подавить в себе соблазн. Да еще и Зинае преподал урок.

— Хорошо. Раз ты велишь, я буду молчать.

— По уставу нужно ответить: «Ваш приказ понят».

— Да, но... Джамас говорит, что все ваши уставы — детская игра.

— Опять Джамас! Забудь все, что он говорил. В конце концов, кто он такой?

— Он лучший нейроквантик, — горячо заступилась она.

— Ты и об этом берешься судить?

— Но я же готовилась! Я собираюсь поступать на факультет нейроквантики.

Да, разумеется. Находясь с нею, я как-то всегда забывал, что она почти взрослая и в самом деле может знать что-то такое... И опять у меня возник соблазн выпытать у нее кое-что.

— Возможно, ты слышала про коэффициенты Маура и Фита?

— Конечно.

— Впрочем, они засекречены, — вовремя удержался я. — У меня нет допуска к высшей нейроквантике.

— Какая же высшая! — возмутилась она. — Азбука. Про эти коэффициенты знают школьники. Это когда-то их держали в секрете.

«Когда-то! — мысленно возмутился я. — Всего двадцать лет назад. Впрочем, двадцать лет назад ее самой не было в помине».

— Что же они означают? — спросил я.

— Маура — способность к логическому мышлению, а Фита — притязаний.

— Притязаний?

— Ну да. Каждый человек в жизни достиг чего-то, а рассчитывает на большее. Коэффициент и определяет — какого он мнения о себе, какая роль может его устроить. Думать о себе человек может одно, а на самом деле...

— А коэффициент Маура?

— Способность мыслить строго логически, с помощью однозначных понятий и терминов. Самый высокий Маур у счетных машин — сто процентов.

Зиная, разумеется, не подозревала, какую пищу для размышлений преподнесла мне. Невольно я вспомнил давние экзамены, наше соперничество с Глобом. Кто же из нас на самом деле потерпел поражение? Не случайно от нас скрывали, что именно обозначают таинственные коэффициенты.

Впрочем, Глоб, кажется, уже тогда кое-что знал или догадывался. Помню его слова: «Они ошиблись, Памелл: ни я, ни ты не подходим на роль командира. Им лучше выбрать одного из тех...» Под «теми» Глоб подразумевал парней, которые срезались на предварительных экзаменах. «Хотя поручиться не могу», — загадочно прибавил он, с каким-то особым вниманием оглядывая меня.

Вот этой последней его фразы и странного изучающего взгляда я не мог объяснить себе тогда. За что он не мог поручиться? И почему он считает, что лучше было назначить командиром «Гроссмейстера» одного из неудачников?

«Он попросту завидует мне», — решил я.

И вот теперь я понял кое-что. Я догадался, как именно проводились испытания на коэффициент Фита — коэффициент притязаний. Экран, ползающие по нему десять линий, рукоятка, которой можно управлять, заранее были установлены так, что лучшего результата, чем тот, которого добился я, получить невозможно. Не было, разумеется, никаких девяти других испытуемых в соседних кабинах, да и самих кабин не было. Сплошное надувательство и бутафория. Глоб не удовлетворился положением своей метки просто выше других, хотел непременно поднять ее на самый верх. Из этого они заключили, что у него чересчур высок коэффициент притязаний и роль командира корабля не устроит его надолго. За двадцать лет он попросту свихнется. Мою же психику признали более устойчивой.

На должность командира им нужен был здоровый и крепкий малый, умеющий ворочать мозгами, когда требует обстановка, но в то же время не задающий лишних вопросов. Скажут ему: отвыкни от острот и метафор — пожалуйста, отвыкнет, станет серьезней монумента...

Смутный протест зарождался во мне — против Глоба, против нейроквантиков, сыгравших над нами злую шутку.

Не очень я доверял и Джамасу: как-никак, он тоже нейроквантик. Мне нужно хотя бы в общих чертах иметь представление об эксперименте, который он собирается проводить. Почему в шифровке ничего не сказано об этом? Выходит, они не доверяют мне? Что ж, если так, буду действовать на свой страх.

— Что за эксперимент проводит Джамас?

То ли Зинаю не проинструктировали хорошенько, то ли она растерялась от неожиданности, но секрет она выдала сразу.

— Джамас хочет воссоздать у Элиона нейронные связи.

— Элион? Что за Элион?

— Это первый робот на биомолекулярной основе. Пока он тумба тумбой. Но Джамас обещает сделать его мудрецом.

— Что значит — на биомолекулярной основе?

— Он создан из клеток. И даже питается, как живое существо.

— Как живое существо?! Но разве Джамасу не известно, что на корабле не должны находиться посторонние?

— Запрет распространяется только на людей. На роботов нет запрета.

— На роботов — да, — подтвердил я. — Но не на каких-то биомолекулярных субъектов. Как он выглядит, этот Элион?

— Он противный!

— На что он похож: на человека, на животное?

— Он мерзкий...

Более точного определения я не добился от нее. И вовсе не потому, что она не хотела выдать тайны. Едва речь заходила про Элиона, у Зинаи появлялась гримаса гадливости, и она твердила одно и то же: «Он противный. Он мерзкий. Не переносу его».

Формально я мог ни во что не вмешиваться: согласно приказу Джамас имел право взять на корабль необходимое снаряжение и оборудование. Какое именно — его дело. Мне не дали указаний проверить. А очень похоже, что тут пахивало киборгом. Запрет на них пока еще не снят. Так что, если я не приму мер, меня не поглядят по головке. Нужно действовать.

— Разрешите, командир?

Я взглянул вверх: Джамас повис в распахнутом створе входного люка.

Пират с разгону кинулся навстречу нейроквантику. Он уже наловчился управлять своим телом в невесомости: оторвавшись от пола, едва заметными движениями хвоста лавировал в воздухе.

— Входите.

Джамас в воздухе потрепал загривок Пирату. Оба они по окатой стене спустились на пол. Мельком я отметил восторг, вспыхнувший на лице Зинаи. Феба степенно приблизилась к нейроквантику, головою потерлась о его ноги.

Я показал Джамасу на кресло. Разговор об Элионе решил пока не затевать. Вначале выясню, с чем он явился ко мне. Пират, как и при первой их встрече, быстро утихомирился, раз-

легся на полу под ногами Джамаса. Зиная и Феба тоже притихли.

— Вы послали очередные ходы? — спросил Джамас, поглядев на шахматы.

— Да.

— Берусь предсказать ответные ходы вашего партнера, — объявил он. В его голосе мне почудилась хитринка, да и на лице промелькнуло нечто похожее. Оно вовсе не было таким бесстрастным, каким казалось мне при нашем первом свидании.

— Какие же? — Джамас сумел заинтриговать меня: откуда он может знать, как поступит Глоб?

— Мне нужно связаться с Элионом. Можно от вас?

— Свяжитесь. — Это хорошо, что он сам упомянул про Элиона. Невольно я заметил, как насторожилась Зиная.

Джамас включил походный датчик и по радио передал Элиону ходы, сделанные мною на всех десяти досках.

Некоторое время длилось молчание. Мне опять показалось, будто на губах нейроквантика скользнула загадочная улыбка.

Вскоре пришел ответ. Мы по очереди поставили все десять позиций, и Джамас сделал ответные ходы, сообщенные Элионом.

Не такой уж чурбан этот Элион, как считает Зиная: его ходы не были заурядными. Возможно, Глоб именно так и ответит.

— Кстати, поскольку зашел разговор об Элионе, я хочу знать, в чем заключается ваш эксперимент? И что такое Элион?

— Что ж, я мог бы рассказать хоть сейчас. Но лучше вам увидеть все своими глазами.

Признаюсь, меня даже несколько огорчила готовность Джамаса удовлетворить мое любопытство.

— Отправимся сейчас, — сказал я.

— Зиная, ты мне понадобишься, — сказал Джамас. — Твои питомцы обойдутся без тебя?

— Обойдутся. Я заглядывала к ним недавно. Можно взять Пирата и Фебу?

— Можно, — разрешил Джамас. — Только не пускать в лабораторию.

Сопровождаемые собаками, мы направились к месту сочленения астероида с «Гроссмейстером», туда, где находился переход в спортивный зал и глубокий туннель.

Рядом с громадой-астероидом «Гроссмейстер» всего лишь булабочная иголка. Если смотреть со стороны в сильный телескоп — скажем, именно так могли видеть нас с Ларта, когда мы крутились у них на орбите, — можно отчетливо различить светящуюся отраженным светом глыбу льда и воткнутый в нее железный гвоздь. На самом же деле наш корабль около трех ки-

лометров в длину, а его диаметр больше ста метров.

Специальные антенны, установленные на трех спутниках, сопровождающих астероид, позволяют мне видеть извне ледяную громаду и воткнуть в него иглу «Гроссмейстера». С тех пор, как мы взяли курс на Земтер, я ежедневно осматриваю астероид, проверяю, не появились ли трещины и расколы. Хотя автоматическая система контроля при малейшей опасности сама даст сигнал тревоги, я обязан регулярно вести наблюдения. За десять лет моя зрительная память запечатлела тускло мерцающий космический айсберг во всех подробностях...

Мы достигли соединительного тамбура, через который можно попасть из корабля в ледовый зал. Десять лет назад здесь не было ничего, кроме спортивной арены: устав обязывал каждого из нас не менее трех-четырёх часов в сутки заниматься физическими упражнениями.

Пока автоматы готовили кабину, которая по двухсоткилометровому туннелю доставит нас в глубь астероида, Зиня не утерпела, нацепила коньки. В своем светящемся алом костюме, сопровождаемая собаками, она исполняла такие трюки, что невозможно было оторвать глаз.

Джамас первый забрался в кабину и подал сигнал. Зиня сбросила коньки, собаки послушно запрыгнули внутрь по ее команде.

Путешествие заняло несколько минут. Кабина пришвартовалась возле тамбура, ведущего во владения Джамаса. Круглый коридор изнутри обтянут теплозащитной пленкой. Сквозь нее просвечивал лед. При свете наших походных фонарей он вспыхивал всевозможными переливами красок.

— Правда, хорошо? — сказала Зиня. Мы с нею чуточку приотстали от Джамаса.

— Красиво, — согласился я.

Лаборатория нейроквантика была довольно просторной. Частично под нее использовали естественную полость, существовавшую в астероиде. Стены, потолок и пол облицованы непрозрачными изоляционными пластинами.

Близ дальней стены за широченным рабочим столом на вращающемся стуле спиной к нам сидел человек. Или же существо, сильно похожее на человека. Какая-то необычная скованность была в его позе. Я догадался, что это и есть Элион. Справа в углу виднелись привычные очертания счетной машины.

— Здравствуй, Элион, — ровным голосом произнес Джамас.

— Здравствуй, Джамас, — бесстрастно отозвался тот.

В отличие от роботов, которые обслуживали «Гроссмейстер», в голосе Элиона не слышалось дребезжания, он показался мне даже похожим на голос Джамаса.

— Я пришел не один.

— С тобой Зиная.

— Не только она. Лабораторию посетил командир корабля.

— Здравствуйте, шеф, — Элион медленно повернулся к нам.

— Здравствуй, Элион, — машинально проговорил я, уставившись на робота.

Не остолбенел я лишь потому, что умею владеть собой. Робот, сидящий в кресле, был точной копией Джамаса.

Пират подбежал к Элиону, обнюхал ботинки и равнодушно отошел в сторону. Вслед за ним то же проделала Феба. Истукан, сидящий за столом, нисколько не заинтересовал собак.

— Зиная! — голос Джамаса прозвучал непривычно властно и раздраженно.

— Я не смогла их удержать, — оправдалась Зиная.

— Больше твои собаки не появятся здесь. Я запрещаю тебе брать их с собою. Сейчас же выдвори!

— Феба, Пират, ко мне! — скомандовала Зиная.

— Кто это? — произнес Элион, провожая собак взглядом застывших глаз. — Это живые существа, потому что они передвигаются.

— Да, живые существа — собаки, — подтвердил Джамас. — Ты угадал. Но запомни: одного признака — передвигаются — для точного определения еще мало. Ты должен установить: передвигаются по своей воле или же им задана жесткая программа.

— Фокус устарел, — сказал я. — Зачем вам понадобилось делать автомат похожим на человека? От этого давно отказались.

— Это не совсем то, что уже было... Элион, спать!

— Повинуюсь, — ответило чучело и, откинув голову на мягкое изголовье, мгновенно затихло, как бы окостенело.

Впрочем, заметно было, что Элион вроде бы дышит — редко и глубоко, как спящий человек.

— Наверное, я должен был заранее подготовить вас к тому, что вы встретите, — сказал Джамас. — Но слишком многое мне пришлось бы объяснять на пальцах. Теперь вы видели Элиона сами и скорее поймете меня. Я велел ему заснуть. Думаю, вам с непривычки не очень приятно разговаривать в его присутствии. Тем более, что он непременно стал бы перебивать наш разговор, задавать вопросы — такова у него сейчас программа.

В комнату вбежала Зиная, захлопнула дверь перед самым носом одураченных собак.

— Многие почему-то недолюбливают его. Не так ли, Зиная?

— Недолюбливают? — с вызовом переспросила та. — Мягко сказано.

— Ты, как всегда, откровенна. Молодчина, —

похвалил он ее с оттенком иронии в голосе. — Достань расчеты.

Слева помещался просторный шкаф, встроенный в ледяную стену. Зиная открыла его, извлекла объемистую папку.

Джамас разложил на столе диаграммы и схемы.

— Здесь все, что относится к нашему эксперименту, — сказал он. — Хотите познакомиться?

Хотя предложение казалось вполне любезным, в нем — я так решил — был и скрытый подвох. Джамас ведь отлично понимал, что все его схемы и чертежи для меня сущая тарабарщина. Один, без чьей-то помощи, я не разберусь в них.

Я пожалел, что в свое время не увлекался нейроквантикой. И все же не настолько я туп, чтобы не разобраться в этих чертежах и формулах с помощью элементарного учебника, который найдется в корабельной библиотеке...

— Я заберу ваш расчет, — сказал я Джамасу. — Вникну на досуге. Это должно быть очень увлекательно.

Лицо Джамаса не выразило никаких чувств. Либо он абсолютно уверен, что самостоятельно я не разберусь в его бумагах, либо тут скрыто что-то другое.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Нелегкую взвалил я на себя задачу. Я уже на два раза бегло пролистал бумаги, пытаюсь отыскать хоть одну знакомую формулу. Ничего. Толстенный учебник нейроквантики лежал на моем столе. Мне даже раскрывать его не хотелось. Может быть, я все же избрал неверный путь? Проще было вынудить Джамаса подробно рассказать про эксперимент, придраться к чему-нибудь, хитроумными ловушечными вопросами заставить проговориться...

Я ограничился полумерами. Отдал распоряжение опекунам следить за каждым шагом Джамаса. Пока он будет находиться внутри корабля, я могу оставаться спокоен. Жаль, что в его лаборатории опекуны не установлены. Мое упущение. Я должен был позаботиться об этом еще на орбите Ларта, когда автопроходчики сооружали ледовый туннель и зал для лаборатории...

Опекуны — роботы специального назначения. О том, что они есть на корабле, никто, кроме меня, не знает. У них лишь две задачи: первая — наблюдать и доносить, вторая — взять под арест любого человека по моему приказу. Первую задачу опекуны выполняли, не выдавая себя: они искусно вмонтированы в различных местах — где в стене, где в балке или колонне. Пульт дистанционного управления ими всегда при мне. Двое опекунов установлены в соеди-

нительном тамбуре, при необходимости я могу приказывать им не выпускать Джамаса из корабля. Пока же приказал лишь докладывать мне обо всех, кто направляется в спортивный зал.

Поэтому сейчас я отлично знал, что Джамас за последние сутки не покидал корабля. Зиная выходила несколько раз ненадолго, проводывая своих мальков.

Пришел ответ на мои очередные ходы. Признаюсь, я обрадовался возможности отвлечься от мрачных предчувствий. Меня поджидал сюрприз. До сих пор я не очень-то верил, что Элион способен отгадать намерения Глоба. Но на всех десяти досках ходы, сделанные Глобом, в точности совпали с предсказанными. Теперь я уже не смогу обдумывать шахматную позицию без того, чтобы не вспомнить Элиона. Этак он, чего доброго, и за меня сыграет!

Появился лишний повод увидеться и поговорить с Джамасом. Я справился у опекунов, где он находится, и связался с ним.

— С Земтера поступили очередные шахматные ходы, — сказал я. — Вас это интересует?

— О, да! — воскликнул он.

— Взгляните. — Я направил дополнительный объектив на позиции, расставленные на рабочем столе, и добавил: — На остальных досках тоже полное совпадение.

— Так и должно быть, — в его голосе прозвучало удовлетворение. Похоже, что, хотя он и ждал подобного результата, все же кое-какие сомнения у него до этой минуты еще были.

— Почему вы уверены, что Глоб должен был рассуждать именно так, а не иначе?

— Хотите проверить себя? — предложил Джамас. — Проверить, сможет ли Элион предугадать ваши ответы?

— Любопытно, — согласился я.

— В таком случае посвятите ближайшие два-три часа шахматам: обдумайте свои ходы. А я дам такое же задание Элиону.

Похоже, что у Пирата возникли собственные привычки. Едва появился Джамас, щенок забрался к нему под кресло и задремал.

Ответы Элиона совпали с моими лишь на трех досках. В одной позиции ход, предложенный роботом, пожалуй, был точнее моего. На остальных досках я бы не стал следовать его рекомендациям. Особенно в партии, где у меня было явно худшее положение.

— На этот раз Элион промахнулся. Видимо, совпадение с ходами Глоба было случайным.

— Случайным? На всех десяти досках!

Да, он, конечно, прав: слишком странное совпадение.

— Я ждал этого, — сказал Джамас. — Ваши ходы и ходы Элиона не должны быть одинаковыми. И трех-то совпадений много.

— Почему же с Глобом стопроцентное совпадение?

— Вы уверены, что против вас играет Глоб?

— Кто же? Лабораторией заведует он. Если даже в обсуждении позиций участвуют другие сотрудники, все равно решающее слово за Глобом. Я знаю его слишком хорошо. Он еще в школе увлекался шахматами и неплохо играл уже тогда.

— Об этом и я знаю. — Джамас словно бы не договаривал чего-то.

— Вы знакомы с ним?

— Нет. Но про его увлеченность шахматами известно всему миру: ведь создание шах-программ для счетных автоматов — его идея.

— А почему же тогда вы думаете, что играет не он?

— Я убежден в этом. Не он и не его сотрудники. Против вас играет счетный автомат. По программе, разработанной Глобом.

— Чепуха! — не удержался я от негодуящего возгласа.

— И все-таки все прошедшие годы вы состязались со счетной машиной. Подвох я заподозрил с самого начала, но окончательно убедился в этом лишь теперь. Помог Элион.

— По-моему, вы заблуждаетесь, — сказал я и обрадованно улыбнулся пришедшему на ум доводу. — За прошедшие годы состоялось пять отборочных турниров. В каждом очередном играли победители предыдущих. И должен заметить: на новом этапе мне всегда приходилось встречаться с более сильным соперником.

Довод выглядел убедительным, но Джамасу, судя по улыбке, скользнувшей по его лицу, было что возразить.

— Так и есть. Я внимательно изучил все ваши партии и могу судить об этом. У машины накапливался опыт, и на каждом этапе Глоб вносил поправки и дополнения в алгоритм. Улучшалась программа, по которой играла машина. Иначе не имело и смысла затевать все это. Возможно, что и машина тоже совершенствовалась, но это уже не главное, главное — программа. Вы, разумеется, слышали об истории шахмат?

— Очень смутно, — признался я. — Знаю только, что они появились у нас всего лишь пятьдесят лет назад...

История шахмат выглядела любопытно. Если, конечно, верить тому, что рассказал Джамас.

Раскапывая стоянку первобытного человека, археологи сделали сенсационную находку — в древних слоях обнаружили книгу, отпечатанную неизвестными знаками на листах из химически стойкого материала, неизвестного на Земтере. Наиболее расхожей стала гипотеза о том, что книга попала на Земтер с другой планеты, хотя между специалистами споры об этом не прекращаются до сих пор.

Лингвисты расшифровали язык и прочли текст. В книге рассказывалось, каких успехов достигла нейроквантика—у инопланетян она называлась по-другому—благодаря использованию шах-программ для счетных машин. Каковы были машины, об этом ни слова—только о программах.

Одна из глав книги была посвящена описанию шахматной игры.

За многие столетия у прежних хозяев книги накопилось огромное число сыгранных партий. Большая часть из них была записана. Кроме того, существовали шахматные учебники, были разработаны начала партий, середина игры и, особенно, окончания. Инопланетяне знали буквально тысячи позиций, проанализированных до заключительного результата. Когда у них появились первые счетные машины, составители программ сразу же обратились к шахматам. Использовали богатейший опыт мудреной игры.

К шахматам обратился и Глоб. Но у него не было того огромного материала, каким располагали ученые неведомой планеты. Затянутые им состязания и должны восполнить пробел.

— Глоб решил воспользоваться готовыми программами машин, какие нашел в книге?

— Нет. В книге описан только принципиальный подход к делу.

— Не представляю, как автомат играет в шахматы. Как он видит позицию?

— Он не видит. А если бы и видел, ему не помогло бы это. Образа позиции, как целого, у машины все равно не возникнет. Если бы автоматы умели воспринимать образы, вам не потребовалось бы отыскивать от метафор и острот—они понимали бы все.

— Как же в таком случае играет счетная машина?

— Каждому шахматисту известно, что сравнительная сила фигур во время игры непостоянна. Возможны позиции, где конь сильнее ладьи и даже ферзя. Сильнее ферзя может оказаться даже пешка. Возьмем хотя бы эту партию... Ваша ладья, запертая собственными фигурами, в игре не участвует, а ладья противника держит под обстрелом центральную вертикаль. Очевидно, здесь сравнительная стоимость черной и белой ладей неодинакова. Установить шкалу, по которой можно было бы оценивать фигуры в различных позициях, не просто. Этим, в основном, и занимается Глоб, постепенно уточняя свою программу...

— Если я верно понял, — перебил я Джамаса, — автомат «мысленно» делает ход и считает позицию. Перебрав много ходов, выбирает лучший из них.

— В этом-то и состоит главная загвоздка! Если бы шахматисты выбирали лучший ход, пользуясь каким-то четким правилом, машина давно превзошла бы человека. Но беда в том,

что никто не знает такого правила. Глоб задался целью открыть закономерности шахматной игры и вывести строгие и четкие правила. Не опираться на какое-то туманное наитие. Ему нужны формулы. Он добивается, чтобы машина не перебирала варианты, а оценивала позицию.

— А вы не считаете этот путь верным?

— Подход правильный. Зная законы игры и оценивая по ним позицию, машина станет играть значительно сильнее, чем теперь. Но... ведь даже плохой игрок не занимается с самого начала расчетом всех вариантов.

— Похоже, что у вас другой подход к проблеме?

— Отчасти, — согласился Джамас. — Хорошая программа необходима машине. Без этого она понапрасну будет тратить свое время. Но программа—не единственное, чего недостает машине.

— Обучить ее интуиции?

— Если бы это было возможно...

— Вы считаете это недостижимым?—Я задал свой вопрос неспроста: Джамас увлекся темой, сел на своего конька и может невзначай проговориться.

— Нельзя разложить это понятие на части и записать в виде простой формулы. Интуиция—это свойство живого, возникшее в ходе эволюции. Число вариантов в шахматной игре все же конечно—просто оно очень велико. Но существуют задачи из класса подлинной бесконечности—в жизни они возникали и возникают на каждом шагу. Зайцу, удирающему от волка, приходится решать именно такую задачу... То, что мы называем интуицией, и есть способность живых организмов принимать мгновенные решения в ситуациях, которых никогда не было в прошлом и которые, возможно, никогда не повторятся в будущем.

— Значит, по-вашему, машину нельзя обучить интуиции?

— Нельзя.

— А если создать киборга?—я произнес это слово как можно небрежней, будто оно случайно сорвалось с языка. Однако поймать Джамаса не удалось. Он сразу насторожился.

— Почему вы спросили о киборге?

— Так. Мне пришло на ум, что если соединить интуицию человека с быстротой расчета машины, результат может быть ошеломляющим.

— Мне кажется, Памелл, вы подозреваете, не создаю ли я киборга? Вас настораживает Элион?

— Во всяком случае, доверия он не внушает,—признался я.

— Я допустил ошибку, сделав его слишком похожим на человека. Это почему-то вызывает невольный протест. У всех. Вначале я думал: одна Зиная не любит его.

— Как вам удалось обучить его игре в шах-

маты за столь малое время? Глоб занимается этим много лет.

— Тут дело вовсе не в способностях Элиона. Зная программу, найти решения в позициях может любая счетная машина. Главным для меня было разгадать алгоритм, какой задал Глоб своему автомату.

— Значит, это ваша заслуга?

— Можно считать так. Я доволен результатом. Теперь я представляю, что именно можно ждать от Глоба в ближайшее время.

— Желаю удачи... И победы.

Мне очень хотелось верить, что Джамас ничего не утаил. А победы над Глобом я желал искренне. Теперь, когда я поверил, что играю всего лишь против машины, я вынужден был признать: Глоб обставил меня по всем статьям. Давняя победа на конкурсе обернулась для меня поражением.

— А игру я прекращаю.

Мне показалось, Джамас вздрогнул от неожиданности. Точнее, слегка вздрогнули его скулы.

— Зачем же? Если вам доставляет удовольствие...

— Теперь не будет доставлять.

— Отчего же? Я бы на вашем месте непременно постарался взять верх над машиной. Кстати, теперь, зная, как «мыслит» машина, вам проще будет играть. Нужно стремиться ставить ей как можно больше неожиданных продолжений. Можно спасти даже и эту партию,— опять кивнул он на шахматную доску.— Вы правильно поступили, пожертвовав ферзя. Расчеты усложнились, и автомат может запутаться.

— Что ж, пожалуй, вы правы. Доведу матч до конца. Это будет даже любопытно.

Я сказал это отчасти затем, чтобы успокоить Джамаса. Мне показалось, что мой отказ продолжать игру его не на шутку встревожил. Интересно, почему?

Я поднялся. Вскочил и Пират, безмятежно спавший до этого. Джамас машинально потрепал его загривок, пощекотал за ушами.

Должен признать: разобраться в бумагах Джамаса я не смогу. Точнее, смогу, конечно же, смогу. Но не будет ли поздно? Ясно, что несколькими днями мне не отделаться.

А сколько у меня времени, я не знал. У себя в лаборатории Джамас полный хозяин. Я совершенно не представляю, чем он занимается... В сотый раз смотрел я на раскрытую папку с планом работ Джамаса—чертежи, виртуозные завитушки знаков, какими написаны формулы. У Джамаса четкий почерк. Понимай я хоть что-нибудь, разобраться было бы нетрудно.

Нет. Я решительно отложил папку. Придвинул шахматную доску. Несколько фигур упали,

я машинально поставил их на место. Зачем мне мучиться над дурацкими формулами, когда можно послать отчет обо всем в центр и ждать решения? Если им известно, чем занимается Джамас, дадут указание не вмешиваться. Если мое сообщение окажется для них неожиданным—я получу подробные инструкции, как поступать в дальнейшем.

Теперь я уже не мог просто обдумывать ходы, как раньше. В голове все время вертелось одно и то же: как расценит этот ход машина?

Если я сделаю ход конем, машина должна посчитать его слабым: с этого места конь берет под бой всего три поля, к тому же два из них заняты собственными пешками. Но, с другой стороны, я открываю ход ладье—это должно приплюсовать к позиции какую-то сумму. Во сколько единиц оценит ее машина? Впрочем, я все равно не успеваю ввести ладью—партнер нападает на моего коня пешкой, и, чтобы не потерять еще одну фигуру, я должен буду отступить на прежнее место. В результате соперник выигрывает темп.

«А что, если не отступать... Хм, сомнительная находка. В такой позиции еще и коня пожертвовать?»

И все же, несмотря на абсурдность хода, я продолжал раздумывать над ним. Я вполне сознавал, что трачу время впустую, но ничего лучшего не приходило на ум. И удивительное дело, чем больше я думал над позицией, тем запутаннее казалась она. Ценой этой второй жертвы можно будет, наконец, ввести в игру остальные фигуры, создать встречные угрозы. А в одном из вариантов я могу далеко продвинуть пешку. Правда, он сразу заблокирует ее, но... Дальше начинался сплошной туман. Либо я вообще останусь ни с чем, либо...

Что-то смутное отвлекало меня. Не мысль, а какое-то чувство. Едва я подумал об этом, как сразу догадался, что именно. Наступил час, когда обычно приходит Зиная. Играет с собаками, потом мы занимаемся с нею, учим правила хорошего тона. Вернее, она упражняется перед зеркалом, а после я экзаменую ее. О наших занятиях никто не знает. Зиная предупредила, чтобы я не проговорился при Джамасе. Я понимал ее. Тайком я и сам пробовал научиться кое-чему—хотя бы улыбаться.

Зиная опаздывала. Скорее всего, она сейчас у своих мальков: измеряет в бассейне температуру, давление и прочие показатели, задает корм...

Я и не подозревал, что у меня возникла уже новая привычка. Мне просто не доставало сейчас собачьего визга, шума, возни, окриков Зинаи: «Феба—ко мне! Пират—не смей! Ты мне комбинезон прокусишь!..» В играх Пират был особенно невожат и агрессивен. Я испытал это на себе. Зиная говорит, что таков его воз-

раст: у него растут зубы, и ему необходимо что-нибудь грызть. Специально для него она приносила каждый раз новые игрушки — запаслась ими с Ларта. Некоторые из них Пират раздирал мгновенно. Больше всего ему понравился раскрашенный мяч. Он был упруг и прочен, Пират так и не смог прокусить его.

Как всегда, щенок первым почувал приближение Зинаи. Забеспокоился, вскочил на ноги, с ожиданием поглядывал на дверь, нетерпеливо стучал хвостом. Признаюсь, я тоже обрадовался. Включил обзор коридора и в самом деле увидел Зинаю вместе с Фебой — они только что вышли из своей каюты и направлялись к нам. Я недоуменно посмотрел на Пирата. Удивительное существо. Как он может чують их на таком расстоянии?

Едва наверху открылась дверь, Пират кинулся навстречу, словно не виделся с ними вечность. Он всегда очень бурно переживает даже вот такие маленькие радости. Да и Зиная недалеко от него ушла. Из всей троицы сдержаннее всех Феба. Прodelав акробатическое сальто, подруливая хвостом, она опустилась на пол рядом с креслом. Прежде всего подошла ко мне. Я потрепал ей загривок. Наши встречи с нею выглядят особенно сдержанными на фоне буйной радости, какую проявляют Пират и Зиная.

Я посидел еще над шахматной доской. Совершенно, впрочем, напрасно: новых замыслов в голову не приходило. Дал возможность Зинае и Пирату умяться. И когда оба они, усталые и довольные, развалились на полу и Феба тоже пристроилась к ним, позвал Зинаю.

Возможно, будь у Зинаи другой педагог, она смогла бы далеко продвинуться за это время. Мы с нею, по существу, топтались на одном месте: она все еще репетировала любезную улыбку, предназначенную для неприятного ей человека.

— Представь, что ты встретила Элиона, — подсказал я.

Зиная скорчила такую мину, что я невольно улыбнулся. Но, по-моему, я нашел для нее хороший метод.

— Раз уж у тебя нет других врагов, вообрази Элиона.

Она нахмурила брови и сосредоточилась. Наконец, ей удалось изобразить довольно-таки кислую улыбку.

— Уже лучше, чем это делает Элион, — одобрил я.

— Он еще и ходить-то не умеет, не то что улыбаться!

— Кто его учит ходить? Джамас?

— Нет, он учится сам. Штудирует законы физики. При каждом движении учитывает, как переместился центр тяжести, и вычисляет, что нужно сделать, чтобы сохранить равновесие.

— Ого! И каковы же успехи!

— Научился ползать на четвереньках. Тошно смотреть!

Этот разговор неожиданно успокоил меня. Смешно подозревать, что ползающая каракатица может представлять какую бы то ни было опасность. Жаль только, что на Земтере демонстрация Элиона невольно вызовет смехи. Но зато он в два счета обыграет машину Глоба. В этом я совершенно уверен.

Джамаса я не ждал. Он появился неожиданно и для Зинаи — она так и застыла со своей неестественной улыбкой.

— Прошу прощения, я ненадолго, — объявил Джамас. — Нужно заглянуть в папку, припомнить один график. Вы позволите?

— Вы можете забрать свои документы. То, что мне требовалось, я посмотрел.

Я, конечно, не стал объяснять ему, что не понял в его расчетах ни единой строчки, ни одной формулы. Не было никакого смысла держать папку у себя. Пусть он обучает Элиона ползать на четвереньках и играть в шахматы, лишь бы тот утер нос Глобу.

Пока мы разговаривали, Зиная проделывала что-то с ушами Пирата, пытаясь поставить их торчком, как у Фебы. Не получалось.

— Наверно, уши у него так и будут висеть, — огорчилась она.

— Дурная наследственность, — сказал я.

— Обязательно дурная? — не согласилась Зиная. — Это на Земтере раньше было заведено убивать собак, которые рождались не такими, как хотелось людям. Жестоко и несправедливо!

— Но иначе невозможно было вывести нужную породу. Приходилось отбирать лучших.

— Так-то оно так, — неожиданно вмешался в наш разговор Джамас, — но в целом подобная методика сужает возможности вида. Ведь целесообразность отбора диктовалась интересами не собак, а их хозяев. Опаснее же всего, что на Земтере селекцию проводят и на людях. Тоже улучшают породу...

— Где вы слышали про подобные опыты?

— А разве изгнание элатов не та же селекция?

Вот, оказывается, что он имеет в виду. В конце прошлого века истинные изгнали из страны элатов и всех, кого заподозрили в примеси их крови. Об этом я хорошо знал из истории. Знал и причину.

— Элаты были зачинщиками внутренних раздоров. Бунтарство у них в крови.

— Вы убеждены, что причиной раздоров были только элаты?

— Кто же еще? Это подтверждает прошлая история страны.

— История, в которой не только заключения, но и сами факты подтасованы.

— Я бы на вашем месте воздержался от подобных высказываний.

Я почувствовал, как окреп мой голос — в нем явственно прозвучал металл. Джамас коснулся пункта, который не подлежит обсуждению. Властью командира я имел право немедленно арестовать его. Опекуны, спрятанные в специальных нишах, проделали бы операцию мгновенно, стоило только подать команду. Возможно, не будь с нами Зинаи, я не преминул бы воспользоваться этим.

— А вы сами, Памелл, не пытались осмыслить вашу историю?

— Она и ваша история, — напомнил я. Меня так и подмывало пустить в дело опекунов. — Мне незачем переосмысливать — учебник по истории писали специалисты.

— Все равно, подумать самому не лишне.

— Я требую, чтобы вы прекратили этот разговор.

— Не понимаю, чего вы боитесь? Я могу поколебать ваши убеждения? Все. Подчиняюсь, командир. Умолкаю. — Джамас шутливо вскинул кверху руки. — Сдаюсь. В ваших руках власть. Я бессилен.

При этом он с какой-то странной улыбкой взглянул как раз на то место, где были замаскированы опекуны. Можно было подумать — ему что-то известно.

— Переведем разговор на другую тему, — предложил он. — Как-никак «Гроссмейстер» не место для дискуссий, а космический корабль, и на борту действует устав.

— Да, на борту действует устав, — сказал я. — Устав, который обязаны соблюдать все. Не будем больше затрагивать этой темы. Признаться, мне очень жаль, что вы многого не понимаете. Более чем странно сомневаться в правоте истинных на борту корабля, который несет спасение всему человечеству. И это делаем мы, а вовсе не праведные. А чистая вода нужна всем. Даже и элатам, которых приютили праведные. Вы, живущие на Ларте, не представляете, что значит нехватка воды.

— Поражаюсь, как вы не вспомнили про гуманную миссию раньше, — сказал Джамас. — Этим вы окончательно сразили меня.

Хотя он произнес эти слова без улыбки, смешливые искорки в раскосых смолистых глазах выдали его с головой.

— Нет, Джамас, — мне хотелось чисто потечески спасти заблудшую душу этого человека, — не над всем можно иронизировать. Поверьте мне, есть вещи, достойные того, чтобы относиться к ним серьезно.

— Помилуйте, какая может быть ирония? Спасение человечества от жажды — это ли не «благое дело»?

— Поэтому я и хочу, чтобы вы говорили на эту тему более серьезным тоном.

— Готов молиться. На вас тоже, Памелл. Вы человек искренний, верите во все, что говорите. Верите, что несете спасение Земтеру.

— А разве это не так?!

— Так.

— Вы чего-то не договариваете.

Я заметил, что Зиная внимательно слушает наш разговор, удивленно перебрасывая взгляд с Джамаса на меня.

— Хорошо, если вы окажетесь правы,— сказал Джамас.

— Удивляюсь, как можно сомневаться в том, что есть?

— Можно. Если... Если в ближайшее время ничего исключительного не произойдет, я охотно признаю вашу правоту.

После я долго размышлял: что же хотел сказать Джамас своей последней фразой?

Ясно было одно — обстановка на Ларте ненормальная. Истинные и праведные живут там бок о бок. Да еще элаты. Эти совратят кого угодно. Не иначе как от них Джамас и нахватался крамолы. Если бы я не испытывал к нему невольной симпатии, если бы не желал ему удачи в поединке с Глобом, я давно заточил бы его в изолятор.

Нужно признать, что и мое поведение не было безупречным: я не имел права принимать в расчет такую ненадежную вещь, как чувство симпатии к кому бы то ни было. Тем более к человеку, который высказывает крамолу.

Подшло время, и я по привычке направился в тренировочный зал. За двадцать лет я не пропустил ни одного дня. Без регулярных занятий спортом я не сохранил бы свое тело и мозг готовыми действовать в любой обстановке.

В зале я застал Зинаю с Фебой и Пиратом. Свившись в клубок, они кружились вдоль борта, где тяготение падало почти до нуля. В центре клубка алел комбинезон Зинаи. Она включила обогрев, и мигающее свечение озаряло их всех. Заливисто и восторженно лаял Пират, басовито, сдержанно подавала голос Феба. Но решительно все перекрывали звонкие крики Зинаи.

Они и меня завлекли в вертящийся клубок. Я пробовал сохранить командирскую солидность, держаться степенно, с достоинством, но выполнить это, когда ты кувыркаешься в воздухе, невозможно...

Спустя полчаса устроили короткий перерыв.

— Зиная, верно, что вы постоянно общаетесь с праведными? — спросил я. — У вас на Ларте не признают границ и не охраняют их?

— Зачем границы? — удивилась она.

— Но ведь на Ларте часть территории принадлежит нам, а другая часть — праведным.

— Ну и что? От кого охранять? Нам чаще приходится выручать друг друга. Когда они попадают в беду вблизи наших станций — мы спешим на помощь, когда беда случается с нашими отрядами — выручают они.

М-да, условия у них, конечно, особые. Этого я не в силах себе представить.

— И среди праведных много элатов?

— Угу, — подтвердила она.

— Вы их тоже выручаете?

— Почему же нет? Они ведь спасают нас, когда нам плохо...

— Элаты? — не поверил я.

— Элаты, — подтвердила Зиная. — Они такие же люди. Разве что глаза у них голубые. Да и то не у всех.

— Они обманщики и хитрецы. Голубые глаза — признак лживости природы, — сказал я.

— И ты веришь в эти басни?! — она изумленно округлила глаза, словно я произнес бог весть какую чушь.

— Это записано в учебниках.

— Но я за всю жизнь ни разу не слышала, чтобы элаты кого-нибудь обманули!

— Они искусные притворщики.

Невольно я и сам покраснел, мне стало стыдно за глупость, которую я произнес. Что же, они нарочно притворяются честными? Разве можно притворяться честным? Но не этот ли самый довод — элаты притворщики и лжецы — много раз слышал я, еще будучи на Земтере? И ни разу не задумался, не осознал его нелепости...

Внезапно засигналил походный пульт, лежавший у меня в кармане. За двадцать лет не было еще случая, чтобы кто-то беспокоил меня во время тренировочного часа.

— В чем дело? — спросил я, испытывая невольную тревогу, и поднес к уху динамик, предварительно убавив громкость, чтобы не могла слышать Зиная.

— С Земтера передали чрезвычайное сообщение открытым текстом, — объявил связист. — Началась война.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

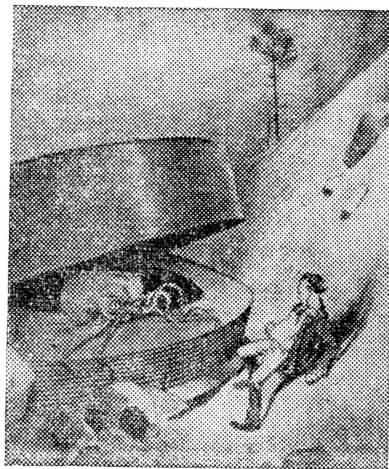
■ Прогнозы писателей

■ о науке, прогрессе, мечте

■ Прогнозы ученых

■ Стихи и гипотезы

■ Каков ты, собрат по разуму?

Каков ты, собрат по разуму?

«Большая сероватая круглая туша, величиной, пожалуй, с медведя, медленно, с трудом вылезала из цилиндра... Два больших темных глаза пристально смотрели на меня. У чудовища была круглая голова и, если можно так выразиться, лицо. Под глазами находился рот, безгубые края которого двигались и дрожали, выпуская слюну. Чудовище тяжело дышало, и все его тело судорожно пульсировало. Одно его тонкое щупальце упиралось в край цилиндра, другим оно размахивало в воздухе».

Г. УЭЛЛС.
Война миров. 1898.

Самодвижущиеся дороги

«Их начали строить давно, и теперь они тянулись через многие города, образуя непрерывную разветвленную материковую систему от Пиренеев до Тянь-Шаня и на юг через равнины Китая до Ханоя, а в Америке — от порта Юкон до Огненной Земли.

Дорога текла в нескольких шагах шестью ровными серыми потоками. Полосы двигались с разными скоростями и отделялись друг от друга вершковыми белыми барьерами. На полосах сидели, стояли, шли люди.

Дорога текла плавно, без толчков; зеленые кусты и коричневые стволы сосен весело бежали назад;

«Холодная» металлургия

«Огромное изобилие электроэнергии создает основу для неограниченного получения любых металлов. Дело в том, что чем менее богаты металлом руды, тем больше энергии необходимо затратить на их добычу и обогащение. Богатые месторождения будут довольно быстро исчерпаны (подобно залежкам горючих ископаемых). Поэтому с течением времени придется использовать все более бедные руды, и здесь не обойтись без значительной затраты энергии. Научившись обогащать бедные, обычно полиметаллические руды, мы сможем получать широкий ассортимент металлов, так как в рассеянном виде все они имеются в большом количестве в земной коре, в расплавленной магме под земной корой да и в океане.

Современные научные исследования показали, что мы находимся на грани технико-экономической возможности извлечения золота и особенно урана из морской воды, хотя эти металлы находятся там в ничтожных концентрациях.

Уже сейчас начинает развиваться гидрометаллургия, основанная на растворении ценных компонентов пород в активных химических средах и последующем извлечении нужных элементов... Гидрометаллургия близка к соревнованию с пирометаллургией — огневой («горячей») металлургией.

Не исключена возможность, что в будущем при наличии большого количества дешевой энергии эта «холодная» металлургия в какой-то степени вытеснит «горячую».

Н. Н. СЕМЕНОВ,
академик.

в просветах между ветвями появлялись и исчезали большие стеклянные здания, светлые коттеджи...

Женя говорил, будто дороги эти не потребляют энергии и не боятся времени; будучи разрушенными, восстанавливаются сами; легко взбираются на горы и перебарываются мостами через пропасти. По словам Жени, эти дороги будут существовать и двигаться вечно... И еще Женя говорил, что самодвижущиеся дороги — это, собственно, не дороги, а поток чего-то среднего между живым и неживым».

А. и Б. СТРУГАЦКИЕ.
Возвращение. 1962.

Леонид
МАРТЫНОВ

Успокоился воздух

Успокоился воздух,
И дубравы, и нивы...
Только где-то на звездах
Какие-то взрывы.
На земле уже нет их,
И довольно, не надо!
Лишь на дальних планетах
Звучит канонада.
На земле нашей тоже
Так бывало когда-то —
На груди ее лежа,
Умирали солдаты,
Догорали селенья,
Вился пепел угасший...
«Это были мгновенья
Предыстории нашей!» —
Так бы крикнуть хотелось,
Что от всяких напастей
Прочь Земля отвертелась
И в беду не попасть ей.
Успокоился воздух,
Успокоились воды...
Только где-то на звездах
Воюют народы,
Города догорают,
Стреляют орудья
И невинных карают
Неправые судьи.

1962.

«Если последние 50 000 лет существования человека измерить числом поколений, каждое с продолжительностью жизни порядка 62 лет, то всего получится около 800 таких поколений. Из них целых 650 провели свою жизнь в пещерах.

Только при жизни последних 70 поколений оказалось возможным осуществлять — благодаря появлению письменности — эффективную связь между поколениями. Лишь на протяжении жизни последних шести поколений массы людей познакомились с печатным словом. Только при жизни четырех последних поколений люди научились более или менее точно измерять время. Лишь последние два поколения пользовались электромотором. А подавляющее большинство всех материальных ценностей, с которыми мы имеем дело в повседневной жизни, было впервые создано на протяжении жизни нынешнего, 800-го поколения».

О. ТОФЛЕР,
американский социолог и публицист.

Пламя... из воды

Под таким заголовком газеты сообщили недавно об изобретении, идею которого сто лет назад во многом предвосхитил Жюль Верн.

В маленькой озорной повести «Опыт доктора Окса» писатель рассказал о фантастическом городе Кикандоне, где придумали освещение улиц «не вульгарным светильным газом, получающимся при перегонке каменного угля, но новейшим газом, который ярче в двадцать раз, — оксигидрическим газом, образующимся при смещении кислорода с водородом». Как доктор Окс выделил кислород и водород? Гидролизом. «Электрический ток проходил сквозь большие чаны, наполненные водой, которая и разлагалась на составные элементы, кислород и водород». А как «искусный физик» Окс хотел зажечь уличные светильники? «Каждый газ в отдельности должен был направляться по трубкам к рожкам... Должно было получиться замечательное пламя, не уступающее электрическому свету».

Нынешние ученые словно от пламени этой фантазии зажгли «водородно-кислородный факел» — так назвали в Институте электросварки имени Е. О. Патона АН УССР устройство для резки, пайки и сварки проводов, фольги. Работает это устройство на горючем из воды — на смеси кислорода и водорода. А выделяются эти газы обычным электролизом воды.

Поиски подобных устройств и способов сварки ведут и специалисты США, ФРГ, Японии.

Объять необъятное!

«В Галактике сотни миллиардов звезд, далеких и близких. Сколько же нужно лет, чтобы обследовать все?... Цивилизация, создавшая Двойную Спираль, решила задачу радиальным способом. Она создала всего один Корабль, но он был равнозначен миллиардам кораблей, потому что обладал способностью делиться, создавать себе подобные Двойные Спирали».

Единственный экземпляр размножающегося корабля-автомата отправился к ближайшей звезде. Он исследовал ее планетную систему, а затем внедрился в звездную хромосферу и синтезировал из ее вещества два своих аналога. Теперь три Двойные Спирали питались звездной энергией. Потом сработал механизм своеобразной наследственной памяти, и две новые Спирали ушли в полет. Энергию им передавал с помощью лазерных систем оставшийся в недрах звезды Корабль. Достигнув новых звезд, Двойные Спирали повторили всю стадию размножения, и вот уже четыре корабля готовы к старту.

Процесс развивается лавинообразно, подобно цепной реакции, и уже через тридцать семь ступеней деления количество Двойных Спиралей достигнет ста миллиардов! На исследование всей Галактики уйдет минимально возможный срок — восемьдесят тысяч лет. Столько времени нужно свету, чтобы достигнуть противоположного края Галактики и вернуться обратно.

Все накопленные сведения каждый Корабль при помощи геонсов пересылает на родную планету. Информация полетит все усиливающимся потоком, и цивилизация, по мере развития методов переработки информации, сможет безболезненно усваивать огромные знания...

Наконец, все звезды Галактики будут исследованы. Тогда очередная Спираль отправится к другой Галактике, чтобы положить там начало тому же процессу...»

П. АМНУЭЛЬ, Р. ЛЕОНИДОВ.
Только один старт. 1971.

«Возможно, величайший триумф человеческого гения заключается в том, что человек мог понять вещи, которые он не в силах вообразить».

Л. Д. ЛАНДАУ,
советский физик-теоретик.

«Вулкан в кармане»

Как-то на выставке книг, изданных в Свердловске, заинтересовала меня своей брошкой обложкой одна — роман И. Келлера и Б. Липатова «Вулкан в кармане».

Найти эту книгу (на выставке я видел муляж, самой книги не было) оказалось очень и очень нелегко. Но вот передо мной все пять тридцати страничных ее выпусков. Подобное истинно хирургическое расчленение произведений было характерным на заре становления советского приключенческого романа. Унаследованное от дореволюционных коммерческих времен, оно призвано было заинтриговать читателя: повествование, как правило, обрывалось на самом интересном месте. Так первоначально выходили известные романы М. Шагинян «Месс-Менд» и «Лори Лэн»; так же были изданы «Иприт» В. Иванова и В. Шкловского, анонимные «Большевики по Чемберлену», «Грядущая война» Ю. Сандомирского и некоторые другие книги тех времен. Так же издала свердловская «Урал-книга» в 1925 году большим для тех лет тиражом — 15 000 экземпляров! — фантастический «боевик» молодых уральских авторов, снабдив его отличными иллюстрациями А. Зубова.

Написанная в лихих экспрессионистских тонах, подчас сверхлаконичным, телеграфным языком, изо-

билюющая куцыми обрубками фраз и умышленно неправильным построением предложений, книга сейчас воспринимается как пародия.

О том же свидетельствует и ее сюжет. Он несложен и чем-то напоминает «усеченный» чапековский «Кракатит».

Чешский (отметим это) химик Тадеуш Пряник, маленький лысый чудаковатый профессор, изобретает новое взрывчатое вещество страшной разрушительной силы — «вулканит», «везувиан» (и здесь аналогия с «Кракатитом» Карела Чапека). Об этом проведало эмигрантское эсеровское охвостье, а через них — американский, английский и... парагвайский консулы. Начинается погоня за секретом нового оружия. Заокеанский сыщик Шерлок Пинкертон, его лондонский коллега Штрук идут на все уловки — переодевания, подкуп, убийства. Сам Пряник пытается заинтересовать своим изобретением чешское правительство, его ассистент — немец фон Менау — норовит продать его по дорожке правительству германскому. Внимательно следит за всей этой грызней советский дипломат Фокин...

Между тем Пряник отправляется в Африку — испытывать «вулканит». Под видом слуги едет с ним в экспедицию негр, помощник американского агента, под маской коллеги-химика — английский сыщик, секретарем — эмигрантка Орловская, сам Фокин — в качестве... телохранителя, матросом — Шерлок Пинкертон.

И опять — интриги, интриги, интриги... Овладев патроном с «везувианом», разделавшись попутно с конкурентом-американцем, хитроумный Штрук пытается скрыться. Но патрон взрывается, гибнет и Штрук... В финале чешский фашист Червяк убивает и Пряника, бумаги же профессора достаются Фокину. «Вулкан в кармане!» — восклицает тот, возвращаясь в Союз...

Авторы этой веселой буффонады — Иосиф Келлер и Борис Липатов, свердловские литераторы, частенько выступавшие в те годы со стихами, очерками и рассказами на страницах «Уральского рабочего» и журнала «Товарищ Терентий». В соавторстве с Вениамином Гиригорном они написали также повесть «Универсальные лучи» (в другом издании — «Сорванец Джо») и роман «Бесцеремонный Роман». В первой главе этого последнего они очень живо описали самих себя, свои споры «...о литературе, российской революции, о голодном пайке и усеченной рифме, о терроре, Льве Толстом и даже — математике». В этих-то спорах, очевидно, и родились первые послереволюционные произведения уральской фантастики.

И. ЧЕБАНЕНКО.

Турбаза на орбите

«Есть у нас сейчас однодневные дома отдыха. Мне представляется, что такие же дома отдыха будут и в космосе. Отдыхающие будут доставать туда разными путями палатки и стартовать, скажем, в субботу. Покрутятся они вокруг Земли, посмотрят, как красивые космические зори, и вечером в воскресенье, полные сил и впечатлений, возвратятся домой. Для меня, правда, не ясно, где будет приземление: по месту жительства или на каком-нибудь космодроме...»

С. ЛЕМ.

Магелланово облако.

Г. ТИТОВ,

летчик-космонавт.

Видеопластика

«Это искусство возникло из сочетания так называемого кино, литературы, объемного и цветного телевидения. При помощи генетофора художник, для которого этот аппарат является тем же, чем для композитора фортепьяно, может воспроизвести все, что возникает в его воображении. Он может создавать драмы и комедии, подлинные истории или сказки, действие

которых разворачивается в придуманных мирах, может конструировать любые воображаемые существа, полурастения и полуживотные. Все это происходит в результате комбинации световых полей, возникающих при игре на генетофоре».

А БЫЛ ЛИ «КОНДОР»?

Игорь
АЛЕБАСТРОВ

(См. 2 стр. обложки).

Продолжаю изучать списки офицеров флота. Вот и командир знакомого мне «Сокола» попадает по ходу чтения — Иванов Клавдий Петрович. И снова: фон Геринг, фон Кербер, фон Ферзен, фон Энгельман, фон Ден, фон Фитингов... Наконец, читаю: лейтенант Лепко Владимир Иванович, 1867 года рождения, в 1902 году — командир миноносца «Кондор». Значит, все-таки был «Кондор»!

И тут же возникает новая трудность. По одним источникам В. И. Лепко командовал «Кондором», а по другим — «Рачительным». Не мог же он командовать в одно и то же время двумя миноносцами сразу! Кем же он все-таки командовал — «Кондором» или «Рачительным»? Имя Лепко мне знакомо. После русско-японской войны лейтенант Лепко был старшим офицером на крейсере «Кагул», лично обучал матросов грамоте, чем навлек на себя гнев высшего начальства. В. И. Лепко участвовал в первой мировой войне, командовал дивизионом миноносцев на Балтийском флоте, но за демократические убеждения был зачислен в резерв. В дни Октябрьской революции 1917 года В. И. Лепко без

колебаний перешел на сторону народа и участвовал в боях с белогвардейцами. Но дальше я о нем уже ничего не знал. Жив ли он? Нет, В. И. Лепко умер в 1950 году. Разыскиваю старых моряков, знавших В. И. Лепко по совместной службе.

— Вы ошибаетесь, — говорит мне один из них, — Владимир Иванович Лепко командовал не «Кондором» и не «Рачительным», а «Расторопным».

— А кто же командовал «Рачительным»?

— Не помню, — отвечает моряк. — Может быть, дочь Владимира Ивановича поможет вам?

У В. И. Лепко есть дочь? Снова удача. Вскоре от Ирины Владимировны Лепко получаю увесистую рукопись — дневник ее отца за время пребывания в Порт-Артуре. Дневник очень интересный, убедительно и ярко рассказано о ничтожестве царского высшего командования, о героизме офицеров, солдат и матросов. Странно даже, что дневник до сих пор нигде не опубликован. Но ни о «Кондоре», ни о «Рачительном» в дневнике ни слова! В. И. Лепко командовал «Расторопным».

Что же теперь делать? Снова обращаюсь к спискам кораблей русского флота и замечаю одну очень странную вещь: в одних списках есть и «Кондор» и «Рачительный», в других есть «Кондор», но нет «Рачительного», в третьих есть «Рачительный», но нет «Кондора». А с «Соколом» как обстоит дело? До 1902 года «Сокол» есть во всех списках. После 1902 года «Сокола» в списках уже нигде нет. Исчез «Сокол». Но исчез не только «Сокол», но и «Кулик», «Щегол», «Скворец» и еще десятка два миноносцев! Куда же они девались? Роюсь в архивных документах и делаю удивительное открытие: никуда миноносцы не исчезали, а просто им дали другие названия.

Знаменитый «Стерегущий» до 1902 года носил скромное и безобидное имя — «Кулик», геройски погибший в бою с японцами «Страшный» назывался прежде «Скворцом», «Расторопный» — «Дятлом», «Статный» — «Щеголом» и т. д. А как назывался прежде «Рачительный»? Так и есть! «Кондор» — это старое название «Рачительного». Кто-то когда-то поместил в списке кораблей один и тот же миноносец дважды под двумя разными названиями — старым и новым. Ошибка чиновника оказалась живучей. И до сих пор в некоторых списках судов Тихоокеанского флота можно увидеть и «Кондора» и «Рачительного».

«Рачительный» оказался тоже весьма загадочным кораблем. В «Боевой летописи русского флота» о нем тоже не упоминалось, в других книгах и документах о «Рачительном» сведений почти нет. Старые моряки и сотрудники архивов и музеев сомневались: были вообще такой миноносец? Мне не удалось выяснить, кто командовал «Рачительным» в Порт-Артуре. Ничего не узнал я и о боевой деятельности «Рачительного». Очевидно, миноносец больше чинился, чем плавал. Даже обстоятельства и дата гибели «Рачительного» в Порт-Артуре оставались невыясненными. А может быть, в самом деле не было «Рачительного»?

Известный специалист профессор Н. А. Залесский категорически отрицал существование миноносца с таким названием. Снова надо искать. Снова сижу в архиве, просматриваю документы. На этот раз замечаю, что ни в одном списке кораблей нет вместе миноносцев «Рачительного» и «Решительного». Что бы это значило? Знакомлюсь с историей «Решительного» по документам и обнаруживаю, что до 1902 года он тоже назывался... «Кондором»! Удивляюсь и продолжаю поиски. На этот раз быстро нахожу документ, из которого явствует, что миноносец «Кондор» сначала называли «Рачительным», но потом почему-то переименовали это имя на «Решительный». Это и привело к путанице в списках. Я знаю список, где есть и «Кондор», и «Рачительный», и «Решительный», хотя все эти названия принадлежат одному и тому же кораблю!

О «Решительном» (он же «Кондор» и «Рачительный») известно достаточно много. Это он был вместе со «Стерегущим» в роковой день его гибели, успел провратиться в Порт-Артур и доставить адмиралу С. О. Макарову известие о печальном положении «Стерегущего». В августе 1904 года «Решительный» прорвался из осажденного Порт-Артура в китайский порт Чифу, где и разоружился, но вскоре был захвачен японцами. Экипаж во главе с лейтенантом М. С. Рощаковским в рукопашной схватке оказал отчаянное, но безнадежное сопротивление, успев все же частично повредить миноносец.

Так после долгих поисков удалось разрешить загадку «Кондора».

Так после долгих поисков удалось разрешить загадку «Кондора».

● Сегодняшний день — в летопись!

● Новая гвардия

● Путешествие под землю

● Все об Исети

У поселка, где живут эти ребята, еще когда-то будет название!.. А пока адрес такой: БАМ, 5-й мостоотряд. Отцы их работают на строительстве Байкало-Амурской магистрали. В школе, где учатся ребята, создан клуб «Искатель», задача его — создать летопись стройки. Рисунки, стихи, «донесения» о том, что сделано взрослыми на рабочих участках, как продвигается строительство — все это отражает сегодняшний день БАМа, и все это школьники сохраняют. Нынче их записи рассказывают о жарких буднях главной стройки страны, а завтра станут историей.

Десять экспедиций на счету учащихся Нижнетагильского горно-металлургического техникума имени Черепановых: в села Новгородщины и в Старую Руссу, на Дон и в Новочеркасск, в Калининскую и Московскую области... Следопыты техникума разыскивают своих земляков-тагильчан, воевавших в составе 363-й стрелковой дивизии. Дивизия, которая после боев под Москвой стала именоваться 22-й гвардей-

ской стрелковой, формировалась в сорок первом году на Урале; следопыты открыли на месте формирования мемориальную доску.

В Нижнем Тагиле сейчас действует городской клуб «Гвардия»: в поиск бойцов уральского соединения включились школьники. «Гвардия» юных следопытов идет по следам ветеранов-гвардейцев.

А. СЕРГЕЕВ,
студент горно-металлургического техникума,
участник экспедиций по местам боевой славы.

- Страховка!
- Готова!
- Пошел!

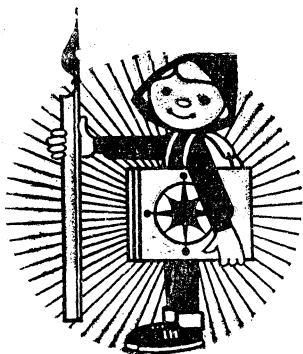
На развалинах старого монастыря идет тренировка... Секция спелеологов при Воронежском городском клубе туристов работает седьмой год. В прошлом году парни побывали в учебно-тренировочном походе в Абхазии и, конечно, не упустили возможности открыть — пусть небольшие, но «свои» — пещеры в горном районе Гантиади. Все меньше становится белых пятен и на карте Воронежской области: спелеологами-любите-

лями обследовано 29 пещер. К каждой из своих экспедиций ребята тщательно готовятся.

Велика ли уральская река Исеть? С Волгой ей, конечно, не сравниться, но она все же длиннее таких рек, как, например, Тибр или Темза. А главное, она — своя, «родная» река.

Краеведы свердловской школы № 37, под руководством кандидата исторических наук Е. Г. Сурова, решили собрать побольше сведений об этой реке. Они уже выезжали к ее истокам, в город Среднеуральск, и открыли для себя много нового. Одним кружковцам с таким большим делом не справиться, поэтому свердловчане обратились к учащимся школ всех поселков и других населенных пунктов, расположенных по берегам Исети, с просьбой помочь собрать сведения о прошлом и настоящем городов и деревень, о памятниках исетской старины, о сегодняшнем дне реки Исеть.

следопытская

хроника

ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ

**Александр
МАТВЕЕВ**

*Рисунок
А. Кирпикова*

Есть названия-зеркала: большая гора так и зовется Большой, а шумная речка — Шумихой. Есть названия-образы, названия-метафоры. Тогда уже большую гору назовут Колокольной, Башней, Копной или Саблей, смотря по тому, на что она похожа, а шумную речку — как подкажет настроение: Говорухой, Говорухой, иной раз — Брехунцом или Ворчливцем, а на радостях — и Жаворонком.

И те, и другие названия есть во всех языках мира, а нередко совпадают и по значению.

Русские скажут: река Дурная, манси — Люль-я, башкиры — Яман-йылга. А это все одно и то же — «Плохая река».

Причина на ладони: люди разных рас и народов видят и мыслят одинаково. И потому все они могут заметить один и тот же характерный признак. Вот откуда в различных языках множество равных по смыслу названий-двойников, хотя внешне, по своему звучанию, эти названия совсем не похожи друг на друга. А там, где рядом живут разные народности, такие переодетые названия-двойники иной раз прямо хозяйничают на карте.

Для русского двойниками горы Черной будут мансийское Сэм-ур, в русской передаче Шемур, и башкирское Кара-тау — «Черная гора», для реки Черной — башкирское Кара-идел (так башкиры называют Уфу) и коми-зырянское Сёд-ю — «Черная река». Мансийское Тосам-я и коми-зырянское Кос-ю — то же, что река Сухая. А для Каменки такие двойники мансийское Ахвтасынг-я и коми-зырянское Изъя-ю — «Каменная река».

Возникают названия-двойники совершенно самостоятельно. Заметили русские, что гора покрыта березовым лесом, и назвали ее Березовой. И совсем в другом месте манси могут окрестить какую-нибудь вершину Халь-ур. И это тоже — «Березовая гора».

Таких «березовых», «каменных», «черных», «белых» и прочих рек, озер и гор в топонимии множество.

Только не надо думать, что повсюду на земле в топонимах отражены одни и те же признаки. Ничего подобного: на Урале и где-нибудь в зоне пустынь или в тропиках приро-

да разная. Поэтому «пальмовых», «баобабовых», «жирафьих», «львиных», «обезьяных» рек и гор в наших краях не найти, а вот «сосновых», «еловых», «медвежьих» да «лосиных» — сколько угодно. Ну и — наоборот.

Вот, оказывается, что держит в узде двойников — разные условия жизни.

Но уж если народы живут рядом, да еще и занимаются одним делом, то у них сплошь и рядом одинаковые по значению названия.

В низовьях Печоры и русские и коми-зыряне — все заправские охотники и рыболовы. Потому-то здесь и русские и коми названия совершенно разных мест по смыслу часто одинаковы. Русские говорят: река Лисья, ручей Медвежий, болото Олень, озеро Лебязье, Карасье, Хариусовое, Сорозье, Щучье... А у коми: Рушор — «Лисий ручей», Ошкавис — «Медвежья протока», Корва — «Олень вода», Юсты — «Лебединое озеро», Гычаты — «Карасье озеро», Комавис — «Хариусовая протока», Кельчяты — «Сорозье озеро», Сирвад — «Щучье озерко».

Видите как: места разные и названия разные, а смысл у них один, потому что у русских и коми общие хозяйственные интересы и одинаковое «маршрутное» видение мира.

Это значит, что охотник или рыболов, изучив иной раз на десятки и даже сотни километров всю округу, ходит чаще всего по определенным маршрутам, по рекам, например, или по лесным гривам среди болот. И ему зачастую совсем не нужно называть то, что находится между этими маршрутами — в дремучих буреломах и коварных трясилах, у которых и имени-то иногда нет.

А вот земледелец знает каждый участок поля или луга, каждую полосу на своем пятачке. У него свое — «радикальное» видение. И назовет-то он всего одну реку да две горки, но зато может перечислить десятки полей и лугов вокруг своей деревни.

И снова в названиях будет разница. Охотник или рыболов редко обращает внимание на почву, а у земледельцев такие топонимы идут косяком — и Черняди, и Белики, и Красики, и многие другие.

Значит, если народы живут на одной или на смежных землях, хозяйство и быт у них общие, то и в смысле названий — много сходного. А уж если географические зоны, экономика и образ жизни различны, то и в значении названий разницы будет больше.

Вот и второй надежный заслон двойникам: общественный строй, экономика, быт народа.

Так что сколько бы ни было двойников, всегда не меньше оригинальных названий даже среди самых обычных топонимов-зеркал.

Ну, а как с образными названиями, с топонимическими метафорами?

И в топонимических метафорах разных народов немало общего. И здесь тоже есть свои названия-двойники.

Чаще такие названия даются небольшим по величине нелинейным объектам. Да и как может быть иначе: попробуйте одним взглядом охватить какую-нибудь речку, которая протянулась не на один десяток километров!

Значит, обычно метафоры рождаются, когда у горы, скалы, озера, дуга обозримая и характерная форма или расположение. Потому их легко запомнить и узнать.

Но чтоб возникла метафора, нужна точка отсчета, эталон, мерка. А что для человека, на каком бы языке он не говорил, с давних пор стало привычной шкалой сравнений? Да прежде всего сам он — человек, а точнее — части его тела. Нет ничего более близкого для человека и в то же время столь своеобразного по форме, чем части тела. Вот почему сравнения с частями тела очень популярны и не только в топонимах, но и вообще в языках разных народов.

Заглянем в словари. Чего там только нет!

Русские называют носами крутые извилины реки, мысы. Манси словом нел — «нос» называют и мысы, и горные отроги.

Слово глаз русские переносят на окно воды в болоте. Не дай бог провалиться в такой «глаз» или в «окно»! Это все равно: окно от око — «глаз»!

В финском и коми языке — та же метафора. И таких переносов — не счесть. Потому-то они необыкновенно часты и в топонимии.

Только не каждый топонимический «нос» — метафора. Луг Ванькин Нос получил свое название совсем не потому, что у какого-то Ваньки был особенно большой нос, да еще и редкостной формы, а потому, что слово нос в местных говорах имеет переносное значение — «мыс». Вот и выходит, что Ванькин Нос — это мыс, где некий Ванька когда-то пахал, косил, рыбачил, охотился или, как это не огорчительно, утонул, хватив лишнего на чьих-то именинах. Так что никакой метафоры тут нет. Это название только прикинулось образным.

И все-таки самые модные и частые в топонимии метафоры — переносы с названий частей тела человека, а также животных и птиц.

Вот маленькая коллекция таких топонимических метафор: камень Афонины Брови, луга Горлышко и Шея, камень Клыки, озеро Сердце, поле Ножка. Есть гора Собачья Шея и луг Оленья Нога. На Чусовой возвышаются скалы Собачьи Ребра и Кобыльи Ребра. В общем здесь найдется все — с головы до пят или от рогов до хвоста (есть ведь названия Бараний Рог и Сорочий Хвост).

Иной раз, встречаясь с топонимическими метафорами, диву даешься наблюдательности и изобретательности народной.

Вот высоко в небо взметнулась отдельная скала, узкая и крутая, — не залезть без альпинистской выучки и снаряжения. Не правда ли, ей очень подходит название Палец?

А вот глухая топь. Бредешь по ней с опаской от кочки до кочки, только слышно, как чавкает и урчит под ногами мерзкая жижа. Скверное место, так и ждешь, что оно раздастся и проглотит тебя. Потому и название Брюхо.

Или вот еще возвышается гора со странным, на первый взгляд, названием Пуп. Все очень просто: отдельные «торчащие» вершины часто называют Пуп или Пупец.

А один длинный да притом еще

и извилистый луг кто-то в сердцах назвал Тешин Язык!

И в других языках — то же. На Северном Урале у манси есть и скала Майт-керас — «Печень-скала», потому что она по форме похожа на печень, и гора Нёлсмасыг — «Ноздри», там два узких прохода, где удобно делить оленья стада, и горный отрог Лунтаинг-нёл — «Гусиный нос» с острой вершинкой, удивительно напоминающий нос гуся, и глубокая яма Мис-пуки — «Коровье брюхо», и гора Сим-сяхл — «Сердце-гора», и даже остренькая горка Лув-сяк-вур — «Лошадная титька». А около Красноуфимска есть горы Титечные.

Значит, опять одно и то же? Да не совсем, хотя принцип и тут, конечно, общий. Ведь русскому не придет в голову сравнивать скалу с печенью, а манси какое-нибудь урочище с бараными рогами, потому что сырая оленья печенка для манси — любимое лакомство, а вот баранов у них нет.

И вообще полных двойников среди метафор меньше, потому что у каждого народа свое образное видение мира. Человек действительно — мера всех вещей, но, оказывается, шкала-то бывает разной. Потому-то русские первопроходцы назвали высочайшую гору Северного Урала — Столп, манси увидели в ней «Каменную бабу-идола» — Нэ-пупыг-нёр, а коми «Гнездо ветров» — Тэл-поз-из.

Вот она какой бывает — разница в шкале!

НА СЕМИ ВЕТРАХ

**Станислав
МЕШАВКИН**

*Фото
А. Кузьярина*

Надо же случиться такому. Мне необходимо было попасть в горную Шорию, к известному синоптику Анатолию Витальевичу Дьякову. Пассажиров пригласили в самолет, стюардесса попросила надеть привязные ремни, оделила каждого традиционной конфеткой, а потом объявила, что полет отменяется по метеоусловиям Новокузнецка. Десять часов ночного бодрствования в переполненном аэровокзале уже сами по себе располагали к размышлениям о погоде.

Погода — вечный спутник нашей жизни, наша радость и огорчения. Утром, собираясь на работу, мы одеваемся в соответствии с метеосводкой. Обещают по радио холод — укутываемся потеплее, прогнозируют жару — надеваем легкую рубашку. Бывает, попадаем впросак и, кляня синоптиков, мчимся домой под проливным дождем в этой самой легкой рубашке. Впрочем, это мелочи жизни. А вот если рыбацкая шхуна вместо обещанного штиля попадет в жестокий шторм, тут недалеко от беды. О сельском хозяйстве и говорить не приходится, оно в вечной зависимости от капризов неба.

Трудно сыскать профессию более неблагодарную, чем синоптик. Точный прогноз мы воспринимаем как само собой разумеющееся, а случись ошибка... Впрочем, и то сказать, не так уж редки эти ошибки. Не случайно официальные сообщения столь дипломатичны по своим формулировкам, и авторы их редко заглядывают далеко вперед.

И вот, добравшись, наконец, до рудничного поселка Темиртау, я поднимаюсь по крутому склону к дому, где живет человек, который смело предсказывает погоду на ближайшие два-три месяца. Ориентиром среди полузанесенных снегом избушек служит маленькая круглая башня обсерватории, открытая всем ветрам. Дороги на этих улочках нет, от дома к дому ведет узенькая, протоптанная в глубоком снегу тропинка. Попадется встречный и сразу возникает ситуация, описанная в детском стихотворении про двух баранов, каждый из которых упрямо не хотел свернуть в сторону. Впрочем, здесь до конфликта не доходит. Если встретится мужчина, по неписаному уговору уступает тот, у кого надежнее обувка, если, на беду, женщина, смело увязаешь выше колена в сугроб. Вот, наконец, и башенка. Табличка — «Гелиометеостанция горной Шории». Единственная в стране станция, где прогнозы основаны на долгосрочных наблюдениях за солнцем. А само солнце сегодня за облаками, такое далекое от земных дел, бесстрастное.

Приземистое деревянное здание. Встречают меня три кошки (как оказалось впоследствии, мыши начали атаковать архив). Из глубины комнаты, встав из-за стола, сплошь заваленного книгами и журналами, спешит хозяин. Коренастый, улыбчивый, с густой копной волос, отмеченных печатью возраста. Бог погоды, как именуют его в этих краях, — Анатолий Витальевич Дьяков.

...В четырнадцать лет Толе Дьякову попала в руки книга знаменитого французского астронома Камилла Фламариона «Популярная астрономия». Учебники и художественная литература были отброшены в сторону. Небо захватило его. Прежде далекое, недоступное, оно стало родным и близким, открывая перед ним тайны Вселенной.

«Когда люди узнают, что такое земля, и ознакомятся со скромным положением своей планеты в бесконечности, когда они лучше оценят величие и красоту природы, они перестанут быть безумцами, такими грубыми, с одной стороны, и такими легковверными, с другой; тогда они будут жить в мире, в плодотворном изучении Истины, в созерцании Прекрасного, в делах Добра, в стремлении к развитию Разума, в благородном употреблении своих высших духовных потребностей».

И сейчас, когда за плечами 64 года, Анатолий Витальевич читает эти слова со страстью,

как свои глубоко выношенные мысли. Читает по-русски, затем по-французски (французский знает с четырех лет). В этом глухом поселке, в бревенчатой избе так непривычна, так неожиданна французская речь.

Чтобы лучше «ознакомиться со скромным положением своей планеты в бесконечности», мальчишка забирался с простеньким рефлектором на крыши домов, оставаясь один на один со звездным миром. В пятнадцать лет посчитал, что уже на коротке знаком с астрономией (о, всезнающая юность!), и выступал с публичными лекциями «Земля как твердое тело». Ежедневно вел наблюдения, стал корреспондентом Русского общества любителей мироведения.

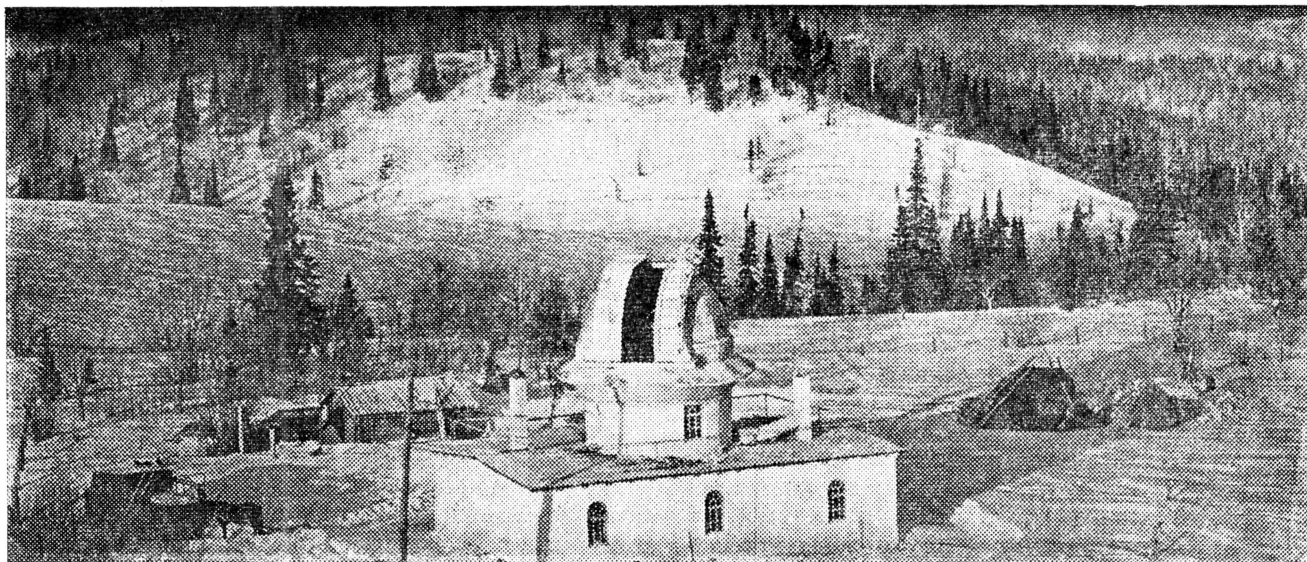
Кем стать — сомнений не было. Только астрономом. Перерешал все задачки по геометрии и алгебре, какие нашлись. Поступил на физико-математический факультет Одесского университета, по окончании принял ассистентом на кафедру небесной механики. Вот тогда-то почувствовал, что знаний маловато, и стал студентом четвертого курса Московского государственного университета, специализируясь в области астрофизики.

В тридцать шестом судьба забросила Дьякова в Шорию. В Сибири строился знаменитый Кузнецкий комбинат, закладывался город-сад. На привокзальной площади современного Новокузнецка и сейчас аршинными буквами плаката звучат слова поэта: «Я знаю — город будет, я знаю — саду цвести...»

Комбинату требовалось сырье. Сырье было рядом, в горной Шории. Все было бы хорошо, если бы не погода. С вечера ясно, настроятся на работу, а утром такой буран разыграется — света белого не видно. Американские специалисты, консультировавшие Кузнецкстрой, рекомендовали вообще не вести плавку зимой. Совет настолько безошибочно мудрый, что его оставили без внимания. Требовался человек, который хоть что-нибудь да понимал бы в небесной канцелярии. А тут, словно по заказу, прибывает специалист, да еще с университетским дипломом. Так Дьяков и Погода встретились друг с другом, чтобы не разлучаться всю жизнь.

Атмосферу нередко сравнивают с тепловой машиной. Нагреватели — тропики, холодильники — полюса. Тепловая машина рождает огромные воздушные потоки: пассаты, антипассаты, муссоны. Нет в природе регулировщика, нет зеленого разрешающего или красного запрещающего сигнала, и несутся вихри над землей — гордые, не управляемые человеком. Столько причин влияет на возникновение и характер перемещения воздушных масс, что, кажется, впору развести руками и воскликнуть: стихия!

И все-таки, как ни сложно, наука пытается выявить закономерности в этом хаосе. Земной

шар опоясала сеть метеостанций, в небо взмывают орбитальные научные станции с телескопами на борту, зонды с датчиками, океан бороздят специальные суда. По свидетельству многих ученых суть сейчас не столько в нехватке информации, сколько в самой методике освоения этой информации, умении сделать верные аналитические выводы, выявить главные факторы, влияющие на погоду. Что же является мотором «тепловой машины»?

Процессы, происходящие в самой тропосфере и только в ней, утверждают одни. Все остальное малозначительно.

Сторонников другого направления называют солнцепоклонниками, и уже по одному этому можно уяснить их взгляды. К ним принадлежит Дьяков.

С глубокой древности солнце занимало умы людей, у многих племен оно являлось божеством, символом жизни. Под солнечными лучами набухают почки, колосятся поля. Но то же солнце превращает землю в сухой камень, сушит на корню пшеницу. Независимо, видим ли мы в чистом небе огненный диск или он скрыт густым облаком, солнце непрерывно шлет на землю могучие корпускулярные потоки. В специальной литературе, которую не упрекнешь в приверженности к романтическому стилю, несколько лет назад появился лирический (и научный!) термин — солнечный ветер. Солнечный ветер — это потоки плазмы, несущиеся к нам от солнечной короны. В период хромосферных вспышек поток усиливается, происходят порывы ветра. Термин опять-таки и научный, и доступный широкой аудитории.

Влияет ли солнечный ветер, его порывы на погоду? Еще три десятилетия назад официальная наука отвечала категорически: нет! В учеб-

нике «Синоптическая метеорология», изданном в 1940 году, черным по белому выведено:

«Много домыслов создается и по поводу влияния солнечных пятен на погоду. Метеорологические исследования показывают, что это влияние имеется, но не очень велико и возможности его прогностического использования крайне ограничены. Но для дилетантов предсказание погоды по солнечным пятнам является крайне излюбленной темой».

Легко представить, каково жилось и работалось Дьякову в те годы. В научный спор были вовлечены административные методы. В пятьдесят втором Дьякова уволили с работы, после «звонка сверху» восстановили, но в нижеоплачиваемой должности, а потом саму должность сократили за ненадобностью. Можно, конечно, и не ворошить прошлое, но все-таки стоит. В этих случаях пострадавшим оказывается не только человек. А Истина, Наука.

Сейчас положение несколько иное. Три года назад состоялось первое (!) всеоюзное совещание по солнечно-атмосферным связям. Но и теперь в специальных изданиях можно встретить такое:

«Изменение солнечной активности отражается на процессах в верхних слоях атмосферы. Но отражается ли это на погодообразующих процессах — еще не известно». Чуть далее автор высказывается более определенно: «...дополнительное поступление энергии (солнечной) не может оказать заметного влияния на ход развития атмосферных процессов»¹.

У противников солнца, если их так можно назвать, разумеется, отнюдь не беспочвенный скепсис. В век электронно-вычислительной тех-

¹ Журнал «Природа», 1974, № 7.

ники все можно измерить на точных весах. Количество энергии, непрерывно посылаемой солнцем на землю, чудовищно велико, оно по данным крупнейшего американского ученого Питера Глейзера примерно в 167 тысяч раз превышает энергию, потребляемую в настоящее время. Однако далеко не вся она достигает планеты. Около 30 процентов сразу же отражается обратно в космическое пространство. Даже когда лучи достигнут земли, далеко не безразлично, на какую часть суши они «упадут»: трава, например, отражает всего 25 процентов солнечной радиации, а чистый снег или лед — более 90. Многие ученые склоняются к тому, что всего 0,2 процента солнечной энергии влияет на механизм атмосферной и океанической циркуляции. Величина сравнительно малая для нашей планеты. Но здесь в самый раз сказать о том главном, что является душой модели Дьякова. Не претендуя на ее полное освещение, ибо в ее основе сложные физические законы, требующие специального пояснения, обратимся сначала к простым примерам.

Груда пороха сама по себе безобидна, пока к ней не поднесут зажженную спичку. Бывалые солдаты, вступая на мост, без команды переходят на беспорядочный шаг, зная, что даже крепкое сооружение может рухнуть, если шагать в такт. Возникает так называемое явление резонанса.

Резонанс — ключ к дьяковской модели глобального воздействия солнечной энергии на всю атмосферу земного шара. Нижние слои воздуха, тропосфера, представляют собой колебательную систему, которая находится на грани неустойчивости. Достаточно небольших, но сделанных «в такт» толчков, чтобы система пришла в действие. Роль зажженной спички, спускового механизма, который выпускает из атмосферной бутылки тайфуны, торнадо, смерчи, играет солнце. Тропосфера не изолированное явление, утверждает Дьяков, она органически связана с высокими слоями атмосферы, которые Менделеев называл великой лабораторией погоды. Для долгосрочного прогнозирования — а это проблема проблем современной метеорологии — крайне важно знать, в какую сторону меняется активность солнца. Многолетние наблюдения — за 35 лет сделано более 300 сопоставлений между ветрами земными и космическими — убедили Дьякова, что наиболее тревожными для Евразии являются годы, когда активность солнца развивается скачками, сменяющимися длительными, в течение 30—40 суток, периодами затишья, или, что еще опаснее, когда периоды между вспышками на солнце совпадают с периодами собственного колебания атмосферы. Вспомним опять-таки резонанс!

Атмосфера, как любая система, стремится к состоянию наименьшей активности. Поэтому

столь типичны для нее антициклоны, когда циркуляция воздуха совершается самопроизвольно, без привлечения дополнительной энергии, нисходящими потоками. Это, как правило, годы спокойного солнца. Антициклоны вторгаются в Западную Сибирь и Северный Казахстан, принося с собой летом жару, зимой морозы. За последние 35 лет в этих районах десять раз хозяйничала засуха.

Солнечные вспышки (порывы ветра!) поднимают теплые потоки вверх, в тропиках набирают силу тайфуны и ураганы. На подвластной им территории тропический циклон выливает на землю океан воды. Сибиряки клянут прохладное дождливое лето, европейцы — знойную жару. Одно и то же солнечное явление вызывает на земле, как правило, противоположные эффекты. Эти эффекты суть две стороны единого процесса — усиление атмосферной циркуляции, когда, как писала астроном Э.С. Лир, «на вращающейся вокруг оси Земле всякому крупному атмосферному потоку воздуха соответствует встречный, компенсационный, текущий слева от него». Наш горный Урал, к примеру, географическая межа между Европой и Сибирью, нередко оказывается «в хвосте» то европейского циклона, то сибирского антициклона.

Истинность любой модели в конечном счете проверяется практикой. Можно выстроить изящную концепцию, но грош ей цена, если она развалится, как игрушечный домик, при первом же соприкосновении с жизнью.

Теоретическая концепция Дьякова экзаменуется ежедневно. Доходит до курьезов. Во время нашей беседы раздался телефонный звонок. Заведующая складом интересовалась, будет ли мороз сегодня ночью. Оказывается, на склад привезли вино, которое выдерживает температуру до минус 15. Не будет мороза — можно оставить вино на складе, если нагреться — надо срочно развозить по магазинам.

Сначала Дьяков обслуживал своими прогнозами только Кузбасс. Постепенно расширялась зона действий: Западная Сибирь, Северный Казахстан, Урал. Никто не требовал, не просил Дьякова выполнять эту работу, выходящую за рамки непосредственных служебных обязанностей. Он сам высылал в адрес заинтересованных организаций, прежде всего сельскохозяйственных, свои прогнозы, основанные на многолетних наблюдениях. Первоначальное недоверие — еще один предсказатель нашелся! — сменилось верой в его знания. Краткосрочные прогнозы для районов Западной Сибири оправдываются на 90—95 процентов, на декаду, месяц — на 80—85. Сейчас десятки областей пользуются данными Дьякова. Весной, когда дорог каждый час и от сроков посевной в решающей степени зависит судьба урожая, в Темиртау отовсюду поступают десятки телеграмм с оплачен-

ным ответом. Под телеграммами подписи секретарей обкомов партии, начальников управлений сельского хозяйства, главных агрономов. Признание практиков — доказательство, как известно, веское. Стоит добавить, что в 1972 году Дьякову был вручен орден Трудового Красного Знамени «за работы, способствовавшие увеличению производства сельскохозяйственных продуктов».

Стихия Дьякова, его любимое дитя в науке — экстремальное (в переводе с латинского — крайний) состояние атмосферы. Аномальные явления, длительная засуха или длительное ненастье, приносят наибольшее бедствие человечеству и предугадать их — значит во многом отвести беду.

...В сентябре 1966 года на отражательном экране телескопа появились маленькие черные точки. Прибор зарегистрировал пятна на солнце. С каждым днем размеры их увеличивались, они передвигались к центральному меридиану, к тому рубежу, откуда потоки солнечной плазмы кратчайшим путем достигают земли. 19 сентября на солнце произошло шесть хромосферных вспышек. На другой день общая площадь пятен в десять раз превышала площадь нашей планеты. Вечером в адрес кубинского посольства в Москве ушла телеграмма: «Из Темиртау, Кемеровской области. Дорогие товарищи! Имею честь предупредить Вас об опасности появления очень сильного урагана в Карибском море в конце третьей декады сентября. Начальник гелиометеостанции горной Шории Дьяков».

Океан в те дни дышал спокойствием, с ленивой величавостью накатывая мягкие волны на берег. Безмятежно сияло солнце. Тем не менее на Кубе приняли меры безопасности. 28 сентября радарная служба обнаружила первые признаки тревоги. Свинцовые облака нависли над тропиками. Ураган сокрушительной силы пронесся над Гваделупой, Пуэрто-Рико, Гаити, Кубой. В Гваделупе погибли плантации сахарного тростника, бананов, кофе, разрушены тысячи крестьянских жилищ. Ущерб в этих странах, кроме Кубы, исчислялся миллионами долларов, на острове Свободы благодаря предохранительным мерам потери свелись к минимуму.

Засуха шестьдесят третьего года вошла в учебники. И снова документами засвидетельствовано: в телеграмме, датированной 12 марта (†), Дьяков предупреждал: очень ранняя, весьма сухая весна, очень жаркое сухое лето с температурой 30—37 градусов, дефицит осадков повсеместно 30—40 процентов. Там, где прислушались, сумели смягчить удар природы.

Те из читателей нашего журнала, которые живут на Урале и в Сибири, хорошо помнят, каким необычным было прошлое лето — сухое, жаркое. В сентябре, как в Сочи, купались в местных водоемах. В январском (1974 год) но-

мере одного из изданий читаю прогноз Дьякова: в 1974 году в связи с ожидаемым сокращением площади солнечных пятен следует опасаться интенсивной засухи.

Кажется, довольно примеров. Но было бы ошибочно вывести из них вывод, что методика Дьякова абсолютно безупречна, а все остальные следует предать забвению. Шарахание из одной крайности в другую редко приносит пользу. Речь о том, чтобы при построении в сложнейшей, требующей учета всех погодообразующих факторов модели, вырабатываемой мировой и отечественной метеорологией, были тщательно изучены и освоены многолетние наблюдения, которые ведутся «солнцепоклонниками» и, в частности, синоптиком из Темиртау. От них нельзя просто отмахнуться, как это делалось до недавних пор, или писать с оттенком снисходительности о «везении», как это прощальствует и сейчас в ряде публикаций. В конечном счете наука, как таковая, не признает ни званий, ни должностей — все равны перед лицом истинного знания.

...Признаться, меня все время мучила мысль: не слишком ли оторван Дьяков от внешнего мира, от того динамичного темпа, который характерен нашему веку. Что ни говорите, Темиртау — тупик железнодорожной ветки, до ближайшего крупного города Новокузнецка три часа пути электричкой, зимой никаким другим транспортом не добраться. О театрах и музеях говорить не приходится. А главное — нет научного общения, которое, как мне кажется, кристаллизует мысль.

Мы пьем чай и, пользуясь тем, что чаепитие располагает к откровенности, напрямик делюсь своими сомнениями.

Собеседник взрывчатого темперамента. Отодвинув стакан, он буквально тащит меня за руку к столу.

— Только что принесли свежую почту, еще не успел разобрать. Вот «Правда», «Известия», «Сельская жизнь», журналы «Природа», «Наука и жизнь». В этом конверте ежедневный бюллетень гидрометцентра, он приходит с опозданием, но выручают радио и телевидение — ни одной сводки не пропускаю. Вот «Юманите» — ее я прочитываю от корки до корки. Люблю Францию...

Замечу в скобках, что юношеская восторженность Камиллом Фламарионом с возрастом переросла в зрелую осознанную любовь. Дьяков по сей день пользуется трудами выдающегося астронома (на русском и французском языках), до мельчайших подробностей помнит встречу со вдовой покойного на международном конгрессе в Москве. Старшего сына, выпускника Белорусского государственного университета, Анатолий Витальевич и Нина Григорьевна (она техник метеостанции) Дьяковы на-

рекли Камиллом. С 1932 года Дьяков член французского астрономического общества, публикуется в журнале «Астрономия», издаваемого в Париже. И — совпадение, конечно, случайное, но все-таки! — экваториальная установка с электромотором слежения приобретена для обсерватории опять-таки в Париже.

— Вы любите Ролана? — неожиданно спрашивает меня собеседник. — Я — очень! «Жана Кристофа» читал в оригинале. А мой любимый писатель Жюль Верн. Читаю-перечитываю и все удивляюсь: какова сила предвидения, а?

Разговор переносится в литературную плоскость, потом как-то незаметно выходит на орбиту международных дел, и заканчивается горячим спором о том, откуда возникают в нашем обществе любители легкого обогащения вроде тех, о которых сообщалось во вчерашнем номере «Правды».

«Перескоки» в разговоре — свойство страстной увлекающейся природы. Случайная фраза вызывает ассоциацию-другую, нанизывается образ, и Дьяков весь во власти этого образа.

— Недостаток общения? — возвращается он к первоначальной теме. — За последние полгода выступал с лекциями в Минске, Одессе, сюда приезжала целая делегация ученых познакомиться с моими исследованиями, ваш брат частенько навещает меня — вот этот диван жена так и именует журналистским. Места в гостинице не всегда бывают, здесь и ночуют.

Мои сомнения так до конца и не были развеяны. Но как бы там ни было, в Темиртау я лишний раз убедился в той далеко не новой мысли, что провинциальность отнюдь не географическое понятие. Можно жить в Москве в гордой уверенности, что все сокровища культуры под боком у тебя, и годами не прикасаться к ним, можно в далеком Темиртау жить интересами века. И еще. Уединение располагает к сосредоточенности мысли. Нет бесконечных совещаний, звонков, всей той сутолоки, что отвлекает человека от дела. От главного дела Дьякова — погоды. Многократно выверенные в своей внутренней лаборатории мысли становятся твердым убеждением, которому следуешь всю жизнь. И никакие ветры не свернут человека с пути, будь они солнечные, земные или «административные».

...День сегодня выдался погожий. В чистом небе ясное солнце. Признаться, после поездки в Темиртау я иными глазами смотрю на него. Ясное ли? Скорее загадочное...

Иван
ИСАЕВ

Медвежий ручей

Может быть, здесь когда-то и были
и медведь, и медвяный родник...
Романтичны искатели были,
прозаичен реальный рудник.
Камни-камушки!..

Горы отвалов,
прошпигованные мерзлотой,
и меж ними жуки-самосвалы
с золотистой,

как память,
рудой!

Рев «белазов» да рыжие сопки,
Побелевшие не по летам...
И гудят раскаленные топки,
и бунтует оживший металл.
Вот оно!

Покачнувшись, помедлив,
через застланный гарью пролет
многотрудными слитками меди
воплощение былей плывет!
Проплывает — и в путь по планете,
вдалеке от норильских ночей
повествуя, что все же на свете
существует Медвежий ручей...

Хочет первая гроза
сделать страшные глаза,
пролететь над домом
с молнией и громом!
Колобродит надо мной,
копит ливень проливной,
брови гневно хмурит,
обещает бурю...
Только дождик: «тук-тук-тук», —
я — за двери: тут как тут!
Дождь — к реке и дальше,
я — за ним, туда же!
Я бегу,

бегу,

бегу,

раздеваясь на бегу,
подбежал — и с ходу
головую в воду!

ЗООЛОГИЧЕСКОЕ ЛЕТО

**Вадим
РЯБИЦЕВ**

*Рисунки
автора*

Разгрузка заняла всего несколько минут. Вертолет, который привез нас сюда, в Ямальскую лесотундру, улетел, пророкотав над нами.

Фактория состояла из нескольких деревянных построек: жилой дом, склад, магазин, маленькая замшелая баня и полуразрушенная конюшня. Это все, что осталось от тех давних времен, когда здесь была целая деревня. Теперь на фактории жила одна семья — тридцатилетний бородач Володя с женой и сынишкой. Жили здесь еще и две собаки.

Поскольку наше появление сулило внести некоторое разнообразие в жизнь «аборигенов», нам от души были рады все — и Володя с женой, и их четвероногие друзья.

Володя лишь несколько месяцев назад принял факторию. До этого она много лет бездействовала. Но каждый летом сюда приезжали для проведения исследований зоологи. Я здесь в третий раз, но вот так, еще по снегу, на вертолете, — впервые. Места, где летом мне знаком чуть ли не каждый куст, выглядят чужими и неприветливыми.

Мы прилетели вдвоем: я — орнитолог, и мой помощник — местный девятиклассник Сережа, не менее меня одержимый интересом к всевозможной живности.

Конец мая. Все вокруг еще покрыто снегом. Лишь на песчаных отмелях реки да на некоторых буграх в тундре темнеют островки земли. Ветер в течение долгой зимы по многу раз переметает снег с места на место, и в лесу, по долине реки сугробы местами достигают четырех метров.

Весну, которую я уже встречал дома, в Свердловске, теперь предстоит пережить здесь еще один раз. И ожидание этого самого желанного для каждого любителя природы времени года наполняет душу ни с чем не сравнимым предчувствием волнений.

Горностаи

Мы ждали погоды, окруженные пургой и морозами. Ежедневные экскурсии по окрестностям не радовали. Стайки белых куропаток в ку-

старнике, рогатые жаворонки, ссутулившись, по-мышинному бегают по отмелям... Мохноногий канюк, кругами облетая тундру, временами недвижно застывает в одной точке — сильный ветер делает его скорость нулевой. Иногда тяжело пролетает над рекой орлан-белохвост. Ветер приносит издалека звонкие голоса лебедей, сами они привидениями пролетают в снежной пелене. Кажется неестественным появление этих сказочных птиц в заочневшем мире. В такую погоду — и лебединые крики! Так и чудится невыносимая тоска по теплу и солнцу. А ведь лебеди прилетают сюда в апреле, даже гнезда строят в снегу...

В один из таких уютных дней мы, вернувшись с экскурсии, сидели за столом в горнице. Володя, с интересом наблюдавший за нашей работой, заметил за окном горностаю. Он был уже в летнем охристо-буром наряде и хорошо выделялся на фоне снега. Его изящное гибкое тело, промелькнув среди сугробов, исчезло в щели между прогнившими бревнами склада. Не прошло и минуты, как горностаю вынырнул обратно. Держа в зубах крупную полевку, маленький хищник остановился, огляделся по сторонам и удалился тем же путем, которым пришел. Вскоре эта картина повторилась, затем — еще и еще раз. Горностаю с удивительной методичностью сновал по одному маршруту, выпрыгивал из щели в срубе с добычей в зубах, каждый раз оставаясь на секунду на одном и том же месте.

Сережа, достав секундомер, провел хронометраж: минимальное время, затраченное горностаем на поимку полевки, составило всего семнадцать секунд. Больше полутора минут зверек ни разу не задержался в складе. За пятнадцать минут горностаю добыл семь полевков.

Собаки помешали нам продолжить наблюдения — их появление спугнуло зверька.

Проторенная горностаем дорожка привела нас к конюшне. Здесь следы вели под деревянный настил, где хищник устроил один из своих продовольственных складов. Вскры-

вать его мы не стали. Известно, что горностаи и ласки запасают на черный день по несколько десятков мелких грызунов.

Этот год был «мышинным». Так называют охотники и зоологи года, когда грызуны (полевые мыши, полевки, лемминги) быстро размножаются. В такие времена вольготно живется хищникам.

Полевки, найдя на складе фактории много вкусного корма, доставляли Володе немало хлопот. Всевозможные мышеловки, которые он мастерил, не помогали. Володя обрадовался тому, что на фактории поселился работающий помощник.

Другая встреча с горностаем у меня произошла спустя два месяца, когда я ловил ласточек-береговушек неподалеку от фактории. Мне нужно было узнать, вернулись ли в свою колонию окольцованные мною ласточки, которые выводили здесь птенцов в прошлом году.

Вооружившись сачком из тонкой капроновой сетки, я отправился к обрыву в излучине реки. Это было белой полночью, когда ласточки вместе с птенцами спали в норах. Я подходил поочередно к каждой норке и, закрыв ее сачком, легонько постукивал по краю. Это — испытанный способ ловли береговушек, и потому я был озадачен тем, что из большинства норок никто не вылетал. Я прошел почти всю колонию, но поймал всего пять птиц. И вдруг из крайней норы в ответ на мое постукивание высунулась острая звериная мордочка: горностаи! Прикрыв норку с горностаем сачком, я бросился разрывать ножом соседнюю, где, судя по следам, разбойник уже побывал. Так и есть: на подстилке из травы и утиных перьев лежали пять мертвых птенцов. Еще несколько нор — тоже мертвые птенцы и прокушенные нежизненные яйца. Видимо, горностаи хозяйничали тут давно. Я вернулся к норе с горностаем, убрал сачок. Мой пленник не спеша покинул место заточения и скрылся в кустарнике. Разрыв норку, я нашел в ней еще теплые трупы четырех птенцов и ласточки-матери. На ноге ее тускло поблескивало мое алюминиевое кольцо.

Природа живет по своим законам, и исследователь не вправе их нарушать, пусть даже они с нашей точки зрения чудовищно несправедливы. На моих глазах зубами горностая работал Его Величество Естественный Отбор. Из трех десятков гнезд остались неразоренными восемь неприступных, и из них доносился писк птенцов.

На моих глазах полезный истребитель грызунов превратился во вредного истребителя птиц. Зачем горностаи загубил без надобности

столько душ, даже часть их не используя в пищу? Что это — осечка природы?

Известно, что хищник хищнику рознь. Сытый сокол не будет бить утку. Семейство сытых львов не выйдет на охоту. В одном из террариумов нашего института голодная мышь набросилась на сытую змею, искусала ее. Но кошка не упустит случая поймать мышку или птичку, будь она даже сверх меры сытой. Деревенские собаки, слоняющиеся от безделья по лесу, часто, найдя гнездо, дают птенцов, но оставляют их нетронутыми. И горностаи не оставят живыми птенцов в гнезде, на которое он нечаянно наткнется. Почему? Не надо спешить с выводами. Еще много «почему» стоят перед естествоиспытателями.

Птицы возвращаются домой

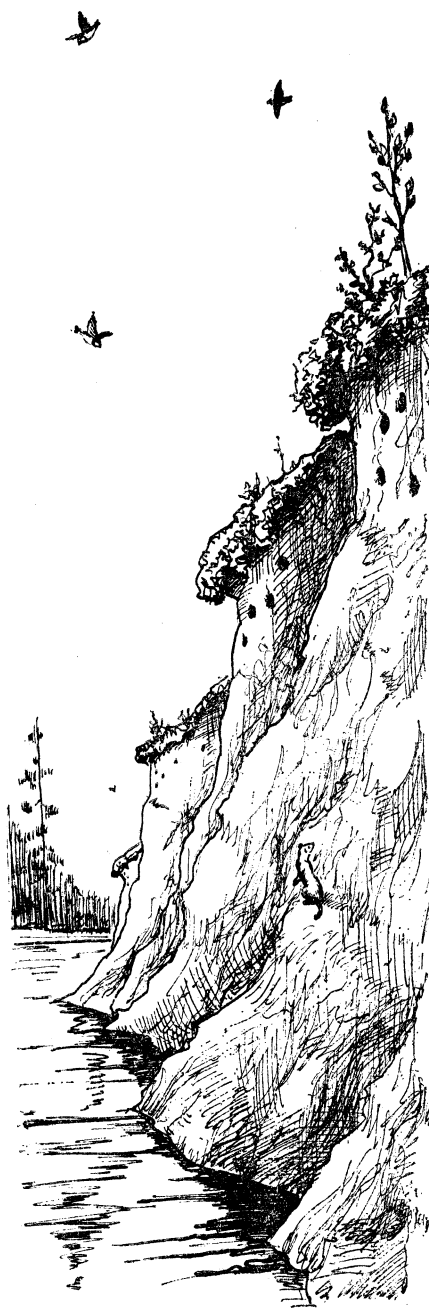
На шнурке моего компаса висит маленькое алюминиевое колечко с номером. Это — память о трагедии, постигшей поселение ласточек-береговушек, для меня это еще и маленький символ большой птичьей верности.

Это колечко побывало далеко на юге. Обладательница его пролетала над бескрайними болотами Западной Сибири, слышала шум прибоя на Каспии, ловила индийских москитов.

На другую колонию береговушек, что в тридцати километрах к северу от «горностаевой», тоже вернулись ласточки, окольцованные мною в прошлом году.

Год носили мои разноцветные кольца краснотелые и луговые коньки, что опять загнездились в окрестной тундре. И тот единственный лапландский подорожник-самец, который жил на моем опытном участке в прошлом году, вновь встретил меня в тундре в один из погожих весенних дней. Сев на ветку ивы, он словно демонстрировал мне красное кольцо на своей правой ножке. Я пришел к его дому. Он был этим обеспокоен, хотя мне хотелось думать, что подорожник своим мелодичным «пи-лю» рад приветствовать меня снова на старом месте. Прошлым летом, в конце июля, он и его пять птенцов вылетели из гнезда, унося с собой алюминиевые кольца. У них начались послегнездовые кочевки. Вскоре уехал и я.

И вот мы встретились вновь. Через два дня мой «правокрасный» освистал меня уже вместе со своей

новой невестой. Возможно, его прошлогодняя супруга погибла, или может быть, она уже строит новое гнездо где-нибудь неподалеку? Ведь большинство птиц заключают семейный союз лишь на один сезон. Многие из них — лебеди, вороны, галки — живут как верная супружеская пара вместе всю жизнь.

А вот месту жительства птицы остаются верны. Большинство пернатых строят гнезда там, где в прошлом году им благополучно удалось вывести потомство. Но птичья молодежь, вопреки бытовавшему когда-то мнению, не возвращается на свою истинную родину. Разве что случайно. И я не встретил на прошлогоднем месте ни одного из окольцованных мною трехсот птенцов.

Есть у меня еще одна старая знакомая.

Однажды Сережа, сидевший у окна, с удивлением выпалил:

— Правожелтая прилетела!

Конечно, не очень хорошо называть моих знакомых такими нелепыми именами. Зато сразу ясно: у этой птицы желтое кольцо на правой ноге.

Правожелтая — это белая трясогузка, она прилетела выводить птенцов на фабрику уже в третий раз.

Когда я вышел из избы, она сидела на коньке крыши и задорно кричала свое «пывльидь», знакомясь с самцом, который прилетел сюда еще неделю назад. Самец этот нездешний. Оба самца, которые год назад были здесь окольцованы, не вернулись.

День спустя Правожелтая уже собирала под застреху травинки, оленью и собачью шерсть, перья...

Для чего птицам нужны сложные навигационные приборы? Почему они в процессе эволюции выработали удивительную способность за тысячи километров находить тот клочок земли в бескрайней тайге или в унылой однообразной тундре, который они считают своим домом? Ведь лапландские подорожники гнездятся и в тундрах Скандинавии, и на Таймыре, и на Чукотке, и на севере Канады, и в Гренландии. А белых трясогузок в гнездовой период можно встретить и в Африке, и в Северной Америке, и в любой стране Европы и Азии. Так не проще ли птицам гнездиться там, где застают их весна, где есть условия жизни, которые им необходимы? Оказывается, не проще...

В природе запасы пищи не беспредельны. Да и мест, где птица может устроить гнездо, тоже не всегда достаточно. Поэтому птицы заселяют подходящие для жизни места более или менее равномерно. Плотность их населения не должна превышать

какого-то вполне определенного предела. Важнейшим механизмом, ограничивающим плотность населения птиц, является территориальность — стремление птиц (чаще всего самцов) охранять занятое ими место от вторжения себе подобных. Летним временем птицы очень дорожат, особенно на севере. Птицы (как и солдаты) обязаны знать свое место в строю. Это экономит время, избавляет их от бесполезной суеты в поисках незанятых мест.

Нам хорошо известно, насколько трудно ориентироваться в незнакомом городе. В своей же квартире мы можем не глядя повернуть выключатель или взять с полки нужную книгу. Физиологи называют это динамическим стереотипом или двигательной памятью. Знакомое место гнездования экономит птицам много энергии, которую приходится тратить на поиски корма, в знакомой обстановке можно быстрее спрятаться от хищника. Наконец, дома у птицы та климатическая обстановка, к которой уже не нужно подстраиваться. Именно поэтому старых птиц тянет домой.

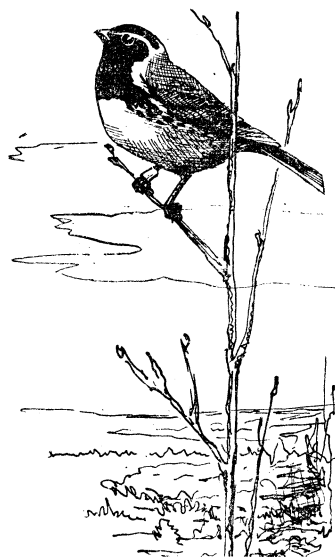
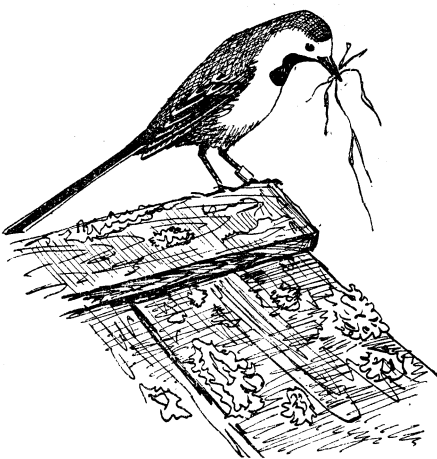
Молодежь обычно прилетает на места гнездования позднее стариков, занимает свободные участки, осваивается на новом месте. У животных, как и у людей, молодежь — передовой отряд. Именно молодым принадлежит роль завоевания новых пространств. Среди птиц, которых орнитологи при встрече относят к разряду редких залетных, подавляющее большинство — молодые.

Соседи

Зоологи, занимающиеся изучением поведения птиц, иногда прибегают к небольшой хитрости — они подставляют птицам чучело, какие обычно выставляют в музеях. Птицы реагируют на чучело, как на живого собрата, и зоолог может делать выводы о взаимоотношениях птиц, наблюдать позы, которые они адресуют друг другу в той или иной ситуации.

Однажды, поставив на крышу дома, где сидела на гнезде моя Правожелтая, чучело самца белой трясогузки, я ждал, как будут развиваться события. До вылупления птенцов оставалось день-два, и мне хотелось узнать, не станет ли хозяин территории переносить присутствие чужака более спокойно, нежели две недели назад.

На фабрике жили три пары белых трясогузок. Давно прекратились драки самцов, выяснявших свои соседские отношения. Птички деловито ловили мух, иногда с криком пресле-

довали пролетающих хищников. Казалось, что они уже потеряли прежнюю агрессивность. Но вот к чучелу подлетел самец, вызывающе крикнул «цы-ти» и, как прежде, представился гостю, продемонстрировав ему черный галстук, шапочку и белые щеки. Рассерженный равнодушием пришельца, он всерьез клюнул его в затылок, налетев сверху. На шум прилетели еще два самца-соседа. Усевшись поодаль, они время от времени подлетали и отвешивали тумака незваному гостю. Муж Правожелтой не проявлял никакого недовольства в адрес соседей. Казалось, он был доволен их дружеским участием и с еще большим усердием напал на вторженца.

Опасаясь за сохранность чучела, я поспешно поднялся на крышу и снял подставную трясогузку.

Спустя пару часов, выждав момент, когда самцов трясогузок на фактории не было, я снова выставил провокатора на крышу склада, где гнездилась другая пара трясогузок. Самка, которую я потревожил, вскоре села на гнездо, обойдя и спокойно осмотрев чучело. После десяти минут ожидания я увидел картину, подобную недавней, с той лишь разницей, что инициатива изгнания чужака теперь принадлежала хозяину склада.

Мне опять пришлось вмешаться и спасти чучело.

Кто разорил гнездо?

В гнезде № 54 исчезло яйцо. Через день пропали еще два. И вот сегодня, обходя гнезда и делая отметки в карточках, я снова заглянул в это гнездо. Чететка свила его на елке, хорошо позаботившись о его недосыгаемости: горностаю и ласке не забраться по гладкому стволу, белок тут, в лесотундре, нет. Ворона? Вряд ли это была она. Уж если эта разбойница найдет гнездо, то и скорлупок от яиц не оставит. Здесь кто-то работал очень деликатно, не повороньки.

Гнездо располагалось высоко — я едва доставал его рукой. Чететки на гнезде не было. Я осторожно опустил в лоток руку, но тут же отдернул ее — что-то пушистое и теплое копошилось в гнезде. Это была красная полевка. Она не спеша покинула свое необычное убежище и стала спускаться по стволу елки на землю — вниз головой, как это делают белки.

Я осмотрел гнездо. Яиц, которые я еще видел здесь вчера, не было. Заботясь о тепле и уюте, новый жи-

лец, вкусно пообедав, переделал квартиру на свой лад — ивовый пух, заячья шерсть и перья полевка старательно раздергала зубами, взбив подстилку, как пуховую перину.

* * *

Время летит быстро. Напряженный ритм птичьей жизни захватывает и орнитологов: лето коротко, все птицы на севере строят гнезда, насиживают кладки и выкармливают птенцов почти одновременно. Нужно успеть. Ведь уже в августе приходят первые снегопады, а с ними — бескормица.

...И вот мы летим на юг, как и наши птицы.

Но и зима в делах не кажется утомительно длинной. Наступает март, весна наполняет наши души шемющим чувством дороги. Планы, сборы, снова приятные долгожданные и неожиданные встречи, восторженные находки и досадные неудачи...

Будущим летом я поеду в другие места. Да и Серези теперь нет со мной. Он уже студент университета и лето проводит на факультетской биостанции. Я тоже проходил там студенческую практику. Приятные воспоминания остались от тех времен. Мы вникали в азбуку биологии, открывали для себя новый мир. Перед нами проходили маленькие жизни трав и насекомых в большой и вечной круговерти природы. И мы убеждались, насколько она — Великая Природа — многолика, мудра и безгранична.

Именно тогда многие из нас настоящему заразились биологией. Сергей тоже болен ею с детства. А болезнь эта, как я давно уже понял, неизлечима.

Как на войне

Три оператора замерли у своих камер. Еще мгновение, и режиссер, взмахнув рукой, произнесет магическое слово:

— Мотор!

Магическое потому, что по этой команде взревет фашистские бронетранспортеры, полетят гранаты в немецкий танк «пантера», и с криком «ура!» пойдут в атаку партизаны.

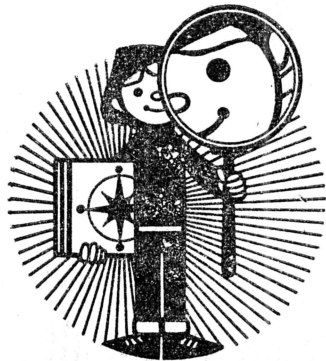
Это мы увидели все потом на экране, в фильме «Смелого пуля боится». А на снимке — начало начал.

...На Украине в селе Дахновка вырос пионерский лагерь довоенных времен. Его захватили оккупанты, взяв в плен советских пионеров.

И вот рано утром грянул бой...

Этот снимок интересен тем, что редко «в бой» вступают сразу три камеры, объективы которых смотрят в одну точку. А сделали это потому, что для повторного дубля не было уже ни дымовых шашек, ни взрывчатого вещества. Все пиротехнические средства были пущены в дело. Кроме того, транспортеры и танк, изготовленные на Уралмашзаводе, после этой съемки превратились... в металлолом. Как на войне!

Свердловский фильм «Смелого пуля боится» оказался победителем международного фестиваля фильмов для детей и юношества в Индии и получил вторую премию.

М И Р

на лагони

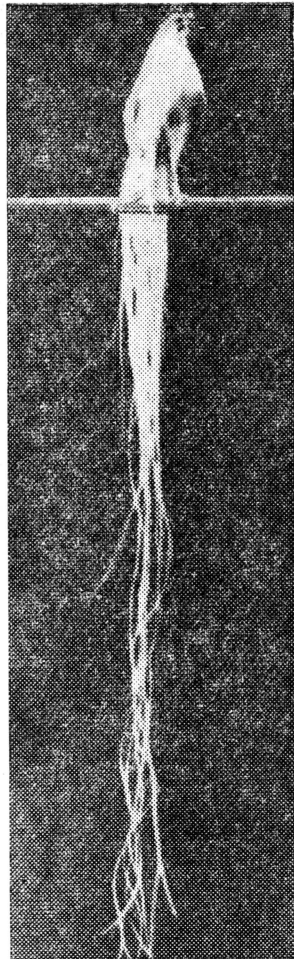
Склад электроэнергии

В разгар рабочего дня потребление электроэнергии возрастает до максимума. А ночью, наоборот, — ее избыток. Но ведь электрическую энергию не прибережешь в складе на черный день — для часов пик.

Оригинальный инженерный проект разработали ученые Ленинградского отделения института «Гидропроект». Это будет, по сути дела, хранилище электроэнергии.

На одной из мощных Ленинградских электрических станций решено построить два бассейна. Один — внизу, другой — на много метров выше.

Агрегаты, вырабатывающие днем электрическую энергию, ночью будут работать как насосы, поднимая воду в верхнее хранилище. А днем, в часы пик, эта вода, устремляясь вниз, приведет в действие турбины...

Декоративный петух

Нелегкое дело перевести петуха-феникса с хвостом длиной до пяти метров из одного места в другое. Для этого изготавливают длинные ящики со специальными отделениями, предохраняющими хвост.

На станции назначения длиннохвостого красавца переносят в высокую узкую клетку с насестом.

Во время прогулок один из хранителей редкой птицы носит хвост петуха, как шлейф королевы.

Такие декоративные, так называемые иокогамские, петухи живут в японских садах и парках.

На снимке: длиннохвостый иокогамский петух.

Дама с горностаем

Этот шедевр мирового искусства кисти Леонардо да Винчи не раз украшал почтовые марки разных стран.

В 1483 году Леонардо да Винчи написал портрет семнадцатилетней Цецилии Галериани с горностаем на руках. Переходя от одного мецената к другому, картина была приобретена князем Адамом Чарторижским.

Во время второй мировой войны она стала жертвой операции «Линц» — краденым шедевром «Музея Фиорера» в Линце.

К концу войны гаулейтер в Польше Франк спря-

тал картину у себя в имении в Баварии. Однако польские патриоты все время следили за перемещением бесценного сокровища и вызволили его из «плена».

На Нюрнбергском процессе «Дама с горностаем» выступила в качестве «свидетельницы» по обвинению фашистов в планомерном разграблении национальных богатств Польши.

Супермарафон африканской воды

Развивающиеся страны Азии и Африки издавна служили для капиталистических стран поставщиками минерального сырья и полуфабрикатов. Группа западногерманских исследователей предложила в дополнение к этому... покупать в Африке тепло и воду.

В Нигерии, к востоку от Тимбукту, будут забирать из реки Нигер 83,4 кубометра воды в секунду. Она пойдет по 1900-километровому трубопроводу диаметром в пять с половиной метров. Черное покрывало трубопровода позволит нагреть воду от 25 градусов Цельсия до 145 градусов на подходе к Сахаре.

В пустыне система зеркал и линз поднимет температуру воды до 350 градусов.

Мощные насосы перекачают воду через Средиземное море, а в альпийских ущельях атомные реакторы поднимут ее температуру до 650 градусов. Отсюда — прямой путь к потребителям.

Пальмы под крышей

В фойе астраханского кинотеатра «Октябрь» акклиматизировались разные тропические растения — пальмы, фикусы...

Этот сад под крышей был создан в 1909 году, когда открылся кинема-

тограф «Модерн». Тогда посадили в кадки несколько взрослых пальм, сейчас они стали уже столетними. Потом здесь прижились другие выходцы из тропиков — и разросся сад в фойе.

Якутские Хибины

Какими только эпитетами не оперировали поэты и журналисты, говоря о Южной Якутии! Когда она подарила нам золото, назвали ее «Советским Клондайком». Когда поразила уникальными коксующимися углями, нарекли ее «Якутским Донбассом». А когда удивила мир своими запасами железных руд, появилось новое имя «Новая Магнитка».

Недавно геологи Тимптоно-Учурской комплексной экспедиции открыли в бассейне Селигдара крупнейшее, около трех миллиардов тонн, месторождение апатита. Состав руды прослежен до глубины 400 метров. Внимание к находке алданских геологов вызвано не только огромными запасами и высоким качеством плодородного камня, но и близостью к строящейся северной ветке БАМа.

САТИРА ДАВНИХ ЛЕТ

«Он трус, он чувствует с запинкой,
Но будет, час расплаты ждет.
Кто начал царствовать — Ходышкой,
Тот кончит — встав на эшафот».

Эти посвященные Николаю II пророческие строчки появились в 1906 году и принадлежали, как это ни странно, утонченному поэту К. Бальмонту. Но если уж Бальмонт обратился к столь откровенной сатире, то что говорить о других поэтах того времени, таких, как Н. Тэффи, Саша Черный, Н. Фалеев, А. Жемчужников и другие.

Никогда российская история не знала такого взлета политической сатиры, как в годы первой русской революции, семидесятилетие которой мы ныне отмечаем. Вслед за журналом «Зритель» появились «Стрелы», «Пулемет», «Сигнал», «Заноза», «Жупел», «Жало», «Бурелом» и десятки других изданий. Всего более двухсот пятидесяти. Пользуясь минутной растерянностью царской цензуры, сатирики подняли голос на святое святых — самое крепостническую суть России. Впервые появилась возможность отбросить привычный рабский эзопов язык и заговорить языком улиц и площадей. И простятся этому языку некоторая грубоватость и прямолинейность — за короткие дни относительных демократических свобод русская сатира не успела отшлифовать необычный для нее стиль. Да и некогда было думать о красотах.

Уже вскоре «дарованные свободы» сменила «столыпинщина» с ее висельным галстуком, и тот же журнал «Стрелы» мрачно пошутил: «Лучше маленькая свобода, чем большой пулемет».

Но главное сатира первой русской революции успела свершить: она сделала смешным Зло и оттого оно перестало быть страшным.

**Игорь
ТАРАБУКИН**

ДНИ СВОБОДЫ

Что француз нам ни сболтнет,
Выйдет деликатно;
Ну, а русский, как начнет,
Берегись, понятно.

У французов шоколад,
А у нас рассольник;
По-французски депутат,
А у нас крамольник.

По-французски сосыете,
А по-русски — шайка;
У французов либерте,
А у нас — нагайка.

По-французски друг и брат,
А у нас изменник;
У французов бюрократ,
А у нас мошенник.

По-французски дилетант,
А у нас любитель;
У французов интендант,
А у нас грабитель.

По-французски декаданс,
И по-русски то же;
У французов «Vive la France»,
А у нас по роже.

По-французскому протест,
Здесь — борьба всех классов,
У французов манифест,
А у нас Дубасов.

По-французски мадамзель,
А по-русски милка;
У французов карусель,
Здесь же «предварилка».

В. ВАЛЕНТИНОВ.

Журнал «Мой пулемет», 1905 г.

ЖУРНАЛИСТУ

Даровал свободу
Слова манифест.
На год, на два года
Садят под арест.
Требуют залога
Гласности кроты.
Подожди немного,
Посидишь и ты...

Н. ШЕБУЕВ.

Журнал «Пулемет», 1905 г.

ЖАЛОБЫ ОБЫВАТЕЛЯ

Моя жена — наседка,
Мой сын, увы, эсер,
Моя сестра — кадетка,
Мой дворник — старовер.

Кухарка — монархистка,
Аристократ — свояк,
Мамаша — анархистка,
А я — я просто так...

Дочурка-гимназистка
(Всего ей десять лет)
И та социалистка,—
Таков уж нынче свет!

От самого рассвета
Сойдутся и визжат,—
Но мне комедья эта,
Поверьте, сущий ад.

Сестра кричит: «Поправим!»
Сынок кричит: «Снесем!»
Свояк вопит: «Натравим!»
А дворник: «Донесем!»

А милая супруга,
Иссохшая, как тень,
Вздыхает, как белуга,
И стонет: «Ах, мигрень!»

Молю тебя, создатель,
(Совсем я не шучу),
Я русский обыватель —
Я просто жить хочу!

Уйми мою мамашу,
Уйми родную мать —
Не в силах эту кашу
Один я расхлебать.

Она, как анархистка,
Всегда сама начнет,—
За нею гимназистка
И весь домашний скот.

Сестра кричит: «Устроим!»
Свояк вопит: «Плевать!»
Сынок шипит: «Накроем!»
А я кричу: «Молчать!!»

Проклятья посылаю
Родному очагу
И втайне замышляю —
В Америку сбегу!..

Саша ЧЕРНЫЙ.

Журнал «Леший», 1906 г.

Последняя страница обложки журнала «Пулемет». 1905 г.

„ЖУПЕЛЬ“
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САТИРЫ

Древо российской свободы
Рисунок Л. Евреинова, журнал «Леший».

«Солдатушки, brave ребятушки! Где же ваша слава?»
Рисунок В. Серова, журнал «Жупел».

НАШИ СВОБОДЫ

Свобод российских не понять,
Чужим аршином их не смерить,
У них особенная стада,
В свободы наши надо верить!
Ф. КУЛИКОВ.
Журнал «Осколки», 1905 г.

ПИСАТЕЛЮ САМОЗВАНОВУ

Сочинена тобою, Самозванов,
Романов целая семья;
Но молваю, правды не тая:
Я не люблю твоей семьи романов.

СОМНЕНИЕ

«Без царя в голове» — говорят
про того
Головою кто слаб иль недужен...
Я ни против, ни за не скажу
ничего;
В голове царь, быть может, и нужен.
В. ЛИХАЧЕВ
Журнал «Зритель», 1905 г.

ЯГОДКА. Офорт.
Надежда НИКУЛИНА [г. Свердловск]

...Санька Кleshков, лучший друг Гуляева, следователя рабоче-крестьянской милиции, приговорен к расстрелу, так как не уберет от поджога один из пустующих продовольственных складов в небольшом городке Сухове, зажатом в кольцо белобандитами. Это Санька-то, проверенный во многих схватках чекист, самоотверженный и честный! Тяжело переживает Гуляев крайне жестокое, по его мнению, решение трибунала. А тут еще новое

потрясающее событие: Кleshков бежит из-под стражи, и, судя по всему, к бандитам... Становится ясно, что белогвардейское подполье и банды готовятся захватить городок, ликвидировать в нем малочисленный революционный гарнизон...

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКУЮ ПОВЕСТЬ «В ОСАДЕ»
ЮЛИЯ ФАЙБЫШЕНКО ЧИТАЙТЕ В НАШЕМ
ЖУРНАЛЕ С СЕДЬМОГО НОМЕРА.